ISSN 0321-3056
DOI 10.18522/0321-3056

ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Северо-Кавказский регион

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2016 2

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

В.И. Колесников, акад., д.т.н., проф. (главный редактор),
В.С. Золотарёв, В.Е. Закруткин, А.В. Павленко (заместители главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (отв. секретарь)

Редакционный совет:

В.Х. Акаев, А.У. Альбеков, М.А. Боровская, А.П. Горбунов, Ю.С. Давыдов, А.А. Магометов,
Е.М. Ниворожкин, В.Н. Овчинников, М.Д. Розин, Р.Д. Хунагов

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв (председатель редколлегии) – д.э.н., проф., Н.В. Изотова – д.филол.н., проф., И.М. Узнародов – д.и.н., проф. (заместитель председателя), О.А. Алимурадов – д.филол.н., В.М. Белоусов – д.э.н., проф., Б.Б. Булатов – д.и.н., проф., Ю.Г. Волков – д.филос.н., проф., Г.С. Денисова – д.с.н., проф., Г.В. Драч – д.филос.н., проф., Н.Н. Евченко – д.э.н., проф., Г.Ф. Карпова – д.пед.н., проф., Ю.С. Колесников – д.э.н., проф., Н.А. Мининков – д.и.н., проф., Л.И. Ниворожкина – д.э.н., проф., В.И. Пржиленский – д.филос.н., В.С. Савчук – к.и.н., доц., В.В. Черноус – к.полит.н., проф., Э.А. Шеуджен – д.и.н., проф., Е.А. Шинкаренко – редактор отдела журнала, О.М. Штомпель – д.филос.н., проф.

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации, Дагестанский государственный технический университет, Дагестанский государственный университет, Донской государственный технический университет, Кабардино-Балкарский государственный университет, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Пятигорский государственный лингвистический университет, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростовский государственный экономический университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Северо-Осетинский государственный университет, Южно-Российский государственный политехнический университет, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко,
Е.А. Шинкаренко, М.С. Шипитко

Подписано в печать 14.06.2016.
Формат 60×84/8. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 14,36.
Тираж 200 экз. Цена договорная. Заказ № 5211.

Адрес редакции и издателя (для переписки):
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42,
Южный федеральный университет
E-mail: izvestiya@sfedu.ru
Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии серии «Общественные науки»:
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094

Адрес типографии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, к. 104,
Издательско-полиграфический комплекс КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ

© Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион, 2016

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

Регистрационный номер 011018

Комитета Российской Федерации по печати

Научно-образовательный и прикладной журнал

Издается с 1973 г.

Периодичность серии 4 номера в год

№ 2 (190) 2016 г.

DOI 10.18522/0321-3056-2016-2

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Абиева Э.Г., Халиков А.С., Рамазанов М.Р., Дибраев А.Д. Роль философии в гуманитаризации современного образования…….. 5

Прокопович Ю.В. Значение философии непосредственного знания как предпосылки формирования предметного поля современной философии…… 9

Соблирова З.Х., Хоконов М.А., Абидова И.З. Типология модных девичьих образов в локальной городской культуре (на материале анкетирования молодежи г. Нальчик)…….. 14

Суханов Р.Е. Трансцендентализм и интуитивизм в оценке мифа: диалог Н. О. Лосского и Э. Кассирера …….. 19

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Агафонов А.И. Пушкарское дело на Дону (конец XVI – начало XVIII века)…….. 24

Булгаков А.О. Проблема обеспечения безопасности СССР и польский вопрос в 1939 году ……. 30

Венков А.В. Исторические реалии и прототипы одного из Донских рассказов М.А. Шолохова ……... 34

Курмансеитова А.Х. Об организации цензуры национальной книги в Северо-Кавказском крае в годы культурного строительства 38

Лысенко Д.В. Станичные рапорты как источник по истории массового движения донских казаков 1792–1794 годов…… 42

Мининкова Л.В. Владимир Григорьевич Мирзоев об исторической мысли Киевской Руси …… 46

Нурдыгин Е.А. Использование массового физкультурно-спортивного движения в советской политической жизни в начале 1950-х годов (по материалам Пензенской области)…… 51

Подольников В.П. Народная война 1870–1871 годов во Франции в исторической и художественной литературе …….. 54

Попенков О.Н. Арабский социализм лидера ливийской революции. Феномен Муаммара Каддафи…… 61

Сабанчиев Х.-М.А. Походы монголов на Северный Кавказ в 20–30-х годах XIII века …… 65

Сербинович Л.Ю., Абраменко В.А. Организация документационного обеспечения управления и архивного хранения документов российских общественных объединений…… 70

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Косарев Р.В. Экономико-математическая модель согласованного развития сферы коммерческой недвижимости и инфраструктуры региона……. 77

Полякова Е.М. К вопросу о социальных рисках развития человеческого капитала …… 82

СПОРИМ, ОБСУЖДАЕМ

Кислицын С.А., Кумов К.Г. Новый этап дискуссий вокруг творчества М.А. Шолохова…… 88

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Дудайти А.К., Бетеева М.М. *Дзидзоев В.Д., Никаев Р.М.* Национальная безопасность России в условиях признания суверенитета Абхазии и Южной Осетии и гражданской войны в Украине (исторические и политико-правовые аспекты). Владикавказ, 2015. 330 с. 95

Копылов В.П. Историческое место и роль города Дербента в российской и мировой истории (Кудрявцев А.А. Дербент – древнейший город России. Махачкала, 2015. 342 с.)…… 97

Магомедов М.Г. Социальная ответственность российского бизнеса в сфере культуры (Крамарова Е.Н. Меценатство на Юге России: форма реализации социальной ответственности бизнеса / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2015. 156 с.)…… 102

Покасов В.Ф. *Аникеев А.А., Линц И.И.* Развитие образования на Ставрополье: конец XVIII – начало XXI в. Пятигорск; Ставрополь, 2016. 446 с.……... 105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Воронина Т.В., Евченко Н.Н. II Международная научно-практическая конференция «Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики» (г. Ростов-на-Дону, 14–15 апреля 2016 г.)……. 107

Карпова Г.Ф. Архитектурное образование как интегративная образовательная область. Региональный научно-методический семинар ЮФУ «Инновации в начальном (1–2 курсы) архитектурном образовании» (г. Ростов-на-Дону, 24 февраля 2016 г.)…… 109

Савченко Л.А., Вялых Н.А. Тринадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные ценности в XXI веке» (г. Ростов-на-Дону, 25 марта 2016 г.)…….. 110

IZVESTIYA VUZOV.
SEVERO-KAVKAZSKII REGION

Reg. No. 011018

Of the Russian Federation Committee for the Press

Educational-research journal of applied sciences

Published since 1973.

4 issues per a year

No 2 (190) 2016

DOI 10.18522/0321-3056-2016-2

SOCIAL SCIENCES

CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Abieva E.G., Khalikov A.S., Ramazanov M.R., Dibraev A.D. On the Importance of Philosophy in Humanization of Modern Education… 5

Prokopovich Yu.V. The Significance of the Immediate Knowledge Philosophy as a Background of the Subject Field Forming in the Modern Philosophy…… 9

Soblirova Z.Kh., Khokonov M.A., Abidova I.Z. Girls' Fashion Image Typology in a Local Urban Culture (on the Material of the Survey of Youth in Nalchik)……... 14

Sukhanov R.E. Transcendentalism and Intuitionism in the Assessment of Myth: Dialogue of N. O. Lossky and E. Cassirer …… 19

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

Agafonov A.I. Cannon Business on the Don (the End of XVI - Beginning of XVIII Centuries)…… 24

Bulgakov A.O. The Security Problems of the USSR and the Polish Question in 1939……. 30

Venkov A.V. Historical Realities and Prototypes of one of Sholokhov's Don Stories ……..... 34

Kurmanseitova A.Kh. On the Organization of Censorship of the Vernacular Literature in the North-Caucasian Region during the Period of Cultural Construction…….. 38

Lysenko D.V. Cossacks Village Reports as a Source of Information about History of the Don Cossacks Mass Movement in 1792-1794…… 42

Mininkova L.V. Vladimir Grigoryevich Mirzoev about Historical Thought of Kievan Rus…….. 46

Nurdygin E.A. The Use of the Mass Sports and Sports Movement in the Soviet Political Life in the Early Fifties (on Materials of the Penza Region)…….. 51

Podolnikov V.P. People's War in France, 1870-1871, in Historical Literature and Fiction ……. 54

Popenkov O.N. Arab Socialism of the Libyan Revolution Leader. The Phenomenon of Muammar Gaddafi…… 61

Sabanchiev Kh.-M.A. Mongols Campaigns to North Caucasus in the 20-30-ies of XIII Century …….. 65
Serbinovich L.Yu., Abramenko V.A. The Organization of Document Management and Archiving of Russian Public Associations Documents …….. 70

ECONOMIC SCIENCE

Kosarev R.V. Economic-Mathematical Model of Coordinated Developments of the Sphere of Commercial Real Estate and Infrastructures of the Region……... 77
Polyakova E.M. To the Question of Social Risks of the Development of Human Capital ……... 82

DISCUSSING, DEBATING

Kislitsyn S.A., Kumov K.G. The New Stage of the Discussions around the Art of M.A. Sholokhov…….. 88

BOOKS REVIEW

Dudayti A.K., Beteeva M.M. *Dzidzoev V.D., Nikaev R.M.* The National Security of Russia in the Conditions of Recognition of Sovereignty of Abkhazia and South Ossetia and the Civil War in Ukraine (Historical, Political and Legal Aspects). Vladikavkaz, 2015. 330 p. …. 95
Kopylov V.P. The Historical Place and Role of the City of Derbent in the Russian and World History (A.A. Kudryavtsev. Derbent - the Most Ancient Russian City. Makhachkala, 2015. 342 p.)…… 97
Magomedov M.G. Social Responsibility of Russian Business in the Field of Culture (Kramarova E.N. Patronage in the South of Russia: the Method of the Implementation of Corporate Social Responsibility. Ed. by V.V. Chernous. Rostov-on-Don, 2015. 156 p. ……. 102
Pokasov V.F. *Anikeev A.A., Lints I.I.* The Development of Education in the Stavropol Region: the End of XVIII - the Beginning of XXI Century. Pyatigorsk; Stavropol, 2016. 446 p. …….. 105

SCIENTIFIC LIFE

Voronina T.V., Yevchenko N.N. Second International Scientific and Practical Conference "The Competitiveness of National Economies and Regions in the Context of the World Economy Global Challenges" (Rostov-on-Don, April 14-15, 2016)…….. 107
Karpova G.F. Architectural Education as an Integrative Educational Sphere. Regional Scientific Seminar SFU "Innovation in Primary (1-2 courses) Architectural Education" (Rostov-on-Don, February 24, 2016) 109
Savchenko L.A., Vyalykh N.A. Twelfth International Gender Reading "Gender Values in the 21st Century" (Rostov-on-Don, March 25, 2016)…….. 110

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1:378.14 DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-5-9

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ГУМАНИТАРИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2016 г. Э.Г. Абиева, А.С. Халиков, М.Р. Рамазанов, А.Д. Дибраев

Абиева Эльмира Гаджибалаевна –
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии и истории,
Дагестанская государственная медицинская академия,
пл. Ленина, 1, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000.
E-mail: abievaelmira@mail.ru

Abieva Elmira Gadzhibalaevna –
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Department of Philosophy and History,
Dagestan State Medical Academy,
Lenina Sq., 1, Makhachkala,
Republic Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: abievaelmira@mail.ru

Халиков Абдулхалик Султансаидович –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и истории,
Дагестанская государственная медицинская академия,
пл. Ленина, 1, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000.
E-mail: dgma@list.ru

Khalikov Abdulkhalik Sultansaidovich –
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy and History,
Dagestan State Medical Academy,
Lenina Sq., 1, Makhachkala,
Republic Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: dgma@list.ru

Рамазанов Магарам Рагимович –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и истории,
Дагестанская государственная медицинская академия,
пл. Ленина, 1, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000.
E-mail: dgma@list.ru

Ramazanov Magaram Ragimovich –
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy and History,
Dagestan State Medical Academy,
Lenina Sq., 1, Makhachkala,
Republic Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: dgma@list.ru

Дибраев Афсаладдин Дибирахмедович –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра гуманитарных дисциплин,
Дагестанская государственная медицинская академия,
пл. Ленина, 1, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000.
E-mail: dgma@list.ru

Dibraev Afsaladdin Dibirakhmedovich –
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Humanities,
Dagestan State Medical Academy,
Lenina Sq., 1, Makhachkala,
Republic Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: dgma@list.ru

Раскрывается роль философии в создании новой концепции гуманитарного образования в условиях глобализации, обозначаются существующие в этой области проблемы, пути их преодоления, обосновывается востребованность новых педагогических подходов в формировании гуманистических качеств будущих специалистов.

Ключевые слова: *философия, современное образование, гуманитаризация образования, дисциплины гуманитарного цикла, социальный заказ, мышление, бытие, духовность, культурные ценности, позиция, концепция, мировоззрение, глобализация.*

In this article, the role of Philosophy in the creation of a new concept humanitarian education in the context of globalization is considered, the existing problems in this sphere, ways to overcome them are designated; the demand for new pedagogical approaches in the formation of humanistic qualities of future specialists is justified.

Keywords: *philosophy, modern education, humanitarization of education, disciplines of humanitarian cycle, social order, mentality, existence, spirituality, cultural values, position, conception.*

В современных условиях существует целый ряд оснований, подтверждающих необходимость гуманитаризации образования. В эпоху ноосферного развития, когда человечество переходит к взаимодействию с помощью глобальных коммуникаций, в социуме появляется широкий выбор средств при решении профессиональных и личных проблем. Это повышает степень индивидуальной ответственности, что требует усиления гуманитарного аспекта образования.

Гуманистический потенциал философии как учебной дисциплины огромен. Как наука о наиболее общих закономерностях развития природы и общества, она рассматривает окружающий мир через призму человека, его интересов, потребностей, жизненных ценностей.

Гуманитаризация образования в философском смысле означает определенную направленность на этическое и эстетическое отношение обучающегося к окружающему миру, учит правильно его познавать и исследовать.

Философия – это опробированная многовековым опытом человечества лучшая школа разумного мышления, которая позволяет свободно оперировать понятиями, выдвигать, обосновывать и подвергать критике те или иные суждения [1–3].

Соединение образования с идеей его гуманитаризации – это одно из непременных условий выживания человечества в целом и сохранения человеческого качества на уровне индивида. Приобщение к сфере культуры позволяет человеку выйти на духовный уровень, который открывает пути к соединению его с другими людьми и познать новые грани существования [4].

Переход к рыночным отношениям начала 90-х гг. XX в. привел к индивидуализации жизни российского человека. Необходимость борьбы за физическое и социальное выживание низводила человека до уровня простого существования и постепенно уничтожала его нравственную сущность. В таких случаях, как правило, в силу вступают негуманитарные модели социального бытия. В результате в российском образовательном пространстве наметилось последовательное вытеснение гуманитарного начала, что выразилось в сокращении часов, отведенных на гуманитарные дисциплины в школьных и вузовских стандартах образования.

Дегуманитаризация образовательных стандартов привела к тому, что в структуре вузовской подготовки из числа гуманитарных дисциплин на некоторых факультетах негуманитарного профиля остались лишь физическая культура и язык. Жизнь показала, что современная модель получения престижного образования должна обеспечить конкурентоспособность выпускника на рынке труда. Эту задачу трудно будет осуществить без общекультурного и гуманитарного развития будущего специалиста [5, 6].

Философское знание занимает центральное место в структуре социально-гуманитарных дисциплин, так как философское осмысление вечных проблем является внутренней потребностью каждого человека.

Преподавание философии в высших и средних учебных заведениях связано с процессами модернизации современного образования и в нашей стране, и в мире в целом. Философия учит анализировать, понимать задачи развития общества, определять свое место в жизни, отстаивать свою позицию.

На вопрос: «Для чего людям нужна философия?» – студенты дают осмысленные ответы: философия учит мыслить, рассуждать, способствовать развитию человека и общества, помогает изменить общество к лучшему. Их интересуют такие важные философские проблемы, как создание искусственного интеллекта, смысла жизни и смерти, будущего человечества.

Философия неразрывно связана с другими учебными дисциплинами, в том числе естественнонаучными. При изучении вопросов происхождения мира и его устройства невозможно обойтись без знаний по физике, астрономии и других наук. Главное в преподавании – донести до обучающихся цель гуманитарного образования, показать, что оно призвано дополнить, обогатить их специальность необходимой, хотя и совершенно иной информацией.

Гуманитарность – это качественная характеристика образования, которая позволяет человеку получить целостное представление о действительности. Он становится способным воспринимать окружающее в контексте культуры, активно проявлять свое видение и отношение к происходящему вокруг, развивать взаимодействие с окружающим миром.

В то же время необходимо отметить, что гуманитаризация образования означает не только и не столько введение необходимых для этого учебных предметов, сколько направление в сторону поиска совершенно иных, новых принципов организации и построения учебного процесса. Нужны образовательные программы, направленные на формирование у человека целостного представления о действительности. А это предполагает включение в структуру учебного процесса таких интегративных и междисциплинарных курсов, которые позволяют повышать степень обобщения информации и упорядочивать множественность знания [7].

Сама по себе гуманитарная информация не способна полностью и мгновенно изменить жизненные установки человека. Нужны кардинальные изменения в его сознании и системе мышления, что будет возможно при создании новой концепции гуманитарного образования.

Традиционно путем получения классического образования считалось гуманитарное развитие личности через приобщение к лучшим образцам мировой и отечественной философии, истории, искусства.

В условиях изменяющегося общества гуманитаризация вузовского образования означает, что рынок труда получает не просто специалиста, владеющего определенным объемом естественнонаучных или технических знаний, но и носителя гуманитарной культуры, имеющего жизненные ориентиры, исповедующего гуманитарные ценности [8].

Философия непосредственно способствует формированию культуры мышления, овладению научными принципами мышления. Культура мышления современного человека – это умение правильно и глубоко мыслить, самостоятельно анализировать явления и процессы, вскрывать в них существенное; это умение подойти к известному с новой стороны, отказываться от традиционных штампов мышления.

Гуманитарная подготовка обучающихся разных специальностей должна носить целостный характер. Соотношение специальных и гуманитарных дисциплин может меняться в зависимости от специфики вуза, его технического и гуманитарного направления.

Философия находится в более привилегированном положении по сравнению с другими науками, так как, например, при изучении физики или химии никого не интересует личная точка зрения студента. При изучении философских проблем у обучающегося вырабатывается мировоззренческая позиция, человек учится мыслить, рассуждать, критически оценивать действительность.

Будущий специалист, благодаря изучению философии, становится более подготовленным к профессиональной деятельности в сложных условиях глобализированной системы мирового хозяйства, в которой определяющим фактором является конкуренция идей, технологий, товаров [6].

Гуманитарность не может быть сформирована принудительным или волевым путем. Она возникает у участника образовательного процесса при определенных условиях, среди которых: перевод содержания обучения в контекст культуры, обязательное включение в учебный процесс знаний и практического опыта, способных обеспечить развитие гуманитарных способов мышления и поведения и т.д.

На различных этапах жизни человека философское знание выполняет все новые и новые функции, так как со временем меняются жизненные стратегии, заставляющие его обратиться к глубинным основаниям происходящего вокруг и внутри него. Так человек получает возможность сохранить осмысленность жизни и деятельности на всех возрастных этапах.

Гуманитаризация образования тесно связана с освоением новых форм социального поведения. Это дает возможность человеку самореализоваться в постоянно меняющемся мире, оказывает ему помощь в пересмотре привычных установок и утверждении своей позиции.

О возрастании роли и значении философии в современном мире говорит один из важнейших аспектов будущего специалиста – коммуникативный. Гуманитарные установки, которые дает философия, помогают человеку бесконфликтно и продуктивно существовать в составе различных социокультурных объединений. Практика показывает, что у взрослого человека велика потребность в обмене собственным опытом, в самовыражении в пространстве межличностного общения. При этом овладение философской культурой играет неоценимую роль.

Все это делает очевидным тот факт, что в преодолении кризиса современной цивилизации, в решении острых глобальных проблем огромная роль отводится образованию. Поэтому одна из задач гуманитарного образования – это постоянная и правдивая информация о глобальных проблемах современности, о причинах их возникновения и возможных путях решения этих проблем в ближайшей и долгосрочной перспективе.

В настоящее время преподавание ряда учебных дисциплин, в том числе социогуманитарного цикла, с трудом преодолевает оковы традиционной системы образования. Если мы утверждаем, что образование есть фактор национальной безопасности России, то в таком случае должны взвешенно и ответственно подходить ко всем преобразованиям, планируемым в этой области. Например, стремление к повальной регионализации системы образования привело к появлению так называемых «региональных образовательных стандартов», раскалывающих федеральное образовательное пространство и разрывающих систему образования на куски [5].

Анализируя современное состояние гуманитарного знания и его прогнозирование в будущем, нельзя не обратить внимание на ту особую роль, которую играют государственные решения в области развития всей системы отечественного образования. Эти решения не должны приниматься без всестороннего научного рассмотрения. Необходимо научиться не повторять старых ошибок, тогда развитие приобретет необходимую ему устойчивость.

Демократизация высшего образования вовсе не означает, что нужно разносторонне толковать термины гуманистических дисциплин, а их конкретизацию – в рамках учебной дисциплины. Понятие «образование» предполагает прежде всего умение

воспроизводить уже известное в соответствие с заданными стандартами. Новые образовательные технологии должны ускорить процесс усвоения специальных знаний, но при этом возникают проблемы, которые необходимо решать в комплексе гуманитарных дисциплин.

Есть важное отличие гуманитарных наук от естественных и точных – последние оперируют понятиями, на первый взгляд кажущимися студентам обыденными, знакомыми и расплывчатыми. Однако внешняя простота дает обучающимся призрачную надежду на то, что гуманитарные науки необязательно усваивать конкретно и дословно.

Гуманитарные дисциплины достаточно тесно интегрированы между собой, поэтому чаще всего преподаются без учета межпредметных связей. Это обстоятельство создает иллюзию многоликости одних и тех же понятий. Между тем межпредметные, междисциплинарные связи способствуют формированию мировоззрения, а также обобщению полученных знаний до уровня миропонимания. Гуманистические установки определяют стратегические задачи обучения и воспитания, закладывает основу интеграции всех научных дисциплин, связанных с изучением человека, его духовного мира с позиций человеколюбия и уважения общечеловеческих ценностей.

Фундаментальные теоретические основы гуманистического образования были заложены выдающимися отечественными педагогами К. Ушинским, А. Луначарским, А. Макаренко, В. Сухомлинским. Они сформулировали важнейшие принципы обучения и воспитания личности, соединение производства с обучением, его единство с воспитанием. Такие известные современные российские философы, как В.А. Кувакин, А.А. Кудишина, А.А. Гусейнов, С.Ш. Муслимов, разработали основные принципы современного гуманизма.

Гуманитарное образование сегодня должно стать необходимой, важной составляющей любого систематического образования. И это должно касаться не только тех лиц, которые решат посвятить себя гуманитарным профессиям и специальностям, но и специалистам естественнонаучного профиля.

Многие гуманитарные науки в силу консерватизма остаются в недрах своих технологий и методологической базы. Поэтому необходимо использовать в разработке методологии опыт смежных, в том числе естественнонаучных дисциплин. Это позволит сделать исследования действительности разносторонними и глубокими. Следовательно, специалистов в области гуманитарных наук надо ориентировать на знание и использование междисциплинарных методов познания реальности.

Необходимо разработать специальные учебные программы, отвечающие задачам гуманитаризации образования. Они сыграют ключевую роль в социализации общества, в формировании научно-философского мышления.

Совершенно очевидно, что гуманитарное образование – это не только изучение дисциплин гуманитарного цикла, в котором философия занимает особое место, но также формирование новых подходов к пониманию человеческого бытия, взаимосвязи природы и человека, ценностей, сформированным на протяжении всей истории человечества философией, религией, искусством. Важно выпускать из высших учебных заведений людей, хорошо разбирающихся не только в своей специальности, но и имеющих общую культуру и гуманитарную подготовку.

Литература

1. *Полякова И.П.* Роль философии в формировании мировоззрения студентов в технических вузах // Проблемы и перспективы преподавания социогуманитарных наук в технических вузах в современных условиях : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 19–20 ноября 2008 г.). М., 2008. С. 230–235.

2. *Кравец А.С.* Гуманизация и гуманитаризация высшего образования. М., 2004.

3. *Буракова Г.Ю.* Гуманитаризация процесса обучения. М., 1999.

4. *Данилкова М.П.* К вопросу о ценностных аспектах современного гуманитарного образования // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 17–19.

5. *Кузнецова С.В.* К вопросу о личностно-ориентированном образовании // Вестник ТГУ. Проблемы образования. 2003. № 277. С. 256–261.

6. *Кравец А.С.* Гуманизация и гуманитаризация высшего образования. 2010. URL: http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/kra-vets2.htm (дата обращения: 13.03.2010).

7. *Орешников И.М.* Феномен гуманитарной культуры: сущность, диалектика бытия, назначение : дис. … д-ра филос. наук. Уфа, 1995. 274 с.

8. *Назарова М.А.* Гуманизация общества и гуманитаризация естественно-научного образования в условиях информационно-коммуникативной культуры : дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2007. 194 с.

References

1. Polyakova I.P. [The Role of Philosophy in Formation of Outlook of Technical College Students]. *Problemy i perspektivy prepodavaniya sotsiogumanitarnykh nauk v tekhnicheskikh vuzakh v sovremennykh usloviyakh* [Problems and Prospects of Teaching Social Sciences and Humanities in

Technical Universities in Modern Conditions]. Proceedings of Scientific-practical conf. (Moscow, 19-20 November 2008)]. Moscow, 2008, pp. 230-235.

2. Kravets A.S. *Gumanizatsiya i gumanitarizatsiya vysshego obrazovaniya* [Humanization and Humanitarization of Higher Education]. Moscow, 2004.

3. Burakova G.Yu. *Gumanitarizatsiya protsessa obucheniya* [Humanitarization of Learning Process]. Moscow, 1999.

4. Danilkova M.P. K voprosu o tsennostnykh aspektakh sovremennogo gumanitarnogo obrazovaniya [On the Issue of Values Aspects of Modern Humanitarian Education]. *Voprosy filosofii*, 2003, no 6, pp. 17-19.

5. Kuznetsova S.V. K voprosu o lichnostno-orientirovannom obrazovanii [On the Issue of Human Oriented Education]. *Vestnik TGU. Problemy obrazovaniya*, 2003, no 277, pp. 256-261.

6. Kravets A.S. *Gumanizatsiya i gumanitarizatsiya vysshego obrazovaniya*. 2010 [Humanization and Humanitarization of Higher Education. 2010]. Available at: http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/kra-vets2.htm (accessed 13.03.2010).

7. Oreshnikov I.M. *Fenomen gumanitarnoi kul'tury: sushchnost', dialektika bytiya, naznachenie* : dis. … d-ra filos. nauk [Humanitarian Culture Phenomenon: the Nature, the Dialectic of Life, Purpose]. Ufa, 1995, 274 p.

8. Nazarova M.A. *Gumanizatsiya obshchestva i gumanitarizatsiya estestvenno-nauchnogo obrazovaniya v usloviyakh informatsionno-kommunikativnoi kul'tury :* dis. ... kand. filos. nauk [Humanization of Society and the Humanization of Science Education in Information and Communication Culture]. Novosibirsk, 2007, 194 p.

Поступила в редакцию ***14 апреля 2016 г.***

УДК 165.1 DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-9-13

ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ЗНАНИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

© 2016 г. Ю.В. Прокопович

Прокопович Юлия Викторовна –
аспирант, кафедра философии
и методологии науки,
Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета,
пер. Днепровский, 116, г. Ростов-на-Дону, 344092.
E-mail: 9imamoto@mail.ru

Prokopovich Yulia Viktorovna –
Postgraduate Student, Department of Philosophy
and Methodology of Science,
Institute of Philosophy and Sociopolitical Sciences
of the Southern Federal University,
Dneprovskii Lane, 116, Rostov-on-Don, 344092, Russia.
E-mail: 9imamoto@mail.ru

Рассматриваются взгляды на непосредственное знание в немецкой философии XVIII в. на примере учения Ф.Г. Якоби. Показано, что учение о непосредственном знании становится точкой разветвления немецкой классической философии на два направления. Первое из них – традиция гегельянства, в котором опосредствование является методологическим акцентом. Второе – традиция современной философии, в которой осознается необходимость поиска новых способов отношения человека к миру.

Ключевые слова: *непосредственное знание, реализм, рассудок, субъективность, рефлексия, вера, чувство, наука, опосредствование.*

The article analyses views on the immediate knowledge in the German philosophy of the 18th century. The focus is on the conception of F.H. Jacobi. It is demonstrated that the doctrine of the immediate knowledge has been appeared as the point of divaricating German classic philosophy into two directions. The first one is the Hegelianism tradition, where mediation is the methodological approach. Another one is the tradition of the modern philosophy, where the need for searching new approaches in human relationships with the world is recognized.

Keywords: *immediate knowledge, realism, mind, subjectivity, reflection, faith, feeling, science, mediate knowledge*.

Философия непосредственного знания давно занимает внимание исследователей. При рассмотрении этого вопроса особый интерес вызывает фигура Ф.Г. Якоби и его учение о непосредственном знании, а также пристальное внимание со стороны Г.В.Ф. Гегеля по отношению к его взглядам. Якоби был одним из первых, кто не только с очевидностью обозначил проблему непосредственного знания, но и постарался построить собственное учение, основываясь на этом феномене.

Тем не менее, несмотря на актуальность и оригинальность взглядов, творчество Якоби не только

не получило широкого развития в свое время, но и сейчас работ, посвященных его учению, крайне мало [1, 2]. Из его современников только Г.В.Ф. Гегель наиболее четко выражает свое отношение к явлению непосредственности и учению Якоби [3].

Не проявляют должного интереса к учению Якоби и отечественные исследователи. Можно насчитать всего несколько работ, заслуживающих внимания [4–6].

Однако взгляды Якоби, так разнившиеся с философией его современников, и тот интерес, который проявлял Гегель по отношению к работам Якоби на протяжении своей жизни, говорят о том, что учение Якоби заслуживает более внимательного рассмотрения. Кроме того, его прямое наследие, проявившееся позже в экзистенциализме, феноменологии, а еще позднее – в теории отражения, также говорит о необходимости более пристального изучения его творчества.

Яркие и эмоциональные инвективы, адресованные сложившейся на тот момент картине философии, оригинальность мыслей выделяют Якоби из ряда его современников.

Надо отметить, что термину «нигилизм» в его классическом понимании мы обязаны Якоби. В западной философии он первым вводит это понятие для обозначения опасности со стороны существующей философской установки [5, с. 76]. В терминологии Якоби нигилизм понимается как теория, стремящаяся получить знание обо всем окружающем из такого «я», которое является «чистым мышлением», в результате чего теряется достоверность и окружающего мира, и всего человеческого, индивидуального [5, с. 293].

Заслугой Якоби можно считать то, что он перенес внимание на человека, сделал объектом рассмотрения феномен его существования – реальный субъект в отличие от трансцендентального субъекта Канта или идеализма Гегеля, в котором экзистенции как таковой не отводится ведущей роли [7, с. 5]. Взгляды Якоби на роль субъективности получили в дальнейшем развитие в философии экзистенциализма.

Причину, по которой учение Якоби не исследовано достаточно глубоко, мы отчасти видим в эссеистической, ненаучной манере его изложения. Стараясь передать его суть и оставаясь верным своим взглядам, он пользовался теми средствами выражения, которые, как он считал, должны были дать представление о феномене непосредственности.

Можно сказать, что Якоби предвидел проблему, в дальнейшем рассмотренную многими философами. В том или ином виде ее касались М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Гуссерль [8], Ортега-и-Гассет, К. Маркс, разработавший теорию отчуждения. Эта проблема уже тогда была хорошо видна Якоби и проявилась она следующим образом: человек, в том числе и под влиянием духа своего времени, стремится к определенным благам и ценностям, которые становятся доступными для него при помощи достижений науки. Обустраивая таким образом часть своей жизни, он при этом отдаляется от настоящей, реальной ее стороны, оказывается за пределами всего того, что действительно является для него важным. Формирующееся под воздействием этих процессов мышление в свою очередь продолжает усугублять проблему.

Причина ее заключалась в том, что в XVIII в. «ведущими темами» были идеи рационализма и просвещения. Оформившаяся позже как «немецкая классическая философия» интеллектуальная деятельность той эпохи была связана с результатами Нового времени и имела среди своих черт безличность рационализма.

В противоположность знанию рациональному непосредственное знание предполагает прямое постижение истины без необходимости в доказательстве. Значимость непосредственного знания была отмечена давно. В древнегреческой философии процесс умозрительного постижения истины содержал в себе непосредственное «включение в сознание» элементов действительности, недоступных рассудку. Такого рода знание имеет начало в античной философии. В учениях Левкиппа и Демокрита непосредственное знание представляет собой результат чувственного созерцания, у Платона – носит характер припоминания идей, первообразов, у Аристотеля – принимает вид интеллектуальной интуиции, которая может помочь умозрительно раскрыть общие начала всякого знания.

Суть непосредственного знания в том, что благодаря ему действительность осознается нами напрямую, без помощи «посредников» в виде логических обоснований и доказательств. Многие исследователи и среди них Якоби видели в нем путь постижения истины.

Якоби не только развивал не характерную для своего времени идею о важности таких иррациональных компонентов бытия, как, к примеру, «вера», «чувство», но стремился построить свое учение на основе непосредственного знания.

Позиция Якоби отличалась неприятием догматической метафизики – монистической, систематической, научной, логически последовательной си-

стемы, самым ярким и характерным представителем которой для него стал Спиноза. Его философия для Якоби представляла собой систему, наиболее наглядно показывающую невозможность свободы, так как имела в своей основе принцип «ничего из ничего не происходит». Следовательно, все в мире подчинено жесткой причинности. Так как для Якоби основной момент его философии – вопрос свободы, то его критика рациональной философии и спинозизма была оружием против механицизма научных установок. Вопросы свободы личности, ее защиты от деспотизма научности, логичности, механистического идеала просвещения Якоби считал важнейшим. Для достижения этих целей он сфокусировал свое внимание на феномене непосредственного знания.

Угроза, по мнению Якоби, исходит со стороны рассудочной философии, любое научное философствование в итоге обязательно приводит к фатализму и атеизму [9, с. 484]. Якоби в своем учении обвиняет рационалистическую установку в страхе перед реальностью [5, с. 488]. По его мнению, рассудок боится того, что открывается ему непосредственно, и подвергает все сомнению. Процесс познания в этом случае происходит следующим образом: в мышлении создается предмет, так как понять мы можем то, что в состоянии построить. В результате философ пытается примерить на себя роль творца, и весь мир становится тем, что порождает его разум.

В такой установке, опирающейся на один лишь рассудок, Якоби видит не что иное, как «трусость духа». В ней разум прячется за самого себя в попытке отгородиться от реальности, боясь оказаться лицом к лицу с данной действительностью. В итоге он старается сделать все знание рефлектируемым, пропустить его через себя, чтобы потом являться полным правообладателем этого знания. Получается, что вместо того, чтобы воспринимать данное нам непосредственно, сторонники рационализма стараются превратить его в понятную для себя форму – то ли из страха перед неизвестным, то ли из страха понять, что разум не всемогущ [5, с. 76]. Якоби приравнивает идеализм к нигилизму, потому что тот уничтожает реальность, оставляя вместо нее мир «представлений», представляющий собой «ничто». Трансцендентальный идеализм Канта, по мнению Якоби, – это тот же спинозизм. В нем сознание имеет дело только с той реальностью, которую само же и создает.

В противовес рассудочной философии и ее результатам в виде логических построений сознания важнейшими пунктами учения Якоби являются «вера» и «чувство» – те свойства, которые, по его мнению, в действительности присущи человеку.

Вера тесно связана с понятием непосредственного знания: она не зависит от субъективности и предполагает, по Якоби, знание достоверное, не требующее доказательств. Соответственно, нами принимается на веру то, что не нуждается в доказательстве [5, с. 44]. Вера основана на принципе восприятия откровения, без всяких обоснований уже данного. Особенность познания путем веры в том, что оно не требует усилий сознания или воли. Такое познание носит характер открытости знанию, а усилия, которые могут приблизить к нему, должны быть направлены в постижении самой сути веры.

Исследования области чувства приводят Якоби к убеждению в том, что именно чувственное восприятие обладает истинностью, которую нужно просто принять, не пытаясь постичь [9, с. 496]. Он имел в виду, что кроме рассудка в нас есть и другая интеллектуальная способность, в основе которой лежит чувство. При помощи чувств нам открывается реальность окружающего мира. Полученное таким образом знание является первоначальным и основополагающим для дальнейшей рефлексии и размышления человека. Такое чувство Якоби характеризует как всеобщее, чистое и полностью свободное от субъективного произвола и настроений [5, с. 61].

Нагляднее особенности непосредственного знания в учении Якоби будут видны при сопоставлении его идей со взглядами И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Якоби считает: то, что содержится в чувстве, обосновано самим предметом, который мы познаем. Он категорически не согласен с Кантом, что мы сами наделяем мир смыслом, что рассудок делает его разумным. Наоборот, мы должны постараться понять объективную действительность, существующую независимо от «разума», и воспринять ее в чувстве [9, с. 497]. Реальность раскрывается именно в чувственном восприятии; в нем мы можем содействовать с самой вещью и воспринять непосредственно то, чего не достичь рассудочностью. Эти идеи полностью противоречат теории Канта о «вещи в себе», о том, что мы познаем не «вещи в себе», а то, что находим в своем опыте.

Следующий пункт принципиального расхождения в их взглядах состоит том, что Кант как раз в произволе непосредственности видит угрозу свободе и научности. В свою очередь, сосредоточивая внимание на самом явлении науки, Якоби формирует вывод, что ее основу составляет рассудочная деятельность, которая может делать определенные выводы в неких заданных рамках, но не способна к

объяснению такого сложного явления, как человеческая жизнь. В отношении вопросов истины Якоби считает, что и они не могут быть разъяснены означенным выше способом. И утверждение о возможности нахождения истины научным путем он называет «ложным рационализмом» [5, с. 68]. Черты «ложного рационализма» – уверенность в том, что истину возможно постичь рассудочным, научным путем, и стремление преобразовать философию в науку. Вот что различает Якоби с его современниками и основными оппонентами – Кантом и Гегелем. Их вере в научное мышление Якоби противопоставляет необходимость выработки иной, экзистенциальной направленности философского мышления [9, с.488].

Ведь в мире научности не остается места свободе: все поступки могут быть оправданы некоей необходимостью, может быть просчитана и обоснована рациональность их возникновения. В этой ситуации полной предопределенности свобода не только не может быть реализована, ей вообще не предоставляется никакой роли среди явлений детерминированного мира. Из такой ситуации есть один выход: необходим прыжок из этого детерминированного мира – знаменитое salto mortale Якоби из мира детерминированности в мир свободы, реальной жизни [5, с. 40]. И этот прыжок может быть осуществлен благодаря «трансценденции» мышления. Здесь трансцендентная личность непосредственно связана с трансцендентной реальностью, которая является абсолютной, вневременной, которую нельзя познать путем научного мышления [9, с. 488].

Этот способ и предполагает выход из круга научной, моральной, природной предопределенности к свободе. Мораль и религию, считает Якоби, нельзя построить на фундаменте науки. Так как нравственность в человеке интуитивна, научность может только заменить ее суррогатом и привести в итоге человека к тому же нигилизму. Наука, по мнению Якоби, заменяет достоверное выведенным искусственно, выдуманным.

Свою позицию Якоби называет реализмом. Он настаивает на том, что реальность существует и непосредственно открыта нам в опыте. Рационализм же стремится поставить все под сомнение, увидеть за реальным «подлинное», а затем обосновать и вывести то, что уже и так дано [5, с. 78]. Однако, по мнению Якоби, то, что мы можем воспринять непосредственно, уже и есть истина. Действия рационалистов он оценивает как желание получить бытие из небытия, вывести из абстракции, из построенной ими же логической системы. Роль такого «небытия» в спинозизме выполняет материя, у Канта она отводится «трансцендентальному субъекту». Такие системы создают собственную теорию реальности, а то, что в нее не входит, выносится за границы истинности; так появляется представление об «иррациональном». В итоге, по мнению Якоби, вместо истины рационализм имеет дело с полным отрицанием реальности, по сути – с нигилизмом. Но реальность, по мнению Якоби, непосредственно дается нам в восприятии. Именно таким образом мы постигаем истину, а не результаты нашего воображения. Чувство реальности, выраженное в восприятии, помогает нам отличать то, что является реальностью, от представления. Следовательно, чувство реальности и разум тождественны.

Учение Якоби о непосредственности также подвергалось пристальному рассмотрению и критике со стороны Гегеля. Анализируя разногласия между их взглядами, можно увидеть, что их причина – не сама возможность непосредственного знания. Гегель отмечал, что в таком знании показатель существования истины – познающее ее сознание, сам принцип сознания, но не то, что оно в себе содержит. В результате мы вместо истины имеем дело с субъективным знанием, с уверенностью в том, что в сознании находим то, что ожидаем в нем увидеть. Однако это можно считать только начальным пунктом сознания. Непосредственное знание – лишь предпосылка, начальный пункт философии – знакомство с предметами для дальнейшего их осмысления. Одним словом, то самое неартикулируемое содержание нашего разума, которое удостоверяет его бытийность, – это всего лишь пред-знание. Само же знание предполагает мышление, а мышление – это всегда процесс, развитие, следовательно, непосредственности самой по себе быть не может, а только в единстве с ее противоположностью – опосредствованием. То, что воспринимается как непосредственное знание – это или еще не развитое, незаметное опосредствование, опосредствование «в себе», или итог работы предварительного опосредствования.

Под опосредствованием можно понимать не только предварительную осознанность мысли, но и практическую работу, заключенную в череде действий, изобретений, открытий, приводящих к тому, что восприятие предстает в сознании в виде непосредственности. В сознании не может отразиться то, чего принципиально нет, если знание еще не обнаружено, не опосредствовано, его по сути не существует. Поэтому для того, чтобы мы обладали непосредственным знанием, необходима целая череда опосредствований. И то, что понимается сейчас непосредственно,

предварительно имело длительный ряд обоснований, доказательств. Из этого можно сделать вывод, что непосредственное знание с необходимостью включает в себя опосредствование.

Явное отстаивание Якоби интересов жизни, реального взамен трансцендентальному и идеальному делает его учение интересным для исследования и показывает, что такие философские течения, как экзистенциализм, феноменология, теория отражения, являются его прямыми последователями.

Философия Якоби была ярким примером неприятия рассудочного, опосредствованного знания. Рассудку Якоби отказывал в возможности истинного познания. Рассудок, по его мнению, не создает никакого знания, он способен лишь к рефлексии, и эта мысль целиком была воспринята Гегелем. Напротив, чувство Якоби определял как способность, независимую от рассудка, оно может совершать познавательную деятельность, являясь одновременно ее условием. Якоби показывал, что то, что является невозможным для рассудка, непосредственно постижимо чувством как разумом. И это в снятом виде вошло в гегелевскую диалектику непосредственности и опосредствования. Перевернув отношение, Гегель показал, что чувство и есть «разум в себе», и это можно рассматривать как обоснование онтологизма гегелевского понимания мышления. Таким образом, Якоби оказывается и предтечей, и точкой разветвления противоположных векторов современного поля философствования.

Литература

1. *Bollnow O.F.* Die Lebensphilosophie F.H. Jacobis. Stuttgart, 1933 [2. Aufl. Fotonachdruck; Stuttgart, 1966]. 254 S.

2. *Homann K.* F.H. Jacobis Philosophie der Freiheit. Freiburg; Miinchen, 1973. 304 S.

3. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1 : Наука логики. М., 1974. 452 с.

4. *Гаман И.Г., Якоби Ф.Г.* Философия чувства и веры / сост., вступ. ст., пер. с нем., прилож., коммент., примеч. С. В. Волжина. СПб., 2006. 487 с.

5. *Чернов С.А., Шевченко И.В.* Фридрих Якоби: Вера, чувство, разум. М., 2010. 620 с.

6. *Золотухин В.В.* Спор о божественных вещах: конфликт философских теологий // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 150.

7. *Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX в. М., 1997. 495 с.

8. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136–176.

9. *Чернов С.А., Шевченко И.В.* Кант и Якоби // Иммануил Кант: наследие и проект / под ред. В.С. Степина, Н.В. Мотрошиловой. М., 2007.

References

1. Bollnow O.F. *Die Lebensphilosophie F.H. Jacobis*. Stuttgart, 1933 [2. Aufl. Fotonachdruck; Stuttgart, 1966], 254 s.

2. Homann K. *F.H. Jacobis Philosophic der Freiheit*. Freiburg; Miinchen, 1973, 304 s.

3. Gegel' G.V.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1 : Nauka logiki* [Encyclopedia of Philosophy. Volume 1: The Science of Logic]. Moscow, 1974, 452 p.

4. Gaman I.G., Yakobi F.G. *Filosofiya chuvstva i very* [Philosophy of Feeling and Faith]. Col., tr. from German, add., com. notes S. V. Volzhin. Saint Petersburg, 2006, 487 p.

5. Chernov S.A., Shevchenko I.V. *Fridrikh Yakobi: Vera, chuvstvo, razum* [Faith, Feeling, Mind]. Moscow, 2010, 620 p.

6. Zolotukhin V.V. Spor o bozhestvennykh veshchakh: konflikt filosofskikh teologii [The Dispute about Divine Things: the Conflict of Philosophical Theologies]. *Voprosy filosofii*, 2012, no 7, p. 150.

7. Gaidenko P.P. *Proryv k transtsendentnomu: Novaya ontologiya XX v.* [Breakthrough to the Transcendent: New Ontology of XX Century]. Moscow, 1997, 495 p.

8. Gusserl' E. Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya. Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu [Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. Introduction to Phenomenological Philosophy]. *Voprosy filosofii*, 1992, no 7, pp. 136-176.

9. Chernov S.A., Shevchenko I.V. [Kant and Jacobi]. *Immanuil Kant: nasledie i proekt* [Immanuel Kant: the Heritage and the Project]. Ed. V.S. Stepin, N.V. Motroshilova. Moscow, 2007.

Поступила в редакцию ***4 апреля 2016 г.***

УДК 008 DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-14-18

ТИПОЛОГИЯ МОДНЫХ ДЕВИЧЬИХ ОБРАЗОВ В ЛОКАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ г. НАЛЬЧИК)

© 2016 г. З.Х. Соблирова, М.А. Хоконов, И.З. Абидова

Соблирова Зарета Хасанбиевна –
старший преподаватель,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004.
E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru

Хоконов Мурат Анатольевич –
кандидат философских наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004.
E-mail: mhokonov@gmail.com

Абидова Изабелла Забидовна –
кандидат исторических наук, ассистент,
Нальчикский институт кооперации (филиал)
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
пр. Кулиева, 9, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360000.
E-mail: iabidova@bk.ru

Soblirova Zareta Khasanbievna –
Senior Lecturer,
Berbekov Kabardino-Balkarian
State University,
Chernyshevskogo St., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia.
E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru

Khokonov Murat Anatolyevich –
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Berbekov Kabardino-Balkarian
State University,
Chernyshevskogo St., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia.
E-mail: mhokonov@gmail.com

Abidova Isabella Zabidovna –
Candidate of Historical Sciences, Assistant,
Nalchik Institute of Cooperatives (Branch)
of the Belgorod University of Cooperation, Economy and Law,
Kulieva Ave, 9, Nalchik,
Kabardino-Balkar Republic, 360000, Russia.
E-mail: iabidova@ bk.ru

Исследуется проблема локального феномена моды в контексте адыгской культурной системы. Проводится анализ отдельных аспектов динамики материальной культуры (национальная одежда), которая привела к замене традиционных ценностей, мировоззренческих установок, устоев общества и формированию новой культурной парадигмы. На материалах анкетирования городской молодежи сделана попытка экспликации женских образов, представленных в городе Нальчик (КБР). В исследовании проводится идея о диалектической взаимообусловленности традиционных стилей и современных тенденций в моде.

Ключевые слова: *мода, динамика культуры, традиция, новаторство, локальная культура, культурная трансформация, быстрая мода, ментальность.*

The article deals with the problem of a local phenomenon of fashion in the context of the Circassian cultural system. The article gives the analyses of separate aspects of material culture (national clothes) dynamics, which causes the replacement of traditional values, world outlook, public's charter and to formation of a new cultural paradigm. There was an attempt of explication of female images on a survey material by urban youth in Nalchik (KBR). The research carries out the idea of the dynamic interdependence of traditional styles and modern trends in fashion in the research.

Keywords: *fashion, the dynamics of a culture, tradition, innovation, local culture, cultural transformation, fast fashion, mentality.*

Развитие общества можно рассматривать как возникновение и эволюцию различных форм бытия человека (его внутреннего мира и окружающей среды). Поэтому важным объектом междисциплинарного анализа становится вопрос об изменениях и трансформациях многообразных процессов культуры. На современном этапе в историко-культурологических науках основными критериями для определения специфики культурной динамики являются традиции и новаторство. Характер их соотношений наиболее ярко отражается в феномене моды.

Мода представляет собой совокупность культурных форм, характерных для общества в определенный период его развития. Ее основная функция заключается в отборе, селекции и формировании различных культурных объектов. Она выступает как определенная норма, принуждающая большин-

ство людей к ее принятию. В этом случае реализуется одно из основных этимологических значений моды – «правило», «образец». В каждом регионе в зависимости от историко-культурных предпосылок, ментальных особенностей, типа религиозной идентичности существует своя собственная мода.

Появление моды далеко не случайно. Ведь долгое время в истории культуры мода рассматривалась в качестве одной из форм проявления обычая, т.е. унаследованного стереотипного образца (паттерна), который постоянно воспроизводился. Моду можно воспринимать как способ одеваться, как социально-психологическую функцию культуры и как способ действия. С другой стороны, моду можно трактовать как подражание определенному образу, как выражение собственного вкуса и неординарности и, наконец, как образ жизни. Но нет сомнений в том, что моду нужно оценивать, по словам одного из основоположников теории классической эстетики Э. Шефтсбери, «с точки зрения просветительского идеала жизненной гармонии, где индивидуальное и общественное, внешнее и внутреннее, рациональный и эмоциональный моменты должны находиться в равновесии» [1].

Мода представляет собой тип изменений и источник рождения новых форм. Стремление человека к инновациям рассматривается исследователями как необходимая потребность в приобретении нового опыта. Разнообразие мод свидетельствует о динамике развития культуры, при котором появляются, с одной стороны, новое осмысление уже существующих форм, а с другой – возникновение совершенно новых культурных явлений.

Однако мода принадлежит не столько миру вещей, сколько миру людей. Сами по себе вещи могут не меняться, но меняются те значения, которые им придают люди, взаимодействующие между собой и с культурой в целом. Поэтому мода, судя по обобщающим рассуждениям А.Б. Гофмана, – «один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения, как индивидуального, так и коллективного» [2].

Наше исследование направлено на изучение современной моды (перфоманса моды) в рамках локальной городской культуры г. Нальчика. Основанный еще в 1724 г., сегодня он воплощает образ полиэтнического, поликонфессионального города. В нем проживает более 300 тыс. человек и около 100 национальностей. Своеобразную динамику городской жизни придает наличие трех государственных вузов, в которых обучается более 20 тыс. студентов. Кабардино-Балкарский государственный университет является крупнейшим из них, насчитывающий около 13 тыс. студентов. В КБГУ можно наблюдать многообразие форм и типов девичьей национальной, мусульманской и современной одежды.

Костюм – не только непременный атрибут культуры, связанный с этническими и социальными категориями функционирования общества, но и полноценный исторический источник, несущий большую информацию о различных областях деятельности человека, особенно в том случае, если у изучаемых народов отсутствовала письменность. Одежда отражает преемственность поколений, народные традиции на протяжении длительных хронологических периодов, позволяет проследить связи между народами. Своей знаковой системой костюм несет информацию о половозрастном, социально-экономическом статусе владельца и отражает общий уровень экономического развития данного общества.

Одним из исходных принципов нашей рефлексии по проблеме локального феномена моды в контексте адыгской культурной системы является то, что замена традиционных ценностей и мировоззренческих установок в ней привели к ломке традиционных устоев и формированию новой культурной парадигмы. Произошла перегруппировка всех составляющих культуры, и одним из проявлений того стала мода, способствующая формированию нового габитуса адыгского мира. Модные новации, влияние русской и мировой цивилизации, глобальной фэшн-индустрии приводят к появлению новых модных предпочтений, в том числе и к осмыслению уже известных стилей. Особенно это касается женского городского костюма и женских образов, наиболее динамично воспринимающих все новые тенденции и социальные изменения, в том числе и связанные с исламизацией в КБР, набирающей силу с начала 2000-х гг.

Адыгский женский национальный костюм (платье, шапочка, кафтан, шаровары, нарукавники, обувь, пояс, корсет) подвергался культурной трансформации несколько раз. Уже в начале XX в. горская одежда принимает современный вид. Упростились крой и фасон. Одежда стала украшаться фабричными элементами отделки: тесьмой, лентами и кружевом. Адыгские модницы из зажиточных семей стали носить часы-медальоны на цепочке, городские ботинки, а также использовать сумочки-ридикюли. На смену традиционно простым платкам и шалям пришли привозные из России шелковые, кружевные и шерстяные шали, пледы, пла-

точки [3]. Приверженность традиционному костюму наиболее долго сохранялась среди женщин низких социальных слоев.

Большие трансформации горский костюм претерпел в период советской модернизации. Новая идеология провозглашала равенство народов и культур, а власть ставила целью преодоление экономической и культурной отсталости северокавказских народов. Одежда сильно изменилась. Повседневные летние платья стали шить из тонких тканей с короткими рукавами, большим вырезом, часто с низко спущенной талией. В городах в это время у девушек появилась одежда типа косовороток, юнг-штурмовок, кепи и иных видов одежды, близкой к мужской [4, с. 249]. Подобная мода не могла легко быть воспринята кавказскими женщинами, поэтому продолжали бытовать платья распашного покроя (у старшего и среднего поколения) или закрытые (у молодых). Предпочитались однотонные темные ткани.

Наиболее устойчивым элементом женской одежды оказались головные уборы, состоящие из платков и шалей. В 1930-х гг. появились шелковые платки, схожие с современными. Функции головного убора немного утрачивают свое значение в послевоенный период, когда молодые замужние женщины не закрывают свои волосы, а надевают косынку ленточкой, имеющей символическое значение.

В 1960–1970-е гг. адыгские девушки и женщины перешли на современную одежду, которую либо шили сами, либо заказывали в ателье.

Однако в таком знаковом ритуале, как свадьба, девушка надевала старинное платье или платье из современных тканей традиционного, либо модернизированного покроя. Использовали также серебряные национальные пояса. Старинные нагрудные застежки и пояса заимствовались родственниками и соседями на праздничные дни. Ими дорожили и передавали из поколения в поколение.

Тенденция сохранения традиционного свадебного костюма в 1960–1970-е гг. была связана с общей установкой на создание новых советских обрядов и соблюдением традиционных народных ритуалов, праздников, обычаев. На свадебных торжествах использовались национальные формы одежды в их модернизированном виде. Образ дополняли старинные нагрудники, пояса и шапочки [4, с. 262].

Значительные изменения претерпел Нальчик в перестроечный период. Именно к этому времени относится формирование у кабардинцев урбанистической культуры, массовое перетекание сельского населения в город. Гласность и свобода своеобразно действовали на закрытые горские сообщества. Универсальный черный цвет стал самым популярным среди молодых девушек как символ изысканности и стройности. Он преобладал во всем, начиная от цвета волос, заканчивая аксессуарами. Торговые лавки и магазины были заполнены одеждой черных или коричневых оттенков, причем продавцы не привозили вещей иной цветовой гаммы, жалуясь на то, что они не продаются. Кроме этого в 1990-е гг. появилась мода на ношение большого количества золотых украшений. Турецкое золото, доступное женщинам среднего достатка, носили на любые мероприятия. Наибольшему влиянию в этот период подверглась национальная культура, которая вошла в конфликт с процессом «вестернизации». Самобытная этническая культура оказалась за гранью культурной жизни.

Нами проведено анкетирование среди девушек и юношей (студентов КБГУ) по выявлению типологии девичьих образов и систематизации их восприятия. Было собрано и обработано 120 анкет. Средний возраст анкетируемых 20 лет. На основе полученных результатов выделено несколько ключевых типов девичьих образов:

– девушки с «подиумной» внешностью, одетые по последней моде – стильные и современные;

– одетые согласно мусульманским предписаниям в хиджаб или закрытое платье;

– девушки, использующие в своем образе элементы национального орнамента и этнической культуры;

– выпадающие из общего фона, вульгарные, субкультурные образы.

На вопрос о том, что для Вас мода, 38 % респондентов ответили, что они следуют моде и это их образ жизни. Именно этот контингент нас интересует при рассмотрении первой категории городских девушек. К анкетированию они подошли особенно ответственно и с увлечением. Эти девушки (16–25 лет) являются поколением образованных «продвинутых» людей, знающих, чего они хотят от жизни, и что нужно для этого делать. Они свободно ориентируются в мировых модных новостях и тенденциях, смотрят модные сайты, заказывают все свои вещи по интернету (29 % опрошенных). На первый взгляд они не отличаются от столичных девушек, предпочитают яркие и цветные вещи (34 %), тщательно подбирают ансамбли и критически подходят к выбору своей одежды. Так, на вопрос: «Как Вы оцениваете свой гардероб?» 50 % девушек ответили, что можно было бы его обновить. Как и во

всем мире, в Нальчике созданы все условия для распространения «быстрой моды», когда вещи настолько быстро устаревают, что люди не успевают их донашивать, каждый сезон обновляя свой гардероб. Уровень жизни можно определить только по качеству материала. Предпочтение отдается джинсовой одежде и натуральным тканям. В магазинах представлены вещи люксовых производителей – Dior, Chanel, Versace и др., массовые бренды – Zara, Mango, H&M и т.д. Последние занимаются распространением более дешевых копий одежды от модных домов. Бутики и модные магазины города в своей ценовой политике могут составить серьезную конкуренцию московским магазинам. На сравнительно небольшой территории города 4 крупных базара, и часто встречаются магазины «Доступ», «Sale», «Смешные цены», «Ценопад» и др. 29 % опрошенных признались, что за покупками ходят на рынок и вполне довольны ценами и ассортиментом.

В то же время все большую популярность приобретают девушки в хиджабах и закрытых платьях. Исламский фундаментализм претендует на широкую легитимность и выступает в защиту истинного ислама, отвергая ценность других традиций.

В начале 2000-х гг. впервые появляются девушки в хиджабах, не вызвавшие тогда общественной реакции. Ситуация переменилась после октября 2005 г., когда группа вооруженных боевиков напала на столицу республики. Эти события стали поворотным пунктом в отношении общества к религиозной молодежи. Людей охватил страх перед «закутанными» и «бородатыми», особенно переживали родители. Молодых девушек в хиджабах стали клеймить, причем ложные и опасные стереотипы складывались и в отношении верующей молодежи, не связанной с экстремизмом. Явно недоброжелательное отношение выражалось во всем (например, им отказывали в трудоустройстве).

Сегодня ситуация стабилизировалась, и 31 % опрошенных высказали положительное отношение к хиджабу. Они считают, что люди выполняют предписания своей религии. 63 % респондентов ответили, что то, как одеваться, это личный выбор каждого человека. Отрицательное отношение высказали лишь 4 % опрошенных.

Внутри этой группы можно условно выделить два направления:

а) девушки в закрытых цветных, модных платьях или юбках-миди. Светлый либо яркий платок не закрывает шею, либо повязан широкой лентой (молодые невестки). В данной категории возможно ношение любых украшений, каблука, не исключен неброский макияж. Большинство из них совершают намаз, при этом часто посещают мусульманские салоны красоты, спрос на которые за последние два года заметно вырос. Они заимствуют манеру ношения платка, характерную для чеченских и ингушских девушек;

б) девушки, закутанные в хиджаб, закрывающий полностью шею и даже подбородок. Образ не принимает украшения, макияж, закрываются кисти рук, одеяние темного (обычно черного) цвета.

Следующий девичий образ выделен в особую группу по использованию каких-либо элементов национальной одежды. Стремление к этнической составляющей в своей одежде вызвано желанием дистанцироваться от всеохватывающих глобальных процессов. Этнический стиль позволяет местным дизайнерам, опираясь на культурную самобытность, отойти от стандартных шаблонов и привнести в моду новые цвета, крой, аксессуары, украшения [5]. Следует отметить, что с 2011 г. 28 сентября объявлен днем черкесского костюма. В КБГУ ежегодно проводятся праздничные мероприятия, посвященные этому дню. 75 % опрошенных высказали положительное отношение к введению дня черкесского костюма и согласны с тем, что это будет способствовать сохранению исторической памяти народа. Институционализацией традиционной одежды в современную глокализированную культуру занимаются известные исследователи-модельеры М. Саральп и М. Хацукова.

Сохранение национальных традиций в покрое и отделке свадебных платьев, равно как использование современными модельерами традиционного силуэта, деталей одежды, украшений, на наш взгляд, говорит не об архаике и возвращении к прошлому, а о стремлении обогатить настоящее и будущее, культуру современного человека.

И последний образ – это девушки с креативной внешностью, находящейся на грани моды и вульгарности. Согласно И. Богардусу, вульгарность является следствием того, что люди не успевают прийти к адекватному эстетическому восприятию модных тенденций [6]. Сельские девушки, переезжая в город на время учебы, сочетают в своем образе крайности. Для поездки к родственникам у них есть отдельный гардероб, скромный и консервативный, а для повседневной городской жизни – другой. Девушки демонстрируют открытость, свободу, сексуальность. По-прежнему довольно популярен черный цвет, широко распространены леопардовые и тигровые расцветки, красный цвет, атлас, кружево и т.д. Обильные золотые украшения, бриллианты, массивная бижутерия, высокий каблук, прическа

завершают образ. Уже не вызывают удивленной реакции девушки в спортивной одежде с ярким макияжем, прической и золотыми украшениями. 39 % опрошенных нами молодых людей отметили, что внешний вид не всегда определяет воспитание и более важно, по мнению 37 %, чтобы образ не был вызывающим.

Итак, городская мода выступает как историческое явление, часть материальной культуры и жизни общества. Временное господство определенного стиля и образа сменяется другим и характеризует основные тенденции общественного развития.

Сравнительно небольшой город-курорт Нальчик воплощает в себе множество интересных девичьих культурных образов. Здесь представлены элементы глобального и локального, религиозного и национального, чье переплетение создает особый неповторимый внешний вид. Местный социум активно приспосабливается к сложившимся в стране и регионе условиям с использованием социального ресурса этнической традиции и идеологического ресурса мусульманской религии [7, 8].

Сегодня городская молодежная среда формирует поколение, активно включенное в общественно-культурную жизнь республики. Молодежь образованна, мобильна, владеет современными информационно-коммуникативными технологиями, что и позволяет ей создавать свой уникальный и неповторимый образ. Ментальные основания адыгского общества претерпели существенные сдвиги, но, на наш взгляд, в современном молодежном дискурсе оказываются предпочтительными девичьи образы, несущие в себе отсылки к традициям, прежде всего когда девушка через одежду заявляет о своей воспитанности и культуре.

Литература

1. *Шефтсбери Э.* Эстетические опыты. Т. 1 : Образ и действительность. Москва; Минск, 1998. С. 289.

2. *Гофман А.Б.* Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М., 1994. С. 9.

3. *Цыбульникова А.А.* Влияние русской городской культуры на материальную культуру народов Кубани во второй половине XIX – начале XX в. // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа : материалы X конгресса этнографов и антропологов России. М., 2014. С. 79.

4. *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII – XX вв. М., 1989.

5. *Васильева Ж.В.* Влияние процессов глобализации на fashion-индустрию. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/216.html&j_id=15 (дата обращения: 23.03.2015).

6. *Килошенко М.* Психология моды. СПб., 2001. С. 25.

7. *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик, 2007. С. 272.

8. *Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В.* Этносы в глобализирующемся мире. Ростов н/Д., 2009. С. 166.

References

1. Sheftsberi E. *Esteticheskie opyty. T. 1 : Obraz i deistvitel'nost'* [Aesthetic Experiments. Vol. 1. Image and Reality]. Moscow; Minsk, 1998, p. 289.

2. Gofman A.B. *Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and People. New Fashion Theory and Fashion Behavior]. Moscow, 1994, p. 9.

3. Tsybul'nikova A.A. [Influence of Russian Urban Culture on the Material Culture of the Peoples of Kuban in the Second Half of XIX - early XX Century]. *Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Kavkaza* [City in Ethnocultural Space of the Caucasus Peoples]. Materials of Xth Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia. Moscow, 2014, p. 79.

4. Studenetskaya E.N. *Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII – XX vv.* [Clothing of North Caucasian Peoples XVIII - XX Centuries]. Moscow, 1989.

5. Vasil'eva Zh.V. *Vliyanie protsessov globalizatsii na fashion-industriyu* [The Impact of Globalization on Fashion-industry]. Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/216.html&j_id=15 (accessed 23.03.2015).

6. Kiloshenko M. *Psikhologiya mody* [Fashion Psychology]. Saint Petersburg, 2001, p. 25.

7. Borov A.Kh. *Severnyi Kavkaz v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse* [North Caucasus in the Russian civilization process]. Nalchik, 2007, p. 272.

8. Tkhagapsoev Kh.G., Chernous V.V. *Etnosy v globaliziruyushchemsya mire* [Ethnic Groups in the Globalizing World]. Rostov-on-Don, 2009, p. 166.

Поступила в редакцию ***23 января 2016 г.***

УДК 165.19, 165.9 DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-19-23

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ И ИНТУИТИВИЗМ В ОЦЕНКЕ МИФА: ДИАЛОГ Н. О. ЛОССКОГО И Э. КАССИРЕРА

© 2016 г. Р.Е. Суханов

Суханов Роман Евгеньевич –
соискатель, кафедра богословия,
Санкт-Петербургская православная духовная академия,
наб. Обводного канала, 17, г. Санкт-Петербург, 191167.
E-mail: Filosof20091@yandex.ru

Sukhanov Roman Evgenievich –
Applicant, Department of Theology,
Saint Petersburg Orthodox Theological Academy,
neb. Obvodnogo kanala, 17, St. Petersburg, 191167, Russia.
E-mail: Filosof20091@yandex.ru

Выявляются единства и различия позиций Н. О. Лосского и Э. Кассирера в понимании сущности мифа как способа мышления и конституирования культурно-антропологического опыта. Оба мыслителя признают фундаментальные онтологические свойства мифа как формы культуры. Миф предстает как путь автореференции Абсолюта. Однако критика Лосского в адрес кассиреровской концепции мифа не учитывает глубинную связь ее с гегелевской диалектикой. Гносеологическая установка в анализе мифа Лосского с позиций интуитивизма сама оказывается выражением глубинной конструктивистской тенденции модерна, неприятие которой официально декларирует русский философ на уровне критики науки и современной культуры в целом.

Ключевые слова: *миф, самосознание, форма культуры, трансцендентализм, конструктивизм, Абсолют, самоутверждение.*

The article focuses on the oneness and difference of positions of N. O. Lossky and E. Cassirer in understanding the essence of myth as a way of thinking and the constitution of a cultural and anthropological experience. Both thinkers recognize the fundamental ontological properties of myth as a form of culture. The myth is presented as a way of self-reference of the absolute. However, criticism of Lossky to the concept of myth of Cassirer does not consider in-depth connection with Hegelian dialectics. Epistemological setting in the analysis of myth by Lossky from the standpoint of intuitionism itself is the expression of the underlying constructivist tendencies of modernity, the rejection of which is officially declared by the Russian philosopher at the criticism of science and modern culture in general.

Keywords: *the myth, self-consciousness, culture, transcendentalism, constructivism, the absolute, self-assertion.*

Актуальность темы обусловлена прежде всего необходимостью осмысления широкой тенденции ремифологизации, специфицирующей современную культуру, с позиций русской философии, содержащей имманентные отечественной культуре способы самоосмысления и символического проектирования. Творчество Н. О. Лосского – один из наиболее ярких примеров парадигмального рефлексирования ключевых трендов эпохи модерна и их причин. Раскроем его содержание на примере малоизученной и неизвестной широкой публике статьи «“Мифическое” и современное научное мышление» [1].

Критика научного способа мировидения, которая фактически аргументируется Н. О. Лосским на базе сравнения с мифосознанием, направлена в том числе на раскрытие глубинных причин кризиса всей современной культуры. Наука рассматривается им в более широком и глубинном измерении. А именно: как определенный *выраженный* Логос жизни, система рационализированного кодирования информации о мире и человеке в нем, система, которая в первую очередь устанавливает ориентиры социального целеполагания, поведения, критерии социального «отбора» (селекции) и циркуляции. И поскольку новейшее время, эпоха, когда жил сам Лосский, наиболее ярко демонстрирует противоречивость попыток социального конструирования на основе такой рациональности, то вполне понятно и даже естественно, что рефлексивное усилие русской мысли направляется вовнутрь культурного свершения как в синхронном измерении, так и в историческом. В историческом – с целью обнаружения собственных, независимых от западноевропейского канона, оснований рационализации жизни, ее систематизации и структурирования внешних различий как определяемых на глубинном сущностном уровне «идеала».

Именно по этой комплексной причине Лосский в конечном итоге не принимает анализ мифологического мышления, представленный в работе Э. Кассирера. Миф, по мнению русского мыслителя, лишается в концепции Кассирера главного – своей изначальной «способности» быть *формой*

сказывания о себе высшего (предельного) идеального уровня бытия, не только *метафизического*, но и *металогического*. Главная претензия, которую выдвигает Лосский в адрес кассиреровской концепции мифомышления как символической формы культуры, звучит следующим образом: «Для Кассирера, как для типичного представителя трансцендентального идеализма, мифическое восприятие мира есть *конструкция* познающего ума. Но конструкция ума не может быть живым существом: она есть *мертвый продукт*. Между тем мифическое восприятие есть видение всех предметов *живыми*, усмотрение всюду *динамической активности*, творчески порождающей события и вещи. Видеть живое существо в самом его живом действовании можно только непосредственно, ***интуитивно***: всякая копия, образ, конструкция есть уже не живое бытие, а мертвый продукт. ...Это умонастроение прямо противоположно духу трансцендентального идеализма: согласно трансцендентальному идеализму, мифическое восприятие есть *конструкция*, задающаяся целью конструировать нечто *недоступное именно конструированию*; для него поэтому миф есть глубочайшая ложь, неисцелимо противоречивая затея» [1, с. 34]. Однако выводы, к которым приходит уже сам Лосский в анализируемой статье, а также других своих более крупных работах, говорят о внутренней противоречивости позиции русского мыслителя, о том, что он, провозглашая критический настрой в адрес современности и «позитивистического» конструктивизма, не смог преодолеть «плен» духа времени и полностью вырваться за пределы *операционального* сознания, не позволяющего собственно реализовать «проект» глубоко-интуитивного вживания в творческую самодеятельность субстанционального основания бытия.

Во-первых, утверждение Лосского, что Кассирер есть типичный представитель трансцендентального идеализма, не является однозначным. Тот факт, что автор концепции «символических форм» культуры пытается отыскать некую всеобщую структуру мифа, определенный инвариант отношения к миру и самому себе, делающий миф мифом в собственном смысле слова, становится для Лосского аргументом в пользу трансцендентализма такого подхода. Но главное в данном случае даже не это. Можно ли согласиться с Лосским в оценке кассиреровского толкования мифа как *конструкции*? Не подменяет ли русский философ представление о «конструкции» формы (диалектико-спекулятивном образовании) понятием конструкции как определенного строительного процесса и результата (в тектоническом смысле слова)?

Сомнения здесь возникают уже хотя бы потому, что сам Кассирер объясняет сущность мифа в ряду других символических форм, форм культуры. И при этом главное отличие любой, а не только мифологической, символической формы немецкий автор видит в том, что она сама, как сказал бы Гегель, существует *для себя*, или, другими словами, в своей *налично* выраженной представленной предметно стихии она полностью определяется *смысловым* различием, подчиняющим себе не только «голую материю», но и структуру и функции. *Первичность* мифомышления по отношению к последующему развитию культуры и иных более сложных и по времени младших форм культуры заключается не в том, что миф включает определенную структуру познания или некоего «восприятия» универсума, которая впоследствии трансформировалась в направлении своей рационализации. Кассирер и Лосский едины в оценке собственной самодостаточности и абсолютной уникальности мифологического пласта сознания и культуры. И в этом смысле русский философ не противостоит модернистской европейской традиции (будь то неокантианство Кассирера или феноменология Гуссерля). Проблема в большей степени заключается в преодолении понятийных барьеров между внутренним смысловым пространством русской рефлексии и западноевропейской.

Кассирер подчеркивает, что первичность мифомышления следует рассматривать именно с онтологической точки зрения. Онтологичность характеризует и прочие символические формы культуры. О какой онтологичности идет в данном случае речь? Ведь миф есть продукт человеческой духовной деятельности, коллективного творчества. Для Кассирера, и не только его одного, миф и есть сама высшая бытийная *реальность* человеческой культуры. Конституирование данной реальности происходит не по основанию познавательного усилия индивида, а по всеобщим смысловым условиям *связи* или *отношения*, в котором находятся предметы и различные материальные субстраты друг с другом, образуя «плоть» антропологического универсума.

Как пишет Э. Кассирер, «…существенная и своеобразная работа всякой символической формы – языковой формы, так же как мифологической формы или формы чистого познания, – состоит не в том, чтобы просто воспринять данный материал впечатлений, уже обладающий сам по себе твердой определенностью, заданным качеством и структурой, чтобы затем как бы извне навязать ему *другую форму*, порожденную собственной энергией сознания, напротив, мы видели, что характерная работа духа начинается гораздо раньше. ...Материал “есть”

лишь то, чем он *сделался* благодаря этим актам [апперцепции]; уже в его на первый взгляд простом и непосредственном состоянии материал оказывается обусловленным и определенным какой-либо первичной *смыслозадающей функцией*» [2, с. 109].

В данном случае следует подчеркнуть, что миф не создает некий эмпирически новый мир, ранее неведомый индивиду и противопоставляемый обыденной стихии жизненного потока. Глубоко диалектическая интуиция Кассирера, доказывающая не столько его неокантианство и трансцендентализм, сколько близость гегелевской феноменологии и логике, заключается именно в том, что наличное бытие мира, как оно постулируется в мифомышлении, значимо в своем *отрицательном* соотношении с собой. Это наличное бытие мира, продуцируемого мифическим мышлением, есть в самом точном смысле слова «исчезающее наличное бытие» [3, с. 381], как указывает Гегель, характеризуя как раз ту стадию развёртывающегося опыта самосознания, когда формой последнего выступает миф во всем богатстве верований, политеистических представлений, обрядов, предметов поклонения, культовых церемониальных практик и т. п.

В движении самосознания к самому себе, в постепенном обретении Духом собственной формы тождества миф предшествует непосредственно религии откровения, т. е. фактически христианству. Вот что пишет Кассирер, анализируя и выявляя, по его собственным словам, «диалектику» мифомышления: «Постоянному *возведению* мифологического мира образов соответствует постоянное стремление *выйти за его пределы* – однако таким образом, что и утверждение, и отрицание принадлежат в равной степени самой форме мифологически-религиозного сознания и сливаются в нем в единый неделимый акт. Процесс уничтожения оказывается, при более глубоком анализе, процессом самоутверждения» [2, с. 247].

При этом Лосский усматривает в позиции Кассирера недооценку внутреннего механизма развития мифологической формы как процесса преображения материальной составляющей картины мира. Миф – это не только образ реальности, человека, общества, времени и ценностей, но прежде всего структура коллективной деятельности, или, говоря еще более точно, сама чистая всеобщая *форма деятельности*, включаясь в поле которой отдельная человеческая особь обретает метод собственного отождествления по основанию *целого*. Именно в мифомышлении наиболее сильно и ярко проявилась эта сторона становления и аффирмации культуры как способа человеческой жизнедеятельности. Именно потому, что непосредственность действа, то, что в Новое время будет часто рассматриваться как признак примитивного мышления первобытных народов, «неразвитого самосознания» и низкого уровня способности дифференцированно рефлексировать, в действительности же есть не что иное, как выражение фундаментального процесса трансцендирующего акта мифомышления, духовного преображения «плоти».

Первым же, кто не просто обратил внимание на онтологизирующее действование мифологической практики мысли и деятельности, но и раскрыл собственно сущность данного механизма, был именно Гегель. И Кассирер полностью прав, когда главную посылку к своему исследованию мифа как формы культуры связывает с результатом опыта философского сознания, представленным в системе Гегеля. В «Феноменологии духа» дается фундаментальная характеристика практического действия мифологического пласта культуры, который сам Гегель именует «художественной религией» [3, с. 380]. На примере *культа* он показывает, каким именно образом всеобщее в самосознании участников культа смыкается с единичным выражением и тем самым наличное бытие предметной стихии обращения к божествам перестает быть лишь некой ссылкой на «потусторонний мир». Оно само в своей непосредственности обретает «подлинную действительность самосознания» [3, с. 381], когда предмет обладания или вожделения этого самосознания не противостоит ему как нечто «чуждое» и просто таинственное, потустороннее. Путь эволюции мифологического пласта заключается в постепенном освобождении этого наличного бытия, достигающего своей цели уже в религии откровения.

Словно в подтверждение слов Гегеля французский антрополог и крупнейший исследователь первобытного мышления Л. Леви-Брюль, к авторитету которого также апеллирует Лосский, приводит следующую характеристику культовых обрядов и церемоний туземцев. Последние стали предметом пристального интереса и скрупулёзного анализа полевых антропологов, психологов, лингвистов и культурологов в конце XIX – начале XX в. Леви-Брюль пишет: «Все в церемониях имеет мистическое значение... Чаще всего церемонии преследуют не одну цель, а несколько. Подражая тому, что делали в конкретных обстоятельствах мифические предки, воспроизводя их жесты и действия, участники церемоний приобщаются к ним и становятся реально сопричастными их сущности. ... Поэтому в церемонии,

связанной с определенным тотемом, действующие лица – члены этого тотема» [4, с. 457].

На онтологическое свойство культовых обрядовых практик и ритуалов, скрепляемых сакрально на уровне определенного мифа, указывает также и М. К. Мамардашвили, подчеркивая опять-таки специфику процесса самоутверждения человеческой духовности. «Ритуал есть способ введения человека в состояние, которое не длится природным образом» [5, с. 19]. В данном случае мы специально акцентируем этот аспект, поскольку критика Лосского в адрес кассиреровской концепции мифа как символической формы, будучи отправным пунктом рассуждений русского философа о специфике современной науки и ее кризисе на фоне более древнего и мощного мифологического фундамента культуры, сама оказалась в плену определенных модернистских представлений, например о значении философского опыта самосознания культуры. Тот факт, что Лосский лишь в гносеологизме видит единственно верный путь раскрытия наиболее адекватной формы самопостижения культуры [1, с. 40], говорит именно о том, что хоть русский философ и критикует «трансцендентализм» Кассирера, однако сам всецело остаётся в том понимании онтологии и онтологизма, которое как минимум начиная с Канта было определено, во-первых, для самой классической философии как лишь момент в общем движении самосознания, а во-вторых, для неклассической (послегегелевской мысли) было оценено как «забвение бытия» (М. Хайдеггер), или же как продукт конструкции (как, например, для многих представителей русской философии, включая и самого Лосского).

В терминологии Лосского миф как форма сказывания интерпретируется как *интуитивное* проникновение в сущность, в сферу, недоступную чувственному восприятию. Хотя сама по себе интуиция в философской мысли чаще всего рассматривалась как определенное чувство, но для Лосского интуиция становится таким «методом» познания, который непосредственно есть *самооткрытие* предмета. В данном случае можно было бы опять провести параллель между взглядом Канта на проблему интуиции и точкой зрения Лосского. Однако есть большое «но», которое не позволяет это сделать. С одной стороны, Кант также возможность интуитивного познания связывал с потенциальными ресурсами именно сознания (самосознания), лежащими по ту сторону пространственно-временного форматирования (трансцендентальная структура «Я»). Говоря языком модернистской философии, Кант структуру субъекта, его архитектонику связывал именно с дискурсивным познанием, скрыто реабилитируя тем самым онтологическое значение времени [6]. С другой – отношение к пространству и времени у Лосского не только декларируемо негативное, но и исключает возможность корреляции между опытом самосознания и временем. Понятие «время» в концепции Лосского предстает явно обедненным в сравнении с классической западной мыслью. Это же можно отнести и к пространству: для русского философа в большей степени важна именно естественнонаучная компонента в объяснении сущности форм познания. А потому пространство и время почти всегда остаются лишь «оболочками», не участвующими в конституировании бытийного предела опыта, в его имманентном определении.

Самооткрытие предмета Лосский таким образом со стороны субъекта фактически связывает с актом непосредственной данности содержания жизненного потока. Почему собственно понятие науки, как его выводит Лосский, очень близко определению спекулятивного знания или формы абсолютного самосознания, представленного на уровне системы Гегеля, формы, которая, уже в определении Гегеля, есть «абсолютная форма» и как таковая есть полагание самого всеобщего условия всякого содержания, всякого бесконечно многообразного различия предмета. Конечно, нельзя полностью отождествлять понятие «миф» у Лосского и концепт «форма» в диалектике Гегеля. Речь идет именно о том, что миф рассматривается как *форма выражения* Абсолютного, форма, сохраняющая посредством интуитивного проникновения аутентичные «параметры» этого Абсолютного и потому, по мнению Лосского, выступающая собственным *реальным* Словом *идеального* уровня бытия.

Литература

1. *Лосский Н.О.* «Мифическое» и современное научное мышление // Путь. 1928. № 14. С. 31–55.

2. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2 : Мифологическое мышление. М.; СПб., 2001. 280 с.

3. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. СПб., 2002. 445 с.

4. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. 608 с.

5. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию… М., 1990. 368 с.

6. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М., 2007. 736 с.

References

1. Losskii N.O. «Mificheskoe» i sovremennoe nauchnoe myshlenie [“Mythical” and Modern Scientific Thinking]. *Put'*, 1928, no 14, pp. 31-55.

2. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 2* : *Mifologicheskoe myshlenie* [The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2: Mythological Thinking]. Moscow; Saint Petersburg, 2001, 280 p.

3. Gegel' G.V.F. *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Saint Petersburg, 2002, 445 p.

4. Levi-Bryul' L. *Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in Primitive Thinking]. Moscow, 1994, 608 p.

5. Mamardashvili M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu…* [As I Understand Philosophy]. Moscow, 1990, 368 p.

6. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Tr. from German by N. Losskii. Moscow, 2007, 736 p.

Поступила в редакцию ***18 ноября 2015 г.***

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(470+57) DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-24-29

ПУШКАРСКОЕ ДЕЛО НА ДОНУ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVIII ВЕКА)

© 2016 г. А.И. Агафонов

Агафонов Анатолий Иванович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра специальных исторических дисциплин
и документоведения,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: anatoly-agafonov@yandex.ru

Agafonov Anatoly Ivanovich –
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of Special Historical Disciplines
of Records Management,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
ул. B. Sadovaya, 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: anatoly-agafonov@yandex.ru

Рассматривается формирование и развитие артиллерии в Войске Донском, ее место в решении военно-стратегических и политических задач в Азово-Черноморском бассейне, Степном Предкавказье, защите южных рубежей Российского государства. Большое внимание уделяется военной политике правительства по поддержанию и развитию казачьей артиллерии, ее материально-техническому и организационному обеспечению во время, когда Земля Донского войска находилась вне пределов Российского государства, а донское казачество не было включено в состав вооруженных сил российской империи.

Ключевые слова: *донское казачество, артиллерия, военное дело и боевое искусство в Войске Донском и Российской империи.*

The article considers the formation and development of artillery in the Army of the Don, its place in the solution of strategic military and political objectives in the Azov-Black sea basin, the Steppe Ciscaucasia, the protection of the southern borders of the Russian state. Much attention is paid to the military policy of the government on the maintenance and development of the Cossack artillery, logistical and organizational support during the time when the Land of the Don troops were outside of the Russian state, the Don Cossacks were not included in the armed forces of the Russian Empire.

Keywords: *Don Cossacks, artillery, military science and military art in the Army of Don and the Russian Empire.*

Принято считать, что донская артиллерия образована по указу императора Павла I от 20 октября 1797 г. [1–4]. За три года до этой даты, по мнению военного историка П.П. Потоцкого, в Российской империи была образована конная артиллерия как самостоятельный род войск (особый род оружия). Однако о донской артиллерии, формировании двух рот конной артиллерии автор даже не упоминает. Создание конной артиллерии автор связывает с необходимостью ускорить передвижение артиллерии на театре боевых действий, с целью придать коннице, конным полкам помощь, которую артиллерия подавала пехоте [5].

В действительности артиллерийское (пушкарское) дело известно донским казакам со второй половины XVI в. Сведения о том, что казаки имели огнестрельное оружие, приводятся в расспросных речах посла Ивана Опухтина по случаю пребывания его на Дону в 1614 г. с грамотой и царским жалованьем. Казаки, встретив посла в Смагине юрте Чершенского (Смаги Чертенского), сошлись в круге. Заслушав царскую грамоту и получив жалование, стали петь молебны и стрелять из *пушек и мелкого ружья* [6, с. 6–7]. Казаки, отправлявшиеся в это время в морские походы, писал донской историк В.Д. Сухоруков, имели на судах несколько небольших пушек и фальконетов [7, с. 12].

В конце XVI – начале XVII в. правительство, не уверенное в преданности казачества Московскому государству, жаловало казакам преимущественно деньги, хлебные припасы и вино. Селитру, зелье, свинец, порох, ружья и пушки казаки добывали в походах [8, стб. 3–24].

После избрания на престол Михаила Федоровича Романова в 1613 г. налаживаются постоянные военно-политические отношения Московского государства с Войском Донским, начинаются поставки ему зелья, пороха, свинца и селитры. В

1614 г. Войско Донское получило вместе с хлебными припасами, деньгами и сукнами 100 пудов зелья и 100 пудов свинца. Большое жалованье предназначалось для похода казаков в Астрахань против Ивана Заруцкого и Марины Мнишек [8].

Одно- и трехфунтовые фальконеты (как правило, диаметр ствола 45–100 мм) состояли на вооружении европейских армий и флотов в XVI–XVIII вв. В Московском государстве фальконеты впервые отлиты в 1547 г., они стреляли свинцовыми ядрами и во флоте применялись на гребных судах. Пушки и фальконеты, ручное зелье и порох являлись желанной добычей казаков.

Казаки широко применяли артиллерию против турецкого флота, при захвате городов и населенных мест в Османской империи, Крыму, на Тамани, побережье Азовского и Черного морей, при защите собственных городков [9]. В частности, в главном городке Черкасске находилась в боевой постоянной готовности артиллерия и вестовая пушка, ее выстрелы предупреждали о приближении неприятеля. В начале XVIII в. пушку сменил вестовой колокол [7].

В 1622 г. 500 донских казаков и 70 запорожских черкас на 30 стругах ходили на город «турецкого царя Трапизон, мало не взяли, а посады высекли и живота всякого и корабли, и *наряд* (артиллерию. – *А.А.*), и гостей турского царя поимали» [8, стб. 217–219].

Первые упоминания о пожаловании донским атаманам и казакам *пушечного запаса* содержатся в грамоте царя Михаила Федоровича от 10 марта 1623 г., присланной на Дон. Царь потребовал, чтобы казаки замирились с турецким султаном и крымским ханом, не воевали их города и земли, а также ногайские улусы. В это время в Турции находилось русское посольство П.И. Мансурова и дьяка С. Самсонова. Донские казаки не послушались царского требования, с турками и азовцами «размирились» [8, стб. 220].

Летом 1624 г., как отмечалось в расспросных речах атамана Алексея Старово, все верхние и нижние казаки, всего около 5000, дважды ходили под Азов, взошли на крепость и овладели наугольной башней. Город казаки не заняли, помешало обрушение башни. Тогда они захватили и разрушили Каланчинскую башню, взяли наряд (артиллерию), 9 турецких пушек, людей, бывших в баше, побили. Другие испорченные в бою медные пушки казаки разбили и отослали на колокола в монастыри в Воронеж, Шацк, Лебедянь и Святые горы, всего 117 пудов меди [8, стб. 235–236].

Ярким примером использования казаками артиллерии является Азовское сидение. Так, в отписке донского атамана Михаила Татаринова царю Михаилу Федоровичу Романову, полученной в Москве 4 января 1638 г., отмечалось: «..пошли, государь, мы, холопи твои, под тот град Азов…башни многие и стены из пушек поразбивали … и тот град 18 июня взяли» [6, с. 16, 18].

В Азове казаки захватили богатую добычу, они имели 200 пушек больших, средних и малых, из них старых 94. Но пороха у казаков оставалось очень мало. В этой связи атаман писал царю: «против твоих государевых недругов, стрелять нечем» [6, с. 19].

В апреле 1638 г. царь Михаил Федорович отпустил на Дон с атаманом Антипом Устиновым 100 пудов зелья ручного и 100 пудов пороха пушечного, 150 пудов свинца [6, с. 22]. С этого времени пожалования казакам пушечных запасов (пороховой казны) – пороха, ручного зелья и свинца становятся постоянными [6].

При этом правительство подчеркивало, чтобы казаки «нашему царскому величеству, служили, и всякого добра хотели и над неприятели нашими, над Крымским ханом и его улусы, и над крепостьми, которые поставлены у вас на Дону…промысл чинили, сколько милосердный Бог помощи подаст» [6, с. 70].

В течение XVIII – начале XIX в. в составе ежегодного окладного жалованья Войску Донскому присутствовала пороховая казна – артиллерийский порох и свинец [10, 11].

В XVII в. значение артиллерии в боевой жизни казачества постоянно возрастало. Во-первых, это связано с усовершенствованием огнестрельного оружия и его распространением, переворотом в искусстве фортификации; во-вторых, с участием казачества совместно с московскими войсками, в том числе полками иноземного строя, в войнах и походах против Крымского хана, Речи Посполитой и Османской империи.

После Азовского сидения казаки построили вокруг Черкасска бастион с 9 раскатами, которые вооружили *азовскими пушками*. На Даниловском, Донском и Ивановском раскатах было по 10 пушек, Андреевском, Алексеевском, Мостовом и Татарском – по 8, на трех северных – по 3 пушки. Около 80 пушек окружали и охраняли Черкасск. Все раскаты вместе с Даниловским бастионом казаки возвели из белого камня, привезенного из-под Цимлянской станицы. Многие пушки, захваченные в Азове, износились и технически устарели. Турки, укрепив Азов, практически закрыли выход казакам для походов в Азовское и Черное моря. Обновить или улучшить артиллерийский парк за счет добычи не представлялось возможным [12, с. 172–173].

Около 2 тысяч казаков под начальством походного атамана И.Т. Разина (брата Степана Разина) участвовали в русско-польской войне 1654–1667 гг., союзники Речи Посполитой – азовцы и крымцы – усилили набеги на донские городки. В 1658 г. Московское правительство оказало помощь Войску Донскому. Оно впервые прислало казакам 6 пушек железных и 600 ядер, а также 100 пудов зелья ручного, 100 пудов зелья пушечного, 100 пудов свинца, чтобы было чем «от неприятеля обороняться» [6, с. 56–57, 58].

Весной 1660 г. казачья разведка узнала, что крымский хан и турецкий султан собираются построить новые крепости в устье Дона, у протоки Каланчи. Попытки казаков помешать строительству оказались неудачными, не хватало людей и «пушечного боя». Противник поставил две башни каменные на протоке Каланча и каменный городок с четырьмя башнями на Мертвом Донце [13, стб. 734–735, 740, 766].

Для действий против новых крепостей крымского хана, построенных в Приазовье, царь Алексей Михайлович пожаловал Войску Донскому в мае 1661 г. 100 ядер весом по 7 гривенок[1], 100 ядер весом по 8 гривенок, 100 ядер весом по 10 гривенок [6, с. 63]. Практически правительство знало о состоянии артиллерии Войска Донского, ее численности и калибре пушек.

27 июня 1661 г. донские казаки штурмовали новый ханский городок на Мертвом Донце, пушками разрушили стены крепости и кровлю башен, ворвались на вал, но вынуждены были отступить. Стольник Иван Хитрово не только не поддержал казаков, более того, он отвел свои войска от городка на три версты, обвинил казаков в измене. Действия Хитрово казаки расценили как предательство, о чем сообщили в Москву. Но правительство посчитало их ссорой между казаками и московскими войсками [6, с. 65–68].

В августе 1662 г. донские атаманы и казаки ходили под Азов, «под Каланчинские крепости, что поставил вновь крымский хан, и под теми крепостьми учинили шанцы[2] и из тех шанцов, у того городка верхней бой из пушек сбили» [6, с. 73]. Однако полностью разрушить или захватить башни казакам не удалось, казачья артиллерия оказалась маломощной против каменных стен крепости. Провести подкоп и ее взорвать не позволяла высокая вода. Требовалась тяжелая артиллерия.

Многочисленные примеры успешного применения казаками пушек и фальконетов в морских и сухопутных походах, при взятии неприятельских крепостей и обороне собственных городков показывают, что казаки обладали знаниями и навыками «огневого боя» – артиллерийского и ручного огнестрельного. В Войске Донском сложились традиции использования огнестрельного оружия в связи с развитием инженерного дела. Они позволяли воспринимать новейшие достижения военного искусства.

В 30-х гг. XVII в. европейская артиллерия сделала большой шаг вперед, шведские ученые и военные создали «полковую пушку». Она представляла собой цельнолитое медное, позже железное (чугунное) орудие, 3-фунтового калибра, весом 7–8 пудов. Пушка предназначалась для стрельбы картечью, что резко увеличивало плотность огня, в дальнейшем и ядрами. Пушка обладала высокой скорострельностью – до 6 выстрелов в минуту, ставилась на станок (колесный лафет), это заметно повышало ее мобильность. Два солдата могли перевозить ее на поле боя и сопровождать пехоту, упряжка из двух лошадей легко перемещала «полковую пушку» к месту боя или дислокации воинской части. С развитием «огневого боя» возрастала роль пехоты и фортификации [14, 15].

В России «полковые пушки» появились в 40-х гг. XVII в., они отливались в Туле «по немецкому чертежу» на заводах голландского купца А.Д. Виниуса. К 1637 г. он построил в районе Тулы четыре завода. Когда он скончался в 1652 г., дело продолжил его сын – А.А. Виниус. К 1660 г. в России насчитывалось 7 заводов, они выпускали сотни пушек в год.

В 1664 г. производство «полковых пушек» возникло и в Москве под руководством русского мастера Харитона Иванова. Отливали двух- и трехфунтовые медные и железные пушки весом до 20 пудов. «Полковые пушки», принятые на вооружение русской армии, получили название «галанки» (правильно *голландки*) [16]. Следует отметить, что производство различных видов артиллерийского вооружения было хорошо налажено в Московском Пушечном дворе [17].

Пищали разных калибров, 2-3-4-фунтовые пушки, пушки крупных калибров поступали на вооружение не только русской армии, их посылали и казакам на Дон. В сентябре 1674 г. казаки во главе с атаманом Иваном Харитоновым и есаулом Фомой Болдыревым совместно с московскими войсками под начальством И.С. Хитрово (Большого) ходили

[1] 1 гривенка = 204,75 грамма.
[2] Шанец, шанцы (нем.) – земляной окоп, военные полевые укрепления.

под Каланчинские башни. Казаки и ратники «из шанец и из галанок и из полковых пушек по башням по многие дни стреляли и в башнях многих неприятельских людей побили» [6, с. 84–85]. Затем, раскопав Казачий ерик, захватили Каланчинский остров напротив Азова, отрезали снабжение водным путем башен от города. Попытки азовского гарнизона разгромить казаков и московских ратников потерпели неудачу.

Войско Донское получило отечественные полковые пушки – «галанки» от царя Алексея Михайловича накануне русско-турецкой войны 1676–1681 гг., но они, уступавшие по качеству литья шведским и немецким пушкам, «от стрелбы попортились». В сентябре 1678 г. в связи с предстоявшим походом казаков под Азов и Темрюк правительство передало из полка стольника и воеводы Ивана Волынского Войску Донскому 4 новые «пушки-галанки» [6, с. 101].

В русско-турецкой войне 1686–1700 гг. донские казаки приняли активное участие. В 1687 г. жалованье, посланное Войску Донскому, пушки и пороховая казна, находившиеся в Черкасске, погибли в результате пожара. Как отмечалось в грамоте царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей и княжны Софьи Алексеевны от 28 декабря 1688 г., «по воле Божьей ваш город Черкасск выгорел, церковь Божия и колокола, и пушки, и запасы всякие погорели без остатку» [6, с. 151–152]. Чтобы казаки, направлявшиеся в Крым в составе русских войск под начальством князя В.В. Голицына, не оказались «безружными» и без пушек, правительство направило на Дон дополнительное жалование, в том числе 3 полковые пушки и пороховые запасы.

В результате реформ патриарха Никона и религиозного раскола переселились из различных уездов России в землю Войска Донского многочисленные общины старообрядцев. На Верхнем и Среднем Дону и его притоках они основали свои монастыри и скиты. Раскол широко распространился в среде казачества. В 70–80-х гг. XVII в. правительство решило разгромить движение раскольников в крае, опираясь на свои войска и преданных ему казаков [18].

Итог «религиозной войны» оказался плачевным. Началось массовое переселение старообрядцев в Османскую империю, на Терек, Аграхань, Куму, Кубань и в Крымское ханство. В начале XVIII в. появилось новое Кубанское (ханское) казачье войско. В лице переселившихся с Дона раскольников Российское государство приобрело вместо союзников и защитников хорошо подготовленных и обученных противников [6, 19]. В 1690 г. «за уговаривание раскольников» от ухода на Кубань и Терек, «промыслы над турками и азовцами Войско Донское получило 2 пушки полковые медные по две гривенки ядро» [6, с. 161].

Во время Азовских походов 1695–1696 гг. и после взятия крепости казаки активно использовали артиллерию при захвате турецких судов, штурме Азова, защите Черкасского городка. Сподвижник царя Петра I, участник и очевидец этих событий К.И. Крюйс писал: «Столица донского казачества имела удачное расположение – на острове среди Дона». Фортификационные сооружения Черкасска «изрядно укреплены бастионами и башнями старинной формы с 80 пушками», численность гарнизона «от 7 до 8 тысяч храбрых человек, конных, пеших и матросов, которые говорят по российски, турецки и казацки». Донские казаки, подчеркивал К.И. Крюйс, вооружены луками, стрелами, саблями и винтовками, «которыми очень скоро и метко стреляют». «Собственных пушек казаки не имели, они пользовались только захваченными орудиями с турецких кораблей и галер» [20, с. 1–28]. Но, как известно, казаки имели разнокалиберную артиллерию, состоявшую из захваченных турецких пушек и жалованных российским правительством.

Царь Петр I понимал, что Османская империя и Крымское ханство не смирились с потерей Азова в 1696 г. Под начальством главнокомандующего русской армией боярина А.С. Шеина началось восстановление Азова, а также строительство новых крепостей – Троицкой, Сергиевской, Лютик, Каменного Затона и др. В Азове размещался 8-тысячный русский гарнизон из пехотных московских стрелецких и солдатских полков со стольниками и полковниками под начальством окольничего и воеводы кн. П.Г. Львова [21, с. 157–163]. Охрану Азова и крепостей Петр I поручил также донским казакам во главе с войсковыми атаманами Фролом Минаевым и атаманами Лукьяном Максимовым и Ильей Григорьевым [6, с. 175–187].

Заключение Константинопольского мирного договора (1700 г.) не обезопасило Азов и Восточное Приазовье от набегов крымских татар, ногайцев и калмыков. В мае 1703 г. войсковой атаман Лукьян Максимов получил от царя Петра I грамоту, в которой указывалось, что в случае нападений на Азов и русские крепости необходимо оборонять их всеми силами. Отпор неприятелю давать *пушечной и гранатной стрельбой*, чинить над ним всякий воинский промысел [6, с. 215].

Одним их важнейших итогов военной преобразовательной деятельности Петра I явилось создание

русской артиллерии как рода войск, разделение ее на легкую, среднюю и тяжелую, а также полевую, крепостную, морскую. В 1710 г. в записке австрийского резидента в Москве О.-А. Плейера отмечалось, что «...артиллерия снабжена всеми принадлежностями, ... хорошими лошадьми, для долговременного ведения войны нет недостатка, пороха везде большой запас находится наготове. При всей доброкачественности войска, – продолжал австрийский резидент, – в России, однако ж, мало думают о сохранении солдата...» [22, с. 214].

Петровские реформы не коснулись донской артиллерии, она оставалась на протяжении почти всего XVIII в. на принципах организации и управления такой же, что и в предшествовавший период. Отсутствовали единые нормы и правила поставки пороховой казны, смены наряда (обновления артиллерии). Донская полевая или походная артиллерия, разнокалиберная и неопределенная численно, употреблялась для защиты станиц земли Войска Донского, в составе казачьих полков, отрядов и команд в походах и войнах, а также «для выстрелов в викториальные дни», т.е. в дни побед и праздников [11, с. 614].

Использование «огневого боя» казаками предполагало наличие обученных своему делу людей – пушкарей (канониров), прислугу, ездовых, конный состав. Казаки обладали знаниями и опытом обращения с пороховыми припасами и зарядами, артиллерийскими принадлежностями. Господствовало навычное обучение, передававшееся из поколения в поколение. Казаки также приобретали знания у служилых людей «пушкарского чина», бывавших на Дону, и офицеров московских полков, дислоцировавшихся в Приазовье. Казаки-специалисты огненного, подкопного и гранатного дела неоднократно проявляли свое мастерство в морских походах, во время Азовского сидения, в походах и войнах совместно с русскими войсками в XVII–XVIII вв. Однако донская казачья артиллерия не превратилась в самостоятельный род войск в составе Войска Донского. С начала XVIII в. главным занятием казаков становится кавалерийская служба.

С включением земли Войска Донского в состав Российской империи и казачества в ее вооруженные силы в начале XVIII в. изменилась политика правительства по отношению к донской артиллерии. Она направлялась на превращение ее в составную часть российской артиллерии, при этом сохранялись особенности, присущие казачьей службе.

Литература

1. *Жиров М.С.* Материалы для истории артиллерии Войска Донского. Новочеркасск, 1914.

2. *Преснухин М.А.* Конная артиллерия Донского казачьего войска 1797–1801 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IX : сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Тр. ГИМ. М., 2010. Вып. 183.

3. *Преснухин М.А*. Бог войны на Дону: конная артиллерия Донского казачьего войска // Родина. 2011. № 7.

4. *Соклаков А.Ю*. Развитие конной артиллерии казачьих войск Российской империи в XIX столетии // Науч.-техн. сб. № 21. Тула, 2004.

5. [*Потоцкий П.П.*]. Столетие Российской конной артиллерии (1794–1894). Исторический очерк / сост. и изд. Павел Потоцкий. СПб., 1894.

6. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным (далее – Акты Лишина). Новочеркасск, 1891. Т. 1.

7. *Сухоруков В.Д.* Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк. Новочеркасск, 1892.

8. Донские дела. Русская историческая библиотека. Т. 18, кн. 1. СПб., 1898.

9. *Королев В.Н.* Босфорская война. Ростов н/Д., 2002.

10. Акты Лишина. Новочеркасск, 1894. Т. 2, ч. 1.

11. Акты Лишина. Новочеркасск, 1894. Т. 2, ч. 2.

12. *Левитский Гр*., протоиерей. Старочеркасск и его достопримечательности // Донские епархиальные ведомости. 1870. № 8.

13. Донские дела. Русская историческая библиотека. Т. 34, кн. 5. Петроград, 1917.

14. *Висковатов А.В*. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Т. 1.

15. *Епифанов П.П.* Войско // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979.

16. *Лобин А.Н.* Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в. : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2004.

17. *Колосов Е.Е.* Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII в. // Исторические записки. Т. 71. М., 1962.

18. *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.

19. *Сень Д.В.* «Преодоление границ миров»: некоторые аспекты формирования кубанского казачества на территории Крымского ханства и новые практики казачества по освоению Северо-Западного Кавказа (конец XVII – начало XIX в.) // Казачество России: прошлое и настоящее : сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов н/Д., 2008.

20. *Крюйс К.И.* Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями о казаках), учиненные по повелению Петра Великого вице-адмиралом К. Крюйсом с поднесением царевичу Алексею Петровичу // Памятная книжка Области войска Донского на 1903 год. Новочеркасск, 1903.

21. Из истории Азовского похода 1696 г. Отписки боярина А.С. Шеина. Государственный архив Воронежской области. Публикация Г.М. Лифшиц // Исторический архив. 1959. № 2.

22. Реформы Петра I. Документы и материалы по истории народов СССР. М., 1937.

References

1. Zhirov M.S. *Materialy dlya istorii artillerii Voiska Donskogo* [Materials for the History of Artillery of the Don Cossacks]. Novocherkassk, 1914.

2. Presnukhin M.A. [Horse Artillery of the Don Cossack Army 1797-1801]. *Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya.* IX [The Epoch of 1812. Research. Sources. Historiography]. Col. of materials to 200-Anniversary of Patriotic War of 1812. Moscow, 2010, no 183.

3. Presnukhin M.A. Bog voiny na Donu: konnaya artilleriya Donskogo kazach'ego voiska [The God of War on the Don: Horse Artillery of the Don Cossack Army]. *Rodina,* 2011, no 7.

4. Soklakov A.Yu. Razvitie konnoi artillerii kazach'ikh voisk Rossiiskoi imperii v XIX stoletii [The Development of the Horse Artillery of the Cossack Armies of the Russian Empire in the XIX century]. *Nauch.-tekhn. sb.,* no 21, Tula, 2004.

5. Pototskii P.P. *Stoletie Rossiiskoi konnoi artillerii (1794–1894)* [A Century of Russian Horse Artillery (1794-1894)]. Historical overview. Col. and publ. by Pavel Pototskii. Saint Petersburg, 1894.

6. *Akty, otnosyashchiesya k istorii Voiska Donskogo, sobrannye general-maiorom A.A. Lishinym (dalee – Akty Lishina)* [Acts relating to the history of the Don Cossacks, collected by major General A. A. Lisinym (hereinafter - the Acts of Lishin)]. Novocherkassk, 1891, vol. 1.

7. Sukhorukov V.D. *Obshchezhitie donskikh kazakov v XVII i XVIII stoletiyakh* [The Life of the Don Cossacks Community in the XVII and XVIII Centuries]. Historical overview. Novocherkassk, 1892.

8. *Donskie dela. Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Don Matters. Russian Historical Library]. Vol. 18, b. 1. Saint Petersburg, 1898.

9. Korolev V.N. *Bosforskaya voina* [Bosphorus War]. Rostov-on-Don, 2002.

10. *Akty Lishina* [Acts of Lishin]. Novocherkassk, 1894, vol. 2, p. 1.

11. *Akty Lishina* [Acts of Lishin]. Novocherkassk, 1894, vol. 2, p. 2.

12. Levitskii Gr., protoierei. Starocherkassk i ego dostoprimechatel'nosti [Starocherkassk and its Attractions]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti,* 1870, no 8.

13. *Donskie dela. Russkaya istoricheskaya biblioteka* [The Don Matters. Russian Historical Library]. Vol. 34, b. 5, Petrograd, 1917.

14. Viskovatov A.V. *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiiskikh voisk* [Historical Description of the Clothing and Weapons of Russian Troops]. Saint Petersburg, 1899, vol. 1.

15. Epifanov P.P. [Army]. *Ocherki russkoi kul'tury XVII veka* [Sketches of Russian culture of the XVII century]. P. 1. Moscow, 1979.

16. Lobin A.N. *Materialy Pushkarskogo prikaza kak istochnik izucheniya russkoi artillerii XVII v.* : avtoref. dis. … kand. ist. nauk [Materials of Cannons Order as a Source of Study of Russian Cannons in the XVIIth century]. Saint Petersburg, 2004.

17. Kolosov E.E. Razvitie artilleriiskogo vooruzheniya v Rossii vo vtoroi polovine XVII v. [The Development of Artillery Armament in Russia in Second Half of XVII centuries]. *Istoricheskie zapiski,* vol. 71, Moscow, 1962.

18. Druzhinin V.G. *Raskol na Donu v kontse XVII veka* [Disruption on Don at the End of the XVII century]. Saint Petersburg, 1889.

19. Sen' D.V. [“Overcoming the Borders of the Worlds”: Some Aspects of Formation of the Kuban Cossacks on the Territory of the Crimean Khanate and Cossacks New Practices for the Development of the North-Western Caucasus (the End of XVII - Beginning of XIX Centuries)]. *Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee* [The Cossacks of Russia: Past and Present]. Col. scient. works. Vol. 2. Rostov-on-Don, 2008.

20. Kryuis K.I. [Investigations of Don, the Sea of Azov, Voronezh and the Azov Sea (with some information about Cossacks) Perpetrated at the Command of Peter the Great Vice-Admiral K. Cruys Directly with Tsarevich Aleksey Petrovich]. *Pamyatnaya knizhka Oblasti voiska Donskogo na 1903 god* [Memorable Book of the Don Army Region in 1903]. Novocherkassk, 1903.

21. Iz istorii Azovskogo pokhoda 1696 g. Otpiski boyarina A.S. Sheina. Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti. Publikatsiya G.M. Lifshits [From the History of the Azov Campaign of 1696 Replies Boyar A. S. Shein. State Archive of the Voronezh Region. Publication G. M. Lifshits]. *Istoricheskii arkhiv,* 1959, no 2.

22. *Reformy Petra I. Dokumenty i materialy po istorii narodov SSSR* [The Reforms of Peter I. Documents and Materials on the History of the Peoples of the USSR]. Moscow, 1937.

Поступила в редакцию ***29 февраля 2016 г.***

УДК 327(438)«19» DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-30-33

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СССР И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В 1939 ГОДУ

© 2016 г. А.О. Булгаков

Булгаков Александр Олегович –
соискатель, кафедра отечественной истории,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: alexandr.bulgakov.1990@mail.ru

Bulgakov Aleksandr Olegovich –
Applicant, Department of Russian History,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: alexandr.bulgakov.1990@mail.ru

Рассматриваются возможные варианты по обеспечению безопасности Советского Союза со стороны западных границ накануне Второй мировой войны. Ввиду стремления СССР к сохранению нейтралитета в назревавшем общеевропейском конфликте анализируются три варианта разрешения польского вопроса, одним из которых являлся возможный план по советизации Польши и включению её в состав Советского Союза на правах Польской ССР.

Ключевые слова: *безопасность Советского Союза, Польское государство, Восточная Польша, «Пакт Молотова – Риббентропа», «Декларация», Вторая мировая война, сфера влияния, советизация.*

The purpose of this article is to consider possible options to ensure the security of the Soviet Union from the Western borders. In view of the desire of the USSR to maintain neutrality in the brewing European conflict, the author analyzes three variants of resolving the Polish question, one of which was the possible plan for the Sovietization of Poland and incorporation it into the Soviet Union on the rights of the Polish SSR.

Keywords: *security of the Soviet Union, the Polish state, Eastern Poland, "the Molotov-Ribbentrop Pact", "Declaration", the Second World War, sphere of influence, Sovietization.*

Развитие советско-польских отношений в межвоенный период 1918–1939 гг. – это история «холодного» военно-политического противостояния двух государств. В ноябре 1917 г. Советом Народных Комиссаров (СНК) РСФСР была принята «Декларация прав народов России», провозгласившая признание прав народов на самоопределение вплоть до отделения и создания независимых государств [1, с. 39–41]. В августе 1918 г. СНК принял декрет «Об аннулировании всех неравноправных договоров, заключенных царским правительством с другими государствами», в том числе и в отношении Польши. Этим декретом провозглашалось безоговорочное признание независимости Польской Республики [2, с. 259]. В том же году глава Советского правительства В.И. Ленин на IV Всероссийском съезде Советов, обращаясь к делегатам съезда с тезисами о необходимости заключения Брестского мира, заявил, что «интересы социалистической республики превыше интересов прав народов на самоопределение» [3, с. 251]. Данным тезисом советская дипломатия руководствовалась на последующих этапах своей истории, игнорируя некоторые из подписанных международных договоров. После провозглашения независимости Польши в ноябре 1918 г. к власти в ней пришел Юзеф Пилсудский – идеолог националистического лагеря польского национально-освободительного движения. Провозглашая возрождение Речи Посполитой, Пилсудский стремился восстановить Польшу в границах 1772 г. Первые шаги в данном направлении натолкнулись на сопротивление народов, которые должны были бы войти в состав Речи Посполитой. История формирования границ межвоенной Польши является темой отдельного исследования. Польская национал-державническая идеология постепенно утвердилась в виде «санации», основоположником которой был Ю. Пилсудский. Он считал, что, даже признав независимость и новые границы Польского государства по итогам советско-польской войны 1919–1921 гг., РСФСР, а позднее Советский Союз однозначно попытается взять реванш и вернуть Польшу в состояние, если не провинции, то хотя бы своего послушного вассала. Поэтому одним из основных принципов «санации» являлось сопротивление проникновению советского политического влияния в Польшу и недопущение нахождения на территории Польского государства войск иностранных государств и в особенности Красной Армии. Данные принципы ярко отражались во взглядах широких слоев польского общества. К этому добавлялась борьба со всеми политическими силами, выступавшими против режима Пилсудского и его сторонников.

К началу общеевропейского политического кризиса 1938 г. Польша подошла в выгодной для себя дипломатической позиции: у неё имелись союзнические отношения с Великобританией и Францией, достаточно доверительные отношения с Германией и прочими западными и южными соседями. Дипломатические отношения с Советским Союзом, напротив, были довольно прохладными и с большой долей взаимного недоверия, но они не были враждебными. В разделе Чехословакии в сентябре 1938 г. Польша принимала активное участие. Её территориальные приобретения были очень скромными, но сам факт участия ухудшил имидж Польши в глазах соседей, прежде всего Советского Союза, который находился в союзнических отношениях с Чехословакией; и в глазах Германии, которая с определенным недовольством отнеслась к факту участия Польши в разрешении Чехословацкого территориального вопроса. После окончательной ликвидации Чехословацкого государства в марте 1939 г., Германия обратила свой взор на земли Польши. Даже англо-французские гарантии военной защиты Польши не остановили растущие территориальные аппетиты Германии [4, с. 350–351].

В сложившихся условиях возникала угроза военного противостояния с возможным приближением его вплотную к западным границам СССР. Советская дипломатия стала искать пути выхода из кризиса. Советский Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) видел разрешение данного вопроса в военном союзе с Польшей и западными державами в концепции коллективной безопасности, которую на протяжении 1930–1939 гг. продвигал глава НКИД СССР М.М. Литвинов.

Но в условиях всё явно растущих агрессивных намерений Германии по отношению к Польше великим державам Западной Европы пришлось пойти на переговоры с целью заключения с СССР военного союза. Важная роль в этих переговорах была отведена обсуждению позиции, занимаемой польским правительством.

Суть польского вопроса на переговорах заключалась в необходимости построения стратегии военных действий против Германии с требованием к Польше как союзнику Великобритании и Франции разрешить проход войск Красной Армии в сторону польско-германской границы в случае агрессии Германии против Польши или западных союзников [5, с. 170]. Планировалось создание как минимум двух коридоров для прохода частей РККА на Запад: первый через Виленскую область, второй через Галицию [5, с. 171]. Эти предложения фактически означали полное вовлечение Польши в военный конфликт с Германией в случае его возникновения.

На наш взгляд, советская внешняя политика периода общеевропейского предвоенного кризиса была отчасти построена на идее коллективной безопасности и обороны от агрессора с требованием обязательного участия в ней Польши ввиду того, что между СССР и Германией отсутствовала общая граница.

Трехсторонние переговоры по созданию военного союза между СССР, Великобританией и Францией, начавшиеся весной 1939 г., были вялотекущими и неопределенными, каждая из договаривающихся сторон пыталась занять наиболее выгодную для себя позицию. Августовский же этап переговоров носил более конкретный и последовательный характер, так как советской делегацией был предложен развернутый проект по заключению военного союза [5, с. 5–6]. Но ввиду разного понимания роли Польши в общеевропейских делах стороны не пришли к единому соглашению.

После провала идеи организации системы коллективной безопасности в Европе НКИД СССР стали прорабатываться альтернативные варианты обеспечения государственной безопасности Советского Союза в назревавшем военном конфликте. У высшего советского руководства было осознание скорого начала общеевропейской войны [6, с. 607–609]. Опираясь на документы, можно сделать вывод, что советское правительство прорабатывало как минимум три варианта организации обеспечения безопасности и возможного нейтралитета в назревавших военных событиях. Одним из вариантов был проект заключения военного союза СССР с Великобританией, Францией и косвенного участия Польши, который не увенчался успехом по причине игнорирования Великобританией военно-политических интересов Советского Союза в трехсторонних советско-англо-французских переговорах. В обход этих переговоров 25 августа 1939 г. Великобритания заключила соглашение с Польшей о политической и военной взаимопомощи [5, с. 323–326].

Второй из возможных вариантов предусматривал заключение соглашения с Германией. Первые намеки на него были оглашены на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г., и к лету уже началась подготовка к заключению соглашения [6, с. 613].

Позднее соглашение было реализовано в виде «Пакта о ненападении», подписанного 24 августа 1939 г. в Москве В.М. Молотовым и И. фон Риббентропом, к которому прилагался «Секретный дополнительный протокол», содержащий в своей основе договоренности Советского Союза с Германией о разделе сфер влияния в польских землях [7, с. 89]. После подписания «Секретного дополнительного

протокола» к «Пакту о ненападении» сфера влияния Советского Союза была ограничена территорией Восточной Польши. Изначально в неё входили территории с этническим украинским и белорусским населением, а также польские Люблинское и часть Варшавского воеводств [7, с. 89]. Следует обратить внимание, что город Львов тоже преимущественно был польским, и Львовское воеводство было населено значительным количеством этнических поляков.

Третьим из возможных вариантов являлся план советизации Польской Республики. 17 сентября 1939 г. в разгар наступления Вермахта на Польшу части РККА перешли советско-польскую границу, совершая так называемый «освободительный поход Красной Армии в Восточную Польшу» по защите населения Западной Украины и Западной Белоруссии от немецких войск. После военного разгрома и оккупации Германией западной части Польского государства во второй половине сентября 1939 г. между СССР и Германией установилась линия разграничения земель в Польше, которая не совпадала с границами сфер влияния, обговоренными в «дополнительных протоколах» Пакта о ненападении. Чтобы ликвидировать это противоречие в Москву 28 сентября прибыл министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп. Им с главой НКИД СССР В.М. Молотовым был подписан договор «О дружбе и границе», согласно которому стороны должны были совершить новый размен территориями. В обмен на признание Литвы сферой влияния Советского Союза Германия должна была оставить себе ранее захваченные территории Люблинского и части Варшавского воеводств Польши. Изначально Германия не желала обменивать Литву на указанные польские воеводства, и поэтому переговоры между СССР и Германией по вопросу разграничения территорий Польши и Литвы доходили до взаимных угроз касательно образования Польского протектората со стороны Германии, либо Польской АССР со стороны Советского Союза [8, с. 27]. Советский Союз выдвигал версию, что поляки из гипотетической Польской АССР могут пожелать освободить от власти Германии Западную Польшу, и Советский Союз будет вынужден их поддержать [8, с. 27]. Это означало бы вступление СССР во Вторую мировую войну против Германии. После уступки Люблинского и части Варшавского воеводств в пользу Германии и включения Литвы в сферу влияния СССР территории Восточной Польши были переданы в состав УССР и БССР без намеков на создание какой-либо польской автономии. На основании документа, озаглавленного как «Декларация» от 20 октября 1939 г., за подписью некоего Станислава Станиславского, именовавшего себя бывшим секретарем союза профессиональных союзов города Влоцлавека и бывшим политическим узником за социалистическую деятельность в Польше можно предположить, что советское руководство не отказалось от идеи советизации Польши, которая могла быть реализована только в случае вступления Советского Союза в войну с Германией. Невозможно ответить на вопрос, какое место в политической жизни Польши было отведено автору, подписавшему документ, находящийся на хранении в фонде Молотова, но «Декларация» проливает определенный свет на возможный вариант советизации Польши [9, л. 56–59].

Основой «Декларации» является условие «созыва Временного совета Польской ССР из партийных коммунистов большевиков и беспартийных представителей всех рабоче-крестьянских районов оккупированной немцами Польши (бывших воеводств) в целях консолидации пролетариата под знаменем коммунизма (большевиков)» [9, л. 57–58]. Автор «Декларации» видит будущее Польши в статусе Польской Советской Социалистической Республики. В документе декларируется созыв «красного легиона/корпуса», в котором «могут служить только верные советской власти граждане Польши, экономическое развитие должно осуществляться по советской модели, существование Польской ССР должно осуществляться в полном взаимодействии с СНК СССР, и Польская ССР должна быть неотъемлемой частью СССР» [9, л. 58–59].

Данный вариант не мог быть осуществлен ввиду стремления Советского Союза сохранить нейтралитет в начавшейся Второй мировой войне и закрепить мирные отношения с Германией. Этот план мог бы иметь место только в случае гипотетического советско-германского военного конфликта осенью 1939 г. и как крайняя форма обеспечения безопасности СССР. Этого не произошло ввиду того, что советской дипломатии удалось то, к чему она изначально стремилась, и поэтому использование «польской карты» во внутренних и внешних делах могло лишь подорвать достигнутое международное положение Советского Союза.

В исследуемой нами проблеме – польский вопрос в советской дипломатии в период предвоенного кризиса и первых месяцев Второй мировой войны – ясно отражается позиция советского пра-

вительства, заключавшаяся в сохранении нейтралитета и стремлении обеспечить безопасность своих западных границ. На основе этой позиции советской дипломатией и высшим государственным руководством были предприняты действия по разработке и реализации трех возможных вариантов по обеспечению безопасности СССР и расширению границ Советского государства.

Позиция и роль Польши для Советского Союза имела определяющее значение в разработке итогового варианта действий. Ставка советской дипломатии на соглашение с Германией фактически сделала Польшу объектом советско-германских переговоров. Советское правительство хотя и стремилось сохранить мир, всё же готовилось к гипотетическому конфликту с Германией, и в этом случае Польша при наступлении Красной Армии могла стать плацдармом для распространения советского влияния на Европу.

Литература

1. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

2. Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3.

3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. : 5-е изд. Т. 35 : Октябрь 1917 – март 1918. М., 1974.

4. Год кризиса, 1938–1939 : документы и материалы : в 2 т. Т. 1 : 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. / под ред. А.П. Бондаренко. М., 1990.

5. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2 : 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. / под ред. А.П. Бондаренко. М., 1990.

6. *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма : 11-е изд. М., 1952.

7. Советско-германские документы 1939–1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 83–95.

8. *Парсаданова В.С.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 13–31.

9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1285.

References

1. *Dekrety Sovetskoi vlasti* [The Decrees of the Soviet Power]. Moscow, 1957, vol. 1.

2. *Dekrety Sovetskoi vlasti* [The Decrees of the Soviet Power]. Moscow, 1964, vol. 3.

3. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Com. col. of works]. 5th edition. Vol. 35 : October 1917 – March 1918. Moscow, 1974.

4. *God krizisa, 1938–1939* [The Year of Crisis]: Documents and Materials: Vol. 1: 29 September 1938 – 31 May 1939. Ed. A.P. Bondarenko. Moscow, 1990.

5. *God krizisa, 1938–1939* [The Year of Crisis]. Vol. 2: 2 June 1939 – 4 September 1939. Ed. A.P. Bondarenko. Moscow, 1990.

6. Stalin I.V. *Voprosy leninizma* [Questions of Leninism]. 11th ed. Moscow, 1952.

7. Sovetsko-germanskie dokumenty 1939–1941 gg. Iz arkhiva TsK KPSS [The Soviet-German Documents 1939-1941. From the Archives of the Central Committee of the CPSU]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 1993, no 1, pp. 83-95.

8. Parsadanova V.S. Pol'sha, Germaniya i SSSR mezhdu 23 avgusta i 28 sentyabrya 1939 goda [Poland, Germany and the Soviet Union between August 23 and September 28, 1939]. *Voprosy istorii*, 1997, no 5, pp. 13-31.

9. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 82. In. 2. File 1285.

Поступила в редакцию ***15 марта 2016 г.***

УДК 94 (470):34 DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-34-38

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ПРОТОТИПЫ ОДНОГО ИЗ ДОНСКИХ РАССКАЗОВ М.А. ШОЛОХОВА

© 2016 г. А.В. Венков

Венков Андрей Вадимович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией казачества,
Южный научный центр РАН,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Venkov Andrey Vadimovich –
Doctor of Historical Science, Professor,
The Head of Cossacks Laboratory,
Southern Scientific Center of the RAS,
Chekhov Ave., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Сопоставляется судьба одного из героев Донских рассказов М.А. Шолохова с судьбой казака, послужившего прототипом для рассказа «Семейный человек». Показано, что присутствует художественный вымысел автора, видимо, для придания происходившим событиям наибольшей остроты и трагизма. Имена героев взяты из архивных материалов УФСБ по Ростовской области. Прослеживается судьба реальных лиц, ставших прототипами литературных героев.

Ключевые слова: *исторический источник, донские казаки, восстание, судебный процесс, совпадение.*

The fate of one of the Don Stories characters of M.A. Sholokhov with the fate of the Cossack, served as the prototype for the story "Family Man" is compared. It is shown that there is the fiction invented by the author, apparently, to make the happening events look more severe and tragically. The names of the characters were taken from the archives of Federal Security Service in Rostov Region. The fate of real people who became prototypes for literary heroes is traced.

Keywords: *historical source, Don Cossacks, rebellion, litigation, coincidence.*

Круг исторических источников необычайно широк. Иногда в их число включается даже художественная литература изучаемого периода. Особенно если в основе художественного произведения лежат реальные события. И тогда зачастую встает проблема схожести прототипа и художественного образа. Одни, любители исторических романов, требуют их зеркальной схожести, другие считают, что никакой схожести не требуется – писатель создает художественный образ, творит, и главное – выдержать образ эпохи. В нашей статье делается попытка сопоставить художественный образ с его возможным прототипом по документам, обнаруженным в архиве УФСБ по Ростовской области.

Среди Донских рассказов М. Шолохова есть рассказ «Семейный человек». Демобилизованный военный переправляется через Дон на пароме, паром срывается течением, демобилизованный и паромщик вынуждены ночевать на дереве в затопленном лесу, и паромщик по имени Микишара рассказывает историю своей жизни.

Жена Микишары родила 9 детей и умерла от родов. Во время Гражданской войны двое взрослых сыновей ушли в Красную Армию, а большая часть населения их родного хутора восстала против большевиков. Оба ушедших сына, Даниил и Иван, попали в плен к повстанцам своего хутора. Земляки требовали, чтобы Микишара принял участие в расправе над своими сыновьями. Микишара боялся, что в случае отказа убьют его самого, и сиротами останутся остальные семеро его детей. Во время расправы над первым, Даниилом, он ударил его штыком по голове, но не убил. «В кулаке у меня штык зажатый. Вдарил я его тем концом, какой на винтовку надевается. В это место вдарил, повыше уха… Он как крикнет – ой! – заслонил лицо ладонями и упал с порожек». Добили Даниила другие повстанцы.

Второй сын, Иван, сам перешел от красных к белым, в 36-ю батарею, но земляки схватили его, привели в свою сотню, отправили в штаб полка, а Микишару послали его конвоировать. «Догадался я: к тому они меня в конвой назначают, думают, что пущу я сына на волю, опосля и его словят и меня убьют…». И Микишара застрелил своего сына якобы при попытке к бегству. «Отпустил я его сажен на двадцать, потом винтовку снял, стал на колено, чтоб рука не дрогнула, и вдарил в него… взад…

Снял я с него шинель и ботинки, накрыл ему лицо утиркой и пошел назад в деревню…».

И Микишара жалуется попутчику, что подросшие уцелевшие дети, из-за которых он «столько горя перенес», обвиняют его в убийстве двоих своих старших братьев, его сыновей [1].

Место и время действия не названы. Но речь идет о Вёшенском восстании 1919 г. В рассказе есть уточняющая деталь: «До весны держали мы фронт против красных, потом соединился с нами генерал Секретев, и погнали красных за Дон…» [1]. Именно с вёшенскими повстанцами соединялся весной 1919 г. генерал Секретев. И 36-я батарея Донской армии, прозвучавшая в рассказе, называлась Каргинской, а ст. Каргинская соседствует с Вёшенской.

Обращает на себя внимание безжалостность повстанцев к своим землякам, ушедшим в Красную Армию и даже к вернувшимся в белый лагерь. И изощренность наказания – убийство руками близких родственников.

А имя Микишара – производное от Микихвор – Никифор, Никишка.

В Архиве Управления ФСБ по Ростовской области нами была обнаружена похожая история – старый казак по имени Никифор обвинялся в убийстве во время Вёшенского восстания 1919 г. своего сына, ушедшего в Красную Армию. Одного из его сыновей звали Даниил… [2].

Само дело содержит материал о ликвидации контрреволюционной подпольной организации, готовившей восстание в Вёшенском районе в 1929–1930 гг. Она была якобы «филиалом» огромной контрреволюционной организации в соседнем Хоперском округе Нижне-Волжского края. В деле указывалось, что в нее входило свыше 500 человек, выступление намечалось на 1 ноября 1929 г. Повстанцы планировали захват ряда селений Хоперского округа, ссыпных пунктов и элеваторов, подрыв железной дороги в районе станции Филоново и – главное – наступление на Донецкий округ Северо-Кавказского края, используя Вёшенские контрреволюционные повстанческие ячейки.

Вёшенский район рассматривался «как бывший очаг исторического Вёшенского контрреволюционного восстания», указывалось, что кадры командного состава Вёшенского восстания сохранились и при Советской власти, и Донецкий окружной отдел ОГПУ фиксировал постоянное сопротивление с их стороны [2, л. 207–208].

В деле был четко очерчен «очаг» неповиновения – ст. Еланская Вёшенского района и хутора Солонцовский, Андропов, Попов, Вязовской, Нижне-Кривской, Верхне-Терновской, Кочетовский и др. Указывалось, что во время восстания здесь была сформирована целая дивизия (на самом деле район формирования дивизии был вчетверо больше указанного), и заранее назывались заговорщики – бывшие повстанческие командиры – командир Еланского повстанческого полка Иван Федорович Голицын, командиры сотен того же полка: Михаил Тарасов, Андрей Кривошлыков, Борис Макаров, Сергей Канаев, Андрей Ковалев, Василий Гуров и др. Главное внимание было уделено месту формирования Еланского повстанческого полка.

Утверждалось, что симптомы контрреволюционной активности появились весной 1929 г. и были связаны с мероприятиями по реконструкции сельского хозяйства (коллективизацией) и хлебозаготовками.

На самом деле в преддверии коллективизации началась зачистка территории от наиболее вероятных противников этого процесса. В ноябре 1929 г. состоялся Пленум ЦК, который поставил задачу «сплошной коллективизации перед отдельными областями». Украина, Нижняя и Средняя Волга, Северный Кавказ должны были провести сплошную коллективизацию к лету 1931 г.

Аресты в Вёшенском районе, в хуторах станицы Еланской, начались 2 октября 1929 г. По делу были привлечены 42 человека.

В обвинительном заключении сказано, что вину признали лишь двое – Щетников и Пшеничнов, два уголовника, ранее обвинявшиеся в воровстве. Другие «создали на ходе следствия организованное сопротивление в отказе дачи показаний о своем участии в контрреволюционной деятельности» [2, л. 219].

В ходе следствия 2 декабря 1929 г. был арестован Никифор Иванович Попов «под видом подозрения его в краже лошадей, за что он был присужден на 5 лет» [2, л. 165]. Возможно, внимание следствия привлекло то, что Н.И. Попов был женат на матери одного из главных подозреваемых, Сергея Андроновича Канаева – Феодосии Ивановне Канаевой.

С.А. Канаев 1898 г. рождения, репатриант, считался опасным врагом. Будучи призван белыми в армию рядовым, он фактически за 4 месяца боев стал командиром сотни и был произведен в хорунжие.

Но не родственные связи с Канаевым привлекли внимание следователей к Н.И. Попову. 2 декабря 1929 г. следователь Луковкин допросил в качестве свидетеля Н.Ф. Кочетова, бывшего белого, писаря 3-го Донского запасного полка.

Н.Ф. Кочетов показал, что к его жене пришла жена Михаила Георгиевича Тарасова – Марина Федоровна (она же сестра самого Кочетова) и сообщила, что из ст. Букановской и Слащевской соседнего Хоперского округа шел человек в ст. Вёшенскую и зашел к ним домой. Узнав, что их родственник отбывает срок, пришедший сказал, что сидеть

ему недолго, так как казаки собираются восставать. Восстали бы раньше, «но какая-то сволочь изменила, и дело затормозилось» [2, л. 166].

Человек этот был Никифор Иванович Попов с хут. Плешакова Еланской станицы. И тут же шла информация Н.Ф. Кочетова о прошлом Н.И. Попова – сын Попова был в Красной Армии и попал в плен, «и отец его, Попов Н.И., собственноручно приколол его штыком за то, что он был в Красной Армии» [2, л. 166 об.].

5 декабря был допрошен в качестве свидетеля Алексей Григорьевич Дроздов, казак хут. Плешакова, 1895 г. рождения, служивший в белой армии урядником, а в Красной – взводным командиром.

Дроздов показал, что 2 декабря пришел к Попову заказать тому «сшить чирики». Попов спросил Дроздова, есть ли у того седло. На вопрос Дроздова, причем тут седло, ответил: «Может быть, придется служить». Дроздов сказал: «Служить не собираюсь». Тогда Попов рассказал, что был в хут. Попове у сына, Даниила Никифоровича Попова, и слыхал, что в Хоперском округе «что-то собирается наподобие восстания». Дроздов ответил: «Теперь восставать очень трудно, мы научены как восставать». «Я этим разговором был взволнован и не мог продолжить дальше разговора», – показал Дроздов [2, л. 167–167 об.].

Видимо, прошлое Попова заинтересовало органы, и 5 декабря 1929 г. следователь допросил в качестве свидетеля Степана Яковлевича Лапина, казака хут. Плешакова, 1895 г. рождения.

О какой-либо подготовке к восстанию Лапин ничего не знал, но рассказал, что в хут. Плешакове было расстреляно 13 пленных красноармейцев. Н.И. Попов «одного [пленного] бил штыком по голове, взявшись за острие последнего» [2, л. 168]. Здесь детальное совпадение с текстом рассказа: «В кулаке у меня штык зажатый. Вдарил я его тем концом, какой на винтовку надевается». Так можно ударить, лишь взявшись за острие. Как видим, ударенный не являлся сыном Н.И. Попова, так как Даниил на тот момент проживал в хут. Попове.

Расстрел пленных в хут. Плешакове имел свою предысторию. На начальном этапе Вёшенского восстания около хут. Плешакова 18 марта 1919 г. произошел бой между местными повстанцами и 5-м Заамурским конным полком Красной Армии. 2-я сотня заамурцев в конном строю атаковала цепи повстанцев и, по донесению командира полка, порубила до 80 человек [3, л. 24]. 11 пленных казаков тоже были зарублены, из них четверым – Захару Плешакову, Василию Королеву, Захару Дериглазову, Алексею Егорову – было только по 18 лет. Среди зарубленных пленных был и родной брат дававшего показания А.Г. Дроздова – Павел Григорьевич Дроздов [4, с. 690].

Примерно через месяц неподалеку в районе ст. Усть-Хоперской на сторону повстанцев перешел 204-й Сердобский полк Красной Армии и выдал казакам местных коммунистов, примкнувших к полку. Этих пленных казаки-повстанцы погнали в ст. Вёшенскую, но смогли довести лишь до хут. Плешакова, где местные жители их перебили.

Однако вернемся к показаниям С.Я. Лапина, который подтвердил, что у Н.И. Попова два сына, Григорий и Даниил, ушли добровольно в Красную Армию. Даниил, как мы увидели, был жив и именно он сообщил отцу о чем-то «наподобие восстания» в Хоперском округе. А вот о Григории С.Я. Лапин рассказал, что во время Вёшенского восстания 1919 г. он был взят в плен. Когда повстанцы вместе с белыми перешли в наступление, он перевозил свою жену в хут. Горбатов, где все еще были красные, попал в плен и находился при обозе. Он был опознан казаками своего хут. Плешакова «и взят в свою сотню». В той же сотне служил Н.И. Попов, который в то время отсутствовал. Когда он возвратился, ему сообщили, что Григорий взят в плен. Н.И. Попов стал требовать, «чтобы сына Григория немедленно расстреляли». Казаки Григория защищали. Н.И. Попов пошел в штаб полка, после чего из штаба пришли два казака, жители хут. Плешакова. Они отвели Григория «на некоторое расстояние и расстреляли». На следующий день один из них был одет в сапоги Григория, другой – в его гимнастерку. Таким образом, Григорий был расстрелян «по распоряжению штаба полка и по требованию отца». Эти данные, по словам допрашиваемого, могли подтвердить В. В. Мельников, непосредственный участник расстрела, И. Рвачев, М. Королев и Я. Королев, казаки хут. Плешакова [2, л. 168 об.].

Ничего удивительного нет в том, что расстрелявший Григория Попова казак Мельников спокойно (или беспокойно) жил в родном хуторе. В ноябре 1927 г. была объявлена амнистия всем, сражавшимся против Советской власти в годы Гражданской войны.

Далее в деле следует протокол допроса самого Никифора Ивановича Попова, 1873 года рождения, казака хут. Плешакова. Он показал, что судим два раза: в 1922 г. – за избиение члена сельсовета, в 1928 г. – за кражу лошади. В «германскую войну» он не служил по болезни, в Гражданскую войну во время восстания служил во 2-м Еланском полку.

В первую очередь его стали расспрашивать о случае с расстрелом сына, и Н.И. Попов дал свою

версию этих событий. В июле 1919 г. их полк стоял в ст. Усть-Хоперской или Усть-Медведицкой. Его вызвали в штаб повстанческого полка, где присутствовали казаки его хутора М.И. Королев, А.К. Алферов, И.А. Рвачев, Я.Н. Королев, Н.Д. Абнизов.

Как видим, Н.И. Попов в качестве свидетелей события назвал практически тех же людей, что и С.Я. Лапин.

В штабе полка был его сын Григорий, «сильно избитый и изуродованный». Командир полка, С.В. Богатырев, сказал: «Поймали твоего предателя, что хочешь, то и делай с ним». «На это я ему ответил, что если бы он был не избит, я бы мог его наказать так, как мне захотелось бы. После этих слов я, отвернувшись, вышел из штаба и пошел в ту хату, где меня поставили» [2, л. 169].

На другой день утром Н.И. Попов якобы обратился к хуторскому атаману и просил вместе пойти посмотреть Григория, «как что с ним случилось». Далее, по версии Н.И.Попова, имело место следующее: «На это хуторской атаман ответил, что твой сын уже готов. Я спросил его, что значит “готов”, на что с его стороны последовал ответ: “расстрелян”. Спросив у него, где расстреляли моего сына и узнав место, зашел посмотреть на него. Увидел сына, лежащего на улице совершенно голого, мертвого, причем весь затылок у него был снят, и он висел над лбом» [2, л. 169–169 об.].

Таким образом, сопоставив показания свидетеля С.Я. Лапина и самого Н.И.Попова, можно сделать вывод, что расстреляли сына реального Микишары два казака, причем добили его ударом шашки по затылку. Они же поделили одежду казненного.

И свидетель С.Я. Лапин, и сам Н.И. Попов показали, что Микишара побывал в штабе полка, но Лапин утверждал, что Н.И.Попов требовал расстрела своего сына, а казаки его защищали, а Н.И. Попов показал, что был готов избить своего сына, но поскольку тот был уже избит, просто ушел из штаба. Да и казаки-повстанцы, судя по показаниям С.Я. Лапина, не были так жестоки и бескомпромиссны, как это показано в рассказе.

Итак, сопоставив исторические реалии и текст рассказа, увидим какие-то элементы «творческой кухни» автора и его политические пристрастия.

Что касается судьбы реального Микишары – Никифора Попова, то она была печальна. 12 декабря Н.И. Попов снова был допрошен. Теперь его спрашивали о связи с заговорщиками, готовившими антисоветское восстание. Он ответил, что 23 ноября ездил в хут. Вязовской к сыну Даниилу за гончей собакой, «о восстании не говорил и ни о чем не слышал» [2, л. 170–170 об.]. После этого допроса было выписано официальное постановление об аресте Н.И. Попова [2, л. 171].

На следующий день допросили в качестве свидетельницы М. Ф. Тарасову, которая первая заговорила о контрреволюционной деятельности Н.И. Попова.

М.Ф. Тарасова 13 декабря показала, что «примерно две недели назад явился сожитель гражданки Канаевой Феодосии Ивановны по имени Никифор». Он просил у Тарасовой лошадь, чтобы верхом съездить в Вёшенскую, и обещал уплатить. Тарасова сказала, что лошади нет – на их лошади повезли каких-то делегатов в Миллерово. Тогда Н.И. Попов сказал, что он объехал ст. Букановскую, Слащевскую и Боковскую, всюду готовится восстание, оружие повстанцы отберут у допризывников, а в Вёшенскую он едет для связи [2, л. 173–173 об.].

Возможно, вот это бессмысленное и безответственное хвастовство и стало для Н.И. Попова роковым.

После допроса М.Ф. Тарасовой снова в тот же день допросили Н.И. Попова и, видимо, сделали это «с пристрастием». Он заявил, что 12 декабря дал ложные показания, а сейчас скажет правду.

Он показал, что искал на рынках охотничью собаку с целью покупки и в хут. Головский (12 верст от ст. Еланской) встретил трех казаков. Один из них, Алексей, говорил Попову, что надо восставать против Советской власти, в ст. Букановской и Слащевской казаки готовы на восстание, оружие отберут у допризывников. Восстать должны были раньше, но один оказался предателем. Заговорщиков арестовали, но не всех. «Вы тоже готовьтесь, довольно терпеть, народ за вами пойдет», – сказал Алексей Попову. При этом, как отметил Н.И. Попов, Алексей «был слегка выпимши» [2, л. 174].

Алексей якобы говорил, что 300 заговорщиков арестованы и отправлены в Урюпинск (центр соседнего Хоперского округа), а уцелевшие скрываются в Войсковой дубраве. С Алексеем Попов встречался 12 ноября, а рассказал обо всем этом М.Ф. Тарасовой 25 ноября [2, л. 174 об.].

Следствие удовлетворилось данным признательным показанием. Попова больше не допрашивали, а названного им Алексея не искали и не привлекали, да и в Вёшенской, куда Попов якобы ехал на связь, тоже никого не искали, и вопрос этот больше не поднимался.

Видимо, для процесса, в рамках которого привлекли Попова, для будущего суда важен был его образ отца, погубившего родного сына, а не реальное участие в контрреволюционной повстанческой организации.

В обвинительном заключении, составленном 15 января 1929 г. контрразведывательным отделом ОГПУ Донецкого округа, безоговорочно утверждалось – «расстрелял сына» [2, л. 231]. Окружной прокурор в своем заключении уточнил: «участвовал в расстреле своего сына» [2, л. 262].

30 января 1930 г. «тройкой» при Полномочном представителе ОГПУ при Северо-Кавказском крае Н.И. Попов был приговорен к расстрелу в числе 17 казаков ст. Еланской, обвиненных в подготовке контрреволюционного восстания [2, л. 270].

Таков был конец «семейного человека» или по крайней мере одного из его прототипов.

Литература

1. *Шолохов М.А.* Рассказы. М., 1984.
2. Архив УФСБ РО. Д. П-46260-А. Т. 2.
3. РГВА. Ф. 32163. Оп. 1. Д. 30.
4. *Венков А.В.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. М., 2010.

References

1. Sholokhov M.A. *Rasskazy* [Short Stories]. Moscow, 1984.
2. *Arkhiv UFSB RO* [Archive of the Federal Security Service PO]. File P-46260-A. Vol. 2.
3. *RGVA*. Fund 32163. In. 1. File 30.
4. Venkov A.V. *«Tikhii Don»: istochnikovaya baza i problema avtorstva* [“Quiet Flows the Don”: Source Base and the Problem of Authorship]. Moscow, 2010.

Поступила в редакцию ***30 марта 2016 г.***

УДК 947.9(470.6)+002.2(470.6) DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-38-41

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕНЗУРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КНИГИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ В ГОДЫ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

© 2016 г. А.Х. Курмансеитова

Курмансеитова Аминат Хасановна –
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Карачаево-Черкесский институт
гуманитарных исследований,
ул. Ленина, 17, г. Черкесск, Карачаево-Черкесская
Республика, 369000.
E-mail: akseit@yandex.ru

Kurmanseitova Aminat Hasanovna –
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Karachay-Cherkess Humanities
Research Institute,
Lenina St., 17, Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic,
369000, Russia.
E-mail: akseit@yandex.ru

Рассматривается организация цензуры национальной книги на языках горских народов Северокавказским краевым управлением Главлита (крайлит). Изучено формирование штатов краевого управления по делам литературы и издательств и местных лито автономных областей Северного Кавказа. Исследована работа по выполнению Закона об обязательном экземпляре региональными издательствами и типографиями Северного Кавказа.

Ключевые слова: *Главлит, краевое лито, областное лито, национальная книга, цензура.*

The author considers the organization of censorship of the vernacular literature published in the languages of the highlander nations by the North-Caucasian regional directorate of Glavlit. The hiring policies of the regional directorate for literature and press and of the district literary offices of the autonomous regions of North Caucasus are studied. The study of the adherence to the legal deposit legislation by the regional publishing houses and printing offices of North Caucasus is reviewed.

Keywords: *Glavlit, regional literary offices, district literary offices, vernacular books, censorship.*

«Декрет о печати» (28 октября 1917 г.) регламентировал регистрацию периодической печати в РСФСР, деятельность редакций и издательств. Фактически была установлена советская цензура печати. Военная цензура в РСФСР учреждена 23 декабря 1918 г.; после окончания Гражданской войны функции военной цензуры переданы в ведение ВЧК. Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), осуществлявшее предварительную и последующую цензуру за всеми видами печати, учреждено 6 июня 1922 г. [1, с. 8]. Главлит, входивший в структуру Наркомата просвещения

РСФСР, фактически подчинялся непосредственно Агитпропу ЦК, его местные учреждения – соответствующим партийным органам.

В Северо-Кавказском крае в середине 1930-х гг. началось формирование надзорных органов по контролю за книжной продукцией и периодической печатью горских народов. В 1934–1937 гг. функции цензуры национальной книги горских народов осуществляло Северо-Кавказское краевое управление (крайлит) Главлита Народного комиссариата просвещения РСФСР (г. Пятигорск). В 1937–1943 гг. контроль за книжной продукцией выполнял Орджоникидзевский крайлит (г. Ворошиловск, ныне – г. Ставрополь).

В 1930-х гг. в ведение Северо-Кавказского краевого управления Главлита входили областные лито: Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Карачаевской и Черкесской автономных областей и Дагестанской АССР. Наряду с крайлитом и отделом Агитпропа Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) местные лито автономных областей и Дагестанской АССР непосредственно курировали отделы Агитпропа (Культпропа) обкомов партии. Доклад цензора поступал в отдел Агитпропа обкома ВКП(б), который готовил материал на бюро обкома партии, где его рассматривали и выносили решения, а потом передавали на утверждение первым лицам обкома партии. С их решением материал отправляли в отдел Агитпропа крайкома ВКП(б) и крайлит, затем – в Главлит.

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 6 мая 1931 г. в штате Северо-Кавказского крайлита были утверждены четыре специалиста и один технический работник, в автономных областях – по одному ответственному и техническому работнику [2, л. 117 об.]. В отчете за первое полугодие 1934 г. начальник крайлита Танский писал: «Я думаю, что всех троих политредакторов – взять из националов. Это целесообразно с двух сторон: во-первых, это развивает национальные кадры цензурных работников, во-вторых, дает возможность установить системный последующий контроль над литературой, выходящей в национальных областях. Мы предполагаем взять на работу: 1) кабардинца или черкеса, 2) ингуша или чеченца, 3) карачаевца или балкарца. Это даст возможность охватить шесть основных языков края» [3, л. 6].

1 июля 1934 г. Оргкомитет Совета Северо-Кавказского края утвердил штат центрального аппарата Северо-Кавказского крайлита: «первый политредактор – т. Предит с окладом 300 руб., второй политредактор по кабардинской литературе т. Дадов с окладом 200 руб. в месяц с неполным рабочим днем и один технический секретарь с окладом в 150 руб., работу которого оплачивало крайоно» [4, л. 9]. 19 января 1935 г. выделена дополнительная единица – политредактор. Главное управление по делам литературы и издательств сообщало начальнику крайлита т. Мануйленко (г. Пятигорск): «Главлит не возражает против использования на работе Крайлита политредактором последующего контроля т. Соттаева А.Х. для чтения балкарской, карачаевской и туркменской литературы. Согласуйте его кандидатуру в Культпропе крайкома» [4, л. 1]. В докладе «О работе Северо-Кавказского Управления цензуры» за июль – август 1935 г. указывалось: «В настоящее время нац[издательства] обеспечены полит[ическим] контролем. Необходимо признать, что слабым местом последующего контроля является Крайлит, где пока осуществляется полит[ический] контроль над печатной продукцией Кабардино-Балкарии, Карачаевской и Черкесской автономных областей» [5, л. 24]. В документе отмечалось, что самым главным в осуществлении контроля над издательствами является проверка устава сельскохозяйственных артелей и школьных учебников. В обязанности Северо-Кавказского крайлита входило выполнение всех директив и заданий Главлита. В функции областных лито горских народов и Дагестанской АССР входило исполнение Положения Главлита, указанные в ст. 1 и 2, а также п. «б, в, е, з и» ст. 3. Местные лито осуществляли все виды политико-идеологического, военного и экономического контроля за предназначенными к опубликованию или распространению произведениями печати, рукописями, снимками, картинами, за радиовещаниями, лекциями и выставками. Областному лито для осуществления возлагаемых на него задач предоставлялось право воспрещать издание, опубликование и распространение произведений, содержащих агитацию и пропаганду против советской власти и диктатуры пролетариата, разглашающих государственные тайны, возбуждающих национальный и религиозный фанатизм, носящих порнографический характер.

13 марта 1935 г. на бюро Северо-Кавказского крайкома партии принято постановление «О цензурной работе в крае» [2, л. 117 об.]. В нем отмечалось, что крайком ВКП(б) признает состояние цензурной работы в крае неудовлетворительным, так как областные и районные комитеты партии уделяют ей совершенно недостаточно внимания, кадры в ряде районов и областей подобраны «неудовлетворительно». Было дано указание обязать обкомы, райкомы, горкомы ВКП(б) до 20 марта

пересмотреть состав цензоров и для работы выделить «партийно выдержанных, проверенных и подготовленных коммунистов». Обкомам, райкомам и горкомам рекомендовано заслушать на бюро доклад о состоянии цензуры и принять меры к её улучшению. Подчеркивалось, что задачи политического и военного контроля, направленные на всемерное повышение революционной бдительности в целях недопущения проникновения в печать «троцкистско-зиновьевской и национальной контрабанды и других проявлений классово-враждебной идеологии», требуют от партийных организаций пристального внимания, систематической помощи и проверки работы цензуры.

Начальник Северо-Кавказского крайлита и отдела военной цензуры Танский начал организацию местных лито в автономных областях Северного Кавказа. 14 мая 1935 г. им разослан приказ №185-с «Всем начальникам Обллита и начальнику Даглита» [6, л. 42–42 об., 51, 56]. В документе указано, что Северо-Кавказским краевым комитетом ВКП(б) работа «облгоррайлитов» признана неудовлетворительной и намечены практические мероприятия, направленные к «оздоровлению цензуры». Предлагалось обязать облисполкомы содержать за счет своих бюджетов начальников областных лито: по Чечено-Ингушской АО – 1, зарплата – 400 руб.; по Северо-Осетинской АО – 1, зарплата – 350 руб.; по другим областям – 1, зарплата – 300 руб. и в каждом областном лито по 1 секретарю, зарплата – 100 руб. Было дано указание в каждом городе и районе комитетам ВКП(б) подобрать «политически благонадежных и идеологически стойких членов ВКП(б)» из состава местных работников для исполнения обязанностей Уполномоченного областного лито с оплатой труда в 50–75 % ставки освобожденного сотрудника райлита.

Предусматривалось, что областные лито в соответствии с Постановлением президиума Северо-Кавказского крайисполкома обязаны при всех областных издательствах, крупных типографиях, редакциях и радиокомитетах иметь своих представителей, согласованных с «облкомитетами» и утвержденных «обллитами» по представлению кандидатур на рассмотрение крайлита (2 анкеты и 2 фотокарточки). Предполагалось, что их труд должен оплачиваться за счет указанных предприятий по ставкам руководящих ответственных работников данных предприятий. «ОблГорРайисполкомы» обязаны были создать цензорам соответствующие условия для работы, а также в материальном и бытовом отношении приравнять их к руководящему составу.

Подчеркивалось, что работа цензора по совместительству является сугубо политической, тесно связанной с «ОблГорРайкомитетами» ВКП(б), которым необходимо своевременно сигнализировать о недочетах и нарушениях цензуры. Начальники областных лито были обязаны ежемесячно и ежеквартально в отчетах сообщать в крайлит о «состоянии аппарата ЛИТов», условиях труда и их деятельности. Данный документ свидетельствует о значительных льготах для работников цензуры и приравнивании их по статусу к работникам облисполкомов, райисполкомов и горисполкомов автономных областей Северного Кавказа. Несмотря на предоставленные льготы, краевое лито не смогло выполнить решение Северо-Кавказского крайисполкома по формированию местных кадров в горских автономных областях. В первой половине 1930-х гг. на Северном Кавказе штаты местных областных лито не были организованы и укомплектованы в соответствии с требованиями Главлита.

Северо-Кавказский крайлит регулярно контролировал деятельность национальных книжных издательств и типографий края. В докладе Танского «О работе Северо-Кавказского управления цензуры» (июль – август 1935 г.) [5, л. 24] отмечено, что национальные издательства Карачаевской и Черкесской автономных областей обеспечены политконтролем, в то же время особо подчеркнуто слабое осуществление последующего контроля.

Заведующие типографиями были обязаны представлять во все органы Главлита по 5 экз. всех печатных произведений «немедленно по его напечатании» до выпуска в свет. В 1935 г. начальник Главлита Б. Волин писал: «Предупреждаю все органы Главлитов и Крайлитов, Обллитов, что за недоставление обязательных экземпляров в Главлит, ОВЦ, НКВД, Книжную Палату и специальный коллектор ОГИЗа издательствами и полиграфическими предприятиями, подведомственными Вам, будут подвергаться ответственности в первую очередь работники цензуры» [6, л. 11]. В соответствии с приказом военной цензуры при Уполномоченном СНК СССР по охране военных тайн в печати от 14 апреля 1935 г., полиграфические предприятия областных, краевых и автономных республик, расположенные на территории РСФСР, обязаны были доставлять Отделам военной цензуры – 1 экз., Отделу военной цензуры Союза ССР – 1 экз.» [7, л. 50]. 25 мая 1935 г. Танский предложил организовать высылку обязательных экземпляров в крайлит непременно в день выхода в свет. «В случае обнаружения невыполнения типографиями данного указания, – писал

он, – привлекать администрацию типографии к партийной и советской ответственности, вплоть до лишения визы на право выхода продукции» [6, л. 51].

В автономные области Северного Кавказа и Дагестанскую АССР 22 июня 1935 г. было разослано распоряжение № 236-с за подписью заведующего отделом культпропа Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. Семякина и начальника Северо-Кавказского крайлито Танского. В документе указано: «Весьма важно установить постоянную деловую связь заведующего культпропа Обкома с начальником Управления цензуры и повседневное руководство последним. Особое внимание на организацию Института цензуры обращаю Дагестанского, Карачаевского, Черкесского обкомов, т.к. от них никаких сведений вовсе не поступило» [6, л. 59].

В приказе Крайлито № 278 от 5 августа 1935 г. отмечено, что большое значение в переломе отношения типографий сыграло постановление крайкома и краевого исполнительного комитета об обязательном представлении печатаемой продукции органам цензуры и предупреждение о партийной и уголовной ответственности [5, л. 26]. Документ обязывал рассылку совместного письма секретарям обкомов, райкомов и цензорам, запрещающего печатание и выпуск изданий без визы цензоров.

Приказом Северо-Кавказского крайлита № 276 от 9 августа 1935 г. запрещено печатание книг, брошюр без визы «Крайлита и Краевого Полиграфпрома» [5, л. 26]. Предусматривалось регулярно проверять типографии и создавать свой актив из рабочих. Данный приказ обязывал национальные областные управления цензуры не допускать издания книг организациям, не имеющим издательских прав, строго следить за своевременным и полным осуществлением издателями своих планов.

Управление Северо-Кавказского крайлита (после преобразования края в Орджоникидзевский край – Орджоникидзевский крайлит) приложило много сил для организации местных надзорных органов печати в горских областях Северного Кавказа и Дагестанской АССР. Из-за отсутствия кадров, организация и становление института цензуры в Северо-Кавказских областях происходило медленно и сформировалось к концу 1930-х гг. Впоследствии со стороны Орджоникидзевского крайлита было много нареканий к их работе.

Литература

1. История советской политической цензуры : док. и коммент. М., 1997.
2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 55.
3. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАСК. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 9.
5. ГАСК. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 12.
6. ГАСК. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 8.
7. ГАСК. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 7.

References

1. *Istoriya sovetskoi politicheskoi tsenzury : dokumenty i comment*. [The History of Soviet Political Censorship: Documents and Comments.]. Moscow, 1997.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Stavropol'skogo kraya (GANISK)* [The State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory (GANISK)]. Fund 1. In. 1. File 55.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya (GASK)* [The State Archives of the Stavropol Territory (GASK)]. Fund R-948. In. 1. File 5.
4. *GASK*. Fund R-948. In. 1. File 9.
5. *GASK*. Fund R-948. In. 1. File 12.
6. *GASK*. Fund R-948. In. 1. File 8.
7. *GASK*. Fund R-948. In. 1. File 7.

Поступила в редакцию ***10 ноября 2015 г.***

УДК 930.1 DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-42-46

СТАНИЧНЫЕ РАПОРТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ ДОНСКИХ КАЗАКОВ 1792–1794 ГОДОВ

© 2016 г. Д.В. Лысенко

Лысенко Дарья Вячеславна –
аспирант,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: Gorkovskaya90@mail.ru

Lysenko Daria Vyacheslavna –
Postgraduate Student,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia..
E-mail: Gorkovskaya90@mail.ru

Рассматриваются станичные рапорты, являющиеся одним из источников по истории массового движения донских казаков 1792–1794 гг. Эти документы направлялись в Войсковое гражданское правительство, в сыскные начальства, в отдельных случаях шли на имя войскового атамана А.И. Иловайского. В рапортах затрагивались разные вопросы, связанные с подавлением этого движения, что свидетельствует о значительном внимании, которое уделялось войсковым и станичным начальством проблеме переселения казаков.

Ключевые слова: *донское казачество, народное движение, станица, рапорт, массовые источники, старшина, сыскные начальства.*

The author considers one of the sources of information about history of the Cossacks mass movement in the Don region – the Cossacks village reports. They were sent to the Army civil government, detective authorities, sometimes to Army ataman A.I. Ilovayskiy. In those reports there was different information about suppression of the movement, which the Army government sought to get and it indicates that significant attention was paid by the Army and Stanitsa (Cossack Village) authorities to the Cossacks relocation issue.

Keywords: *Don Cossacks, the people's movement, the village, report, mass sources, petty officer, detective superiors.*

Среди источников по истории массового движения донских казаков 1792–1794 гг. заметное место занимают рапорты донских казачьих станиц. Направлялись они в Войсковое гражданское правительство, которое в результате реформы 1775 г., проведенной Г.И. Потемкиным, осуществляло на Дону гражданское управление [1, с. 238–245]. Некоторые из таких рапортов отсылались в сыскные начальства, на которые в административном отношении подразделялась в то время Земля войска Донского. Имеется серия станичных рапортов в Нижнее Хоперское сыскное начальство на имя бригадира Михаила Себрякова, который посылался от гражданского правительства в станицы по Медведице для вручения грамот о переселении казаков этих станиц на Кавказскую линию. В них содержались отчеты от станичных властей по разным вопросам, которые в связи с движением донских казаков против переселения поднимало перед ними гражданское правительство.

По ряду признаков эти рапорты выступают в качестве массовых источников. Однако к их характеристике нет единого подхода. Возникло это понятие в отечественной историографии 1970-х гг. в ходе исследования источников, относящихся к экономическому развитию пореформенной России. В современной литературе по источниковедению обращается внимание на два принципиально различных понимания сущности массовых источников. Так, И.Д. Ковальченко выделял как признак количественную сторону из-за их массовости. Б.Г. Литвак обращал внимание на качественный признак, состоявший из трех частей. Во-первых, считал он, эти источники возникали обязательно внутри явления, а не вне его, во-вторых, для них характерна однотипность содержания и, в-третьих, столь же однотипна их форма, или единство формы [2, с. 223–227]. Массовые источники позволяют более полно и глубоко представить характер исторического явления, к которому они относятся, выявить степень его распространения и значимость в ряду событий своего времени.

Для станичных рапортов, подававшихся в Войсковое гражданское правительство во время выступления донских казаков конца XVIII в., характерны признаки массовых источников и с количественной, и с качественной сторон. Их довольно много. Сама система управления, сложившаяся на Дону к концу царствования Екатерины II, предполагала необходимость таких административных отношений между войсковыми властями и станицами, при которых станицы посылали в Черкасск

отчеты по интересовавшим Войсковое гражданское правительство вопросам. Форма таких отчетов, т. е. станичных рапортов, имела свою структуру, включавшую ряд элементов, одни из которых ввиду их постоянности и повторяемости можно считать обязательными, а появление других зависело от тех или иных обстоятельств, особенностей дела или местного бюрократического творчества. Содержание рапортов также однотипное, поскольку все они были связаны с конкретными вопросами правительства по поводу движения казаков против политики государства, направленной на их переселение с семьями на Кавказскую линию с целью ее укрепления. Власти, проводившие переселение, шли на нарушение сложившихся у казаков порядков, что вызывало закономерный протест. Станичные рапорты правительству в Черкасске должны были отражать ход переселения и называть выступавших против проводимой властями политики.

Единство формы проявляется в рапортах очень наглядно. Они обязательно имеют начальную часть, которая соответствует интитуляции и инскрипции документов. Интитуляция заключается в наименовании учреждения в системе войсковой власти, куда направляется данный станичный рапорт. Таким учреждением являлось Войсковое гражданское правительство или Нижнее Хоперское сыскное начальство. В сыскное начальство рапорт составлялся на имя сыскного начальника, находившегося в станице Букановской на Хопре, полкового есаула Ивана Екимова. В отдельных случаях интитуляция могла быть более пространной. Инскрипция заключалась в названии станицы, от которой исходил рапорт. Интитуляция и инскрипция указывались или на середине листа сверху, или в правом верхнем углу листа, принципиального значения расположение не имело. Завершались интитуляция и инскрипция названием документа, которое выражалось в слове «Рапорт». Писалось оно посередине листа, что соответствовало традиции оформления подобных документов.

Вслед за интитуляцией и инскрипцией шла основная часть рапорта, раскрывавшая содержание дела, послужившего причиной его составления. Оно было коротким, очень конкретным и касалось вопроса, по которому станицу запрашивало правительство или сыскное начальство. Завершались станичные рапорты датировками с указанием года, месяца и числа создания документа. Затем следовало стандартное утверждение рапорта станичной печатью, на которой указывалось название станицы. Печать придавала рапорту силу утвержденного документа. Она находилась в руках станичного атамана и служила таким же символом власти, как и атаманская насека. И когда казаки станицы выражали недовольство своим станичным атаманом, они требовали от него положить не только насеку, но и печать. Степень сохранности станичных печатей на рапортах не одинаковая.

Для интитуляции отдельных станичных рапортов, которые направлялись из станиц в Нижнее Хоперское сыскное начальство, характерно обращение с особым почтением к сыскному начальнику. Так, станица Алексеевская направляла рапорт «Благородному и почтенному господину полковому есаулу Ивану Екимовичу» [3, л. 115], станица Слащевская – «Благородному и почтенному господину войска Донского в Нижнее Хоперское сыскное началство полковому есаулу Ивану Екимовичу Екимову Слащевской станицы» [3, л. 116], почти в тех же выражениях – станица Федосеевская. Такое обращение свидетельствовало о четкой структуре власти в Войске Донском и о распространении на Дону традиций почитания вышестоящего начальства, принятых среди российского чиновничества.

По своему содержанию выделяется несколько групп разных станичных рапортов, относящихся к событиям 1792–1794 гг. в Войске Донском. Одна группа включает рапорты от августа – сентября 1792 г. из станиц Нижнего Хоперского сыскного начальства непосредственно сыскному начальнику И. Екимову относительно бегства казаков весной того же года из донских казачьих полков полковников Поздеева, Луковкина и Кошкина, находившихся на Кубани в составе Кавказской укрепленной линии. Эти рапорты были связаны с вопросами, так или иначе касавшимися возвращения беглых казаков в свои полки. Вторая группа рапортов от станиц направлялась в июле – августе 1793 г. в Войсковое гражданское правительство по вопросу посылки двух представителей от каждой станицы в крепость святого Димитрия Ростовского для присутствия при экзекуции шести человек, возглавлявших массовое движение донских казаков по уходу из полков на Кавказской линии. Эти рапорты направлялись из станиц, входивших в разные сыскные начальства, а также от черкасских городских станиц.

Рапорты первой группы содержат свидетельства внутренней жизни казачьих станиц. В каждой из них имел место четкий учет местных казаков, а атаман и станичная власть были в курсе того, кто появлялся в станице. Так, Федосеевская станица рапортовала в сыскное начальство о прибытии 2 августа с Кавказской линии местного казака Тимофея Евсеева, который «от семейного поселения бежал» [3, л. 95]. Усть-Бузулуцкая станица сообщала в то же начальство о

прибытии в ночь со 2 на 3 августа из полка полковника Кошкина казака Федора Соломатина, который «у себя никакого писменного вида не имеет» [3, л. 96]. Оба этих рапорта свидетельствуют, что станичные власти знали о событиях, происходивших на Кавказской линии, следили за приходом в свои станицы казаков с «кубанских полков» и ставили в известность об этом сыскное начальство.

Эти же рапорты свидетельствуют о случаях заболевания отдельных беглых казаков и невозможности возвращения их в свои полки. Арженовская станица в своем рапорте в Нижнее Хоперское сыскное начальство докладывала, что один из казаков, Иван Филипов, оказался «ныне же одержимой неподвижной горячною болезнию», и поэтому «следовать с товарищи совсем не может» [3, л. 106]. Зотовская станица сообщала о заболевании пяти казаков и невозможности их возвращения в полки. Уже после составления рапорта в станице получили сведение, что один из указанных казаков, Архип Давыдов, «здоров», о чем и была сделана в рапорте дополнительная пометка [3, л. 107]. Более подробным был рапорт станицы Федосеевской. В нем сообщалось о конкретном заболевании казака Аверьяна Котлова, который лежал «в горячке», поскольку у него «на правой ноге повыше колена пробились раны, от чего он ею и не владеет» [3, л. 108]. Из этого же рапорта известно о распространении среди казаков отношений службы по найму, когда два казака Агапов и Кашельников выступали в качестве «наемщика Зотовской станицы» «за казаков Александра и Павла Соломатиных» [3, л. 108]. Таким образом, Соломатины нанимали на службу за себя казаков другой станицы.

Из рапортов станиц Алексеевской, Слащевской и Федосеевской известны некоторые подробности возвращения бежавших казаков в свои полки. Казаки двигались «к Букановской к зборному месту» «снаряженые», и должны были явиться «на переборное месъто в олхи» [3, л. 116], т. е. в ольховую рощу. Отсюда они должны были идти далее на юг, к Черкасску, а затем на Кубань. Станичные рапорты о возвращении сопровождались прилагавшимися к ним именными списками казаков.

Массовое поступление станичных рапортов в Войсковое гражданское правительство о посылке казаков в крепость Святого Димитрия для присутствия их при наказании предводителей казачьего выступления казаков Белогорохова, Сухорукова, Штукарева, Садчикова, Подливалина и Попова свидетельствует о большом значении, которое придавалось властями этому мероприятию и его воздействию на казаков. Еще 13 июня 1793 г. правительство издало приказ о присылке для этого «по два человека, одного из бывших в побеге, а другого честного человека, а где нет бывших в побеге, то по одному хорошему человеку» [4, л. 41 об.].

От черкасских городских станиц не оказалось ни одного беглого среди наряженных. Так, в рапорте Середней станицы указывалось, что посылаются полковой есаул Егор Мартынов и отставной казак Осип Лукин [4, л. 8]. В рапорте Павловской станицы направлялись «хорошего состояния казаки Алексей Ефимов Власов и Михайла Седов» [4, л. 9], от Середней Рыковской станицы – «два степенных старика назначены, а именно Семен Колпаков, Василей Бондарев» [4, л. 14], от Нижней Рыковской – «два степенных … старыка Казма Планидин и Григорей Харсеев» [4, л. 15]. В рапорте от станицы Филипповской сообщалось, что из «бывших в побеге с кубанских полков в наличности никого не имеется» [4, л. 30]. Не посылала таковых станица Нижняя Каргальская «за неимением в станице нашей бежавших с линии казаков», а также станица Нагавская. Но из других станиц беглые с кубанской линии находились, так как движение протеста в войске Донском разрасталось. В отдельных случаях станичный рапорт дополнялся другим документом – свидетельством. Оно выдавалось направлявшемуся в крепость св. Димитрия казаку, если он был «состояния хорошаго, в подозрениях и в публичных наказаниях никогда не бывал» [4, л. 26–26 об.], как казак станицы Усть-Белокалитвенской Федор Ерунцов, который к тому же «во всем расторопен и всякому оказывает должное почитание» [4, л. 26 об.].

Некоторые дополнительные подробности движения казаков против переселения содержатся в недатированном рапорте Алексеевской станицы, который относится к июлю 1793 г. В нем приводятся оправдания ушедшим с Кубани своим казакам. О беглом казаке Василии Полякове в рапорте сообщалось, что «он еще лет молодых, по первой службе, а учинил сие, взирая за людми, и состояния хорошаво, в шрафах (в штрафах. – *Д.Г.*) и подозрениях при станицы нашей не бывал. Да и протчие, бывшие в тех полках, все люди молодые, при станицы нашей и по насланным из Войскового гражданского правителства грамотам препядствие в исправъниках не учиняли» [4, л. 834]. В этом рапорте содержится попытка оправдать не только своего земляка, но и других молодых казаков, ушедших из полков. Тем не менее Василия Полякова станица Алексеевская посылала в крепость св. Димитрия для присутствия при наказании предводителей выступления.

Еще более подробный рапорт в защиту местного казака подала 14 февраля 1794 г. станица Раздорская на Медведице. В нем сообщалось, что казак Зот Бердников «состояния и поведения … хорошего, и наперед сего, также и ныне, в штрафах, подозрениях и никаких пороках не бывал». Характеристика давалась казаку в стандартной для рапортов форме. Необычен был повод, по которому станица стала защищать своего жителя. В рапорте упоминалось об указе от Войскового гражданского правительства квартирмистеру Ивану Сергееву «взять» этого казака за его «зловредныя слова» и объяснялось это тем, что «г[оспо]д[и]н бригадир Себряков на его, Бердникова, немалой имеет гнев». Таким образом, указом об аресте казака бригадир М. Себряков сводил с ним какие-то свои счеты. Станица, став на защиту рядового казака, тем самым предъявляла обвинение видному представителю войсковой верхушки, имевшему поручение от правительства. Не случайно поэтому рапорт подавался не в правительство, а на имя войскового атамана А.И. Иловайского [4, л. 114–114 об.]. Станичное общество заявляло о способности бороться за свои интересы с произволом начальства и выступать в их защиту перед войсковым правительством.

В некоторых случаях станичные рапорты, посылавшиеся в Войсковое гражданское правительство, сопровождались списками казаков, которые направлялись от станицы для присутствия при экзекуции. Также вместе с рапортами для отдельных казаков «доброго поведения» станица давала свидетельство с положительными характеристиками. Так, в свидетельстве Кременской станицы об отставном казаке Ананье Киселеве сообщалось, что он «все свое житие вел себя чесным и неподозрителным состоянием, обид и других бунтов никому не чинил» [4, л.20]. Но подобные свидетельства давали не все станицы.

Особо выделяются два рапорта из станицы Скуришенской на Медведице, относящиеся к декабрю 1793 г. Во-первых, они были направлены не в правительство и не в сыскное начальство, а бригадиру М. Себрякову, который в то время представлял правительство в станицах по Медведице. Оба отличались от обычных станичных рапортов по инскрипции, так как были поданы не от станицы в целом, а от группы лиц. Причем первым лицом, от которого подавалась грамота, называли в первом рапорте «Скуришенской станицы от полкового есаула Андрея Себрякова», а во втором – «Скуришенской станицы станищного атамана Ивана Гришина». Но слово «станица» в инскрипции обоих рапортов упоминалась, что сближало их с обычными станичными рапортами. Необходимость подачи их возникла в связи с совершенно особой ситуацией, сложившейся к концу 1793 г. в этой станице. Заключалась она в том, что мнения по вопросу переселения в станице к тому времени разделились. Атаман, офицеры, старики и часть казаков стояли за принятие грамот и за составление списков на переселение, тогда как другие казаки во главе с бывшим станичным атаманом Ефимом Чуприковым решительно выступили против принятия грамот. Первый рапорт был подан 2 декабря, причем без станичной печати. Второй, относящийся к 21 декабря, дошел в виде копии, сделанной в походной канцелярии самого бригадира. В конце грамоты указано, что «у подлинного рапорта приложена станищная печать», как это и бывает в станичных рапортах, но на копии печать отсутствует. В обоих рапортах говорилось о решительном отказе казаков от принятия грамот и об угрозах в адрес станичных властей. В первом сообщалось, что Е. Чуприков призвал отказываться от принятия грамот, даже если на этот счет «хотя и от самой государыни есть указ». Он грозил «благонамеренным» казакам, что «естли будут писать в семейные казаков непременно, на ком-нибудь окажется красная рубашка» [4, л. 91]. Во втором рапорте подавшие его представители станичной верхушки просили с Чуприковым и его сторонниками «поступить по силе закона» [4, л. 88 об.]. Рапорты станицы Скуришенской свидетельствуют об особой остроте противостояния живших в ней казаков.

Станичные рапорты, направлявшиеся в связи с массовым движением донских казаков 1792–1794 гг., свидетельствовали о значительном внимании, которое уделялось войсковым и станичным начальством борьбе с этим движением. Развитое делопроизводство, сложившееся в то время на Дону, позволяло организовать систему отчета с мест по вопросам, которые запрашивались Войсковым гражданским правительством и сыскным начальством. Рапорты станиц освещают разные стороны событий, связанных с казачьим движением и отражением событий в донском делопроизводстве конца XVIII в.

Литература

1. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.

2. Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков [и др.]; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015.

3. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 142.

4. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 162.

References

1. Pronshtein A.P. *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [The Don land in the 18th century]. Rostov-on-Don, 1961.

2. *Istochnikovedenie* : ucheb. posobie [Source study: work book]. I.N.Danilevskii, D.A.Dobrovol'skii, R.B.Kazakov and others. Ed. by M. F. Rumyantsev. Moscow, 2015.

3. *GARO* [State Archives of Rostov region]. Fund 341. In. 1. File 142.

4. *GARO* [State Archives of Rostov region]. Fund 341. In. 1. File 162.

Поступила в редакцию ***14 февраля 2016 г.***

УДК 930.1 DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-46-50

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ МИРЗОЕВ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КИЕВСКОЙ РУСИ

© 2016 г. Л.В. Мининкова

Мининкова Людмила Владимировна –
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории и международных
отношений Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г, Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: rspu@sfedu.ru

Mininkova Lyudmila Vladimirovna –
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of History and International
Relations of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: rspu@sfedu.ru

Историческая мысль Киевской Руси была центральной темой для историка Ростовского пединститута В.Г. Мирзоева. Итогом ее исследования явилась монография «Былины и летописи». В ней он выявил первоначальный фундамент теоретического осмысления истории, указал на особенности понимания и освещения событий и явлений прошлого в русском былинном эпосе и в летописании. Книга В.Г. Мирзоева вызвала значительный интерес исследователей истории русской культуры.

Ключевые слова: *былины, летописи, эпос, мифология, историография.*

The historical thought of Kievan Rus was a central theme for the Rostov pedagogical institute historian V.G. Mirzoev. The result of the research was the monograph "Bylina and Chronicle". He revealed the initial foundation of theoretical reflection on history in it. He pointed to a particular understanding and coverage of events and phenomena of the past in the epic and Chronicle. Monograph of V.G. Mirzoev generated considerable interest to researchers of history of Russian culture.

Keywords: *bylina, Chronicle, epos, mythology, historiography.*

Известный советский историк профессор В.Г. Мирзоев (1920–1980) прошел большой жизненный путь. В развитии теории исторической науки в Сибири и Ростове-на-Дону, в советской историографии 50–70-х гг. он оставил достаточно заметный след.

Уроженец Баку, В.Г.Мирзоев окончил в 1941 г. исторический факультет Азербайджанского госуниверситета, сразу после того он был призван в Красную Армию и оказался курсантом Бакинского пехотного училища. После ускоренного выпуска получил звание лейтенанта и назначение в 216-ю стрелковую дивизию 37-й армии Южного фронта. Был ранен в боях и после госпиталя служил начальником штаба отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, а затем помощником начальника оперативного отделения штаба дивизии. После вторичного ранения и выписки из госпиталя его направили в Новосибирское пехотное училище на должность преподавателя военной истории. В 1946 г. демобилизовался. Награжден орденом Красной Звезды, другими государственными наградами.

После демобилизации В.Г. Мирзоев вернулся в родной город и работал ученым секретарем отделения общественных наук АН Азербайджанской ССР. Несомненно, что эта должность не позволяла реализовать потенциал преподавателя, который он почувствовал еще в военном училище, а также историка-исследователя. Налаженные связи с новосибирскими учеными дали возможность найти в июне 1946 г. работу по специальности в Новосибирском

пединституте. В январе 1947 г. он перешел на работу в Кемеровский пединститут в должности старшего преподавателя.

Работа в вузах Сибири предопределила основные направления его научно-исследовательских интересов. Первая из проблем, оказавшаяся в центре внимания В.Г. Мирзоева, относилась к истории Гражданской войны в стране и партизанского движения в Западной Сибири в 1918–1919 гг. По этой теме им была написана монография, которая вышла в свет в Кемерово в 1957 г. [1].

Постепенно у В.Г. Мирзоева с его склонностью к теории, выявлению сущности исторических процессов и к развитию исторической мысли и исторической науки сформировался интерес к изучению историографической проблематики. В центре его внимания оказалась историография Сибири. Объяснялось это не только работой с трудами сибирских историков и интересом сибирской общественности к развитию культуры в этом большом регионе страны, но и недостаточной разработанностью вопросов сибирской историографии. До В.Г. Мирзоева существовали исследования, посвященные некоторым сторонам истории исторической мысли в Сибири. Тем не менее отсутствовало комплексное монографическое исследование этого интеллектуального явления.

Замысел В.Г. Мирзоева был очень глубок и масштабен. Он рассчитывал провести комплексный научный анализ сибирской историографии, начиная с ее истоков в XVII в. вплоть до советского периода. Этой работой он занимался не только в Кемерово, но и после переезда в 1970 г. в Ростов-на-Дону, во время работы в Ростовском пединституте в должности заведующего кафедрой истории СССР. По этой большой проблеме до своей кончины он успел выпустить несколько монографий [2–6]. Вклад В.Г. Мирзоева в изучение сибирской историографии был оценен весьма высоко [7, с. 6, 7].

Наряду с историографией Сибири интерес В.Г. Мирзоева все больше сосредоточивался на истоках отечественной историографии, на исследовании вопроса о выражении исторической мысли в таких старейших источниках, как былины и летописи Древней Руси. Итогом длительного труда стала фундаментальная монография, опубликованная незадолго до смерти [8]. Формулируя проблему и выделяя ее значимость, В.Г. Мирзоев подчеркивал, что ее исследование позволяло понять не только характер и особенности исторической мысли древнерусского общества, но и исторического пути Древней Руси вообще. Он указывал, что для изучения исторической мысли важно выявить сущность самой категории исторического исследования, к составным частям которой он отнес исторические абстракции, конкретно-исторические понятия, исторические образы [8, с. 7]. Еще один вопрос, который был поставлен им, относился к выявлению зависимости между историческим знанием и «предысторической» мыслью до того, как история сформировалась в качестве формы духовной культуры. В.Г. Мирзоев разъяснял и конкретизировал различия между предысторической и исторической мыслью. Он указывал, что для Древней Руси эти различия выражались между мифологией и эпосом, с одной стороны, и летописями – с другой. Та же мысль содержалась в труде Р.Дж. Коллингвуда относительно древнегреческой исторической мысли [9, с. 16–21], но на русском языке этот труд вышел в свет через год после книги В.Г. Мирзоева о былинах и летописях.

В.Г. Мирзоев отмечал, что в отечественной дореволюционной и советской историографии был накоплен значительный опыт источниковедческого и литературоведческого изучения былин и летописей. Вместе с тем тема, относящаяся к идеям исторического познания, к способам реконструкции прошлого по существу оставалась за пределами внимания историков. По его мнению, выяснение всех этих вопросов имело особую значимость для понимания «того первоначального фундамента, который был заложен для будущего здания исторической теории» [8, с. 8]. Мысль в значительной мере современна до сих пор. Но она также вызывала все больший интерес отечественных историков на поздней стадии развития советской историографии. В самом деле связь между формированием исторического факта в источнике и концептуальными положениями исторического исследования на уровне выводов относится к проблемам методологии исторического познания. От ее решения зависит отношение к этим положениям, оценка всякого исторического исследования с точки зрения его достоверности и обоснованности его выводов. Обращение В.Г. Мирзоева к данному вопросу позволяло более определенно оценивать как историческую мысль древнерусского общества, так и возможность использования данных былин и летописей как источника по истории Древней Руси.

Подобная постановка вопроса позволяла отойти от нередко встречавшегося в трудах историков прошлого времени так называемого «потребительского отношения» к древнерусским источникам, о котором говорил И.Н. Данилевский [10, с. 40–42]. Это означало стремление к пониманию текстов источника с учетом того, что тексты раннего средневековья представляют исключительную трудность для понимания

с учетом специфики сознания и культуры людей того времени по сравнению с новым временем.

В.Г. Мирзоев правильно связал свое стремление к пониманию этих текстов с выявлением целей, которые ставил перед собой их автор или коллективный автор. Говоря о былинах и причинах их появления, он подчеркивал, что «главной идеей» их была «передача общественно полезного опыта, накопленного в историческом прошлом». При этом, отмечал он, в эпосе «нет ничего случайного, а есть только то, что мы еще не познали, не умеем объяснить». Что касается особенностей исторического материала в былинах, то в них почти нет частных фактов, явлений и имен. Былинные факты – «макрофакты», «обобщение, достигающее, как правило, общенародных масштабов» [8, с. 18]. К другим особенностям исторической мысли в былинах В.Г.Мирзоев отнес героический «стиль» и «гиперболизм», переплетение в них исторического и чудесного, фантастического и сверхъестественного. Для былин была характерна «не столько задача реконструкции прошлого, сколько этическая функция» [8, с. 116]. Он отмечал типизацию и символику как типичный признак былин, а также обращал внимание на позднейшие наслоения в текстах былин. По его мнению, они «велики», но касаются только «имен и деталей», почти не затрагивая «сущность русского героического эпоса – уровень сознания, достигнутый в эпоху Древней Руси и близкого к ней времени» [8, с. 22]. Связывать же ту или иную былину с конкретными историческими событиями, как считал историк, невозможно. Методика исследования былин поэтому должна исключать поиск четкой событийной и хронологической привязки к известным историческим событиям. Хронология может быть лишь относительной. Она может только устанавливать, «какой слой древнее относительно другого, не датируя его» [8, с. 23].

Сам характер былин предопределял, по мнению В.Г. Мирзоева, совершенно очевидную относительность их достоверности. Поскольку русский героический эпос, считал он, предназначался для того, чтобы «“петь славу” героям», то «обличительная роль была ему несвойственна по самому его существу». Отсюда, по его словам, эпос «не находил в истории удельной Руси предмета для своих былин». Также поэтому в эпосе «еще нет сложных натур, людей “с двойным дном”, сложного сплетения характеров», что станет характерной чертой исторической мысли более позднего времени.

В развитии русского былинного эпоса В.Г. Мирзоев видел переход от первой стадии осмысления событий прошлого, которой была мифология, ко второй, которую и представлял собой эпос. По сравнению с мифологией это был, по его мнению, шаг вперед по пути к формированию исторического мышления. Такой переход означал шаг на пути «освобождения человека от целой вереницы ложно понятых явлений природы и общества», а восприятие действительности «по сравнению с мифологическим стало гораздо объективнее, приближено к реальности» [8, с. 79]. Вместе с тем историк видел в былинном эпосе несколько исторических наслоений. Так, отражением наиболее архаичного слоя такого эпоса В.Г. Мирзоев считал былину о Волхе Всеславьевиче. В этой былине «веет тем духом, которым проникнут гомеровский “героический” эпос, для которого война – почетное и прибыльное занятие, достойное “лучших мужей”» [8, с. 26]. Но уже былинный цикл об Илье Муромце, отмечал В.Г. Мирзоев, – более позднего происхождения. В этом образе проявлялось стремление к установлению порядка в нарождавшемся государстве, которому препятствовал Соловей-разбойник, и прославление богатыря как защитника Русской земли. В.Г. Мирзоев проследил, что былина об Алеше Поповиче и Идолище Поганом, а затем об Алеше и Тугарине Змеевиче отражала борьбу с враждебными силами природы и с внешним врагом. При этом в образе Тугарина отразились более поздние времена, когда внешний противник более четко определился в виде степных соседей. Вместе с тем как советский историк В.Г. Мирзоев видел в былинах своеобразное выражение классовой борьбы в виде противоречий между крестьянством и княжеской дружиной в былине о Микуле и Вольге.

Совершенно справедливо В.Г. Мирзоев указывал на киевскую основу былин, что отражало очевидный факт: для того времени «Киев – материальный, духовный и территориальный центр Древней Руси» [8, с. 84].

Третьей стадией в развитии познания прошлого, которая пришла на смену эпосу, но при этом долго сосуществовала с ним, В.Г. Мирзоев считал летописи. Такая смена ускорялась социальными причинами. Постепенно «героический эпос стал духовной принадлежностью народа», тогда как летописи «с самого начала своего существования выражали преимущественно интересы господствующего меньшинства» [8, с. 119]. Отсюда он видел своеобразную полемику между былинами и летописями.

Говоря о сходстве и различии между былинами и летописями, В.Г. Мирзоев обращал внимание на то, что письменная форма фиксации истории в летописи

«теснейшим образом связана с рациональным мышлением». Поэтому появление летописной формы определило «выделение истории как самостоятельной отрасли знания» [8, с. 123]. По сравнению с эпосом летопись отличается логичностью, которая заключалась в погодном изложении событий. И если в эпосе не придавалось значения датировкам, то летописец, считал В.Г. Мирзоев, придавал им «даже религиозный смысл» [8, с. 126]. Летопись – это «последняя ступень, ведущая к рациональному способу познания мира» [8, с. 127]. Он, однако, нисколько не преувеличивал степень рациональности летописца. «Историческое познание летописца затемнено верой в божественное провидение. Божество и его воля непознаваемы, поэтому к ним можно приобщиться только с помощью веры» [8, с. 183]. Летописцы «обобщали материал», но при этом «часто следуют Библии и византийским хроникам» [8, с. 190]. Для него было несомненно, что в летописи историческое мышление поднимается на новую ступень по сравнению с эпосом, и только начиная с летописных времен создается возможность поставить вопрос о месте страны и «народа в истории, его значение в ходе мировых событий» [8, с. 130]. Также через летописание, указывал он, проявлялась связь русской раннесредневековой исторической мысли с глубокими европейскими традициями исторического мышления и исторического сознания. Это были традиции, «созданные еще античным миром», а также Библией, распространение понятия «всеобщей (всемирной) истории» [8, с. 131, 134].

Обращает на себя внимание положение В.Г. Мирзоева, согласно которому «Повесть временных лет» «своими исходными позициями берет интересы государства в целом, не разменивая своего внимания на выгоды или невыгоды отдельных групп». Оставляя за скобками относительность понятия о государстве для Киевской Руси, следует подчеркнуть, что это положение расходилось с классовым подходом к изучению феноменов исторической мысли, принятых в советской историографии. Оно отражало стремление В.Г. Мирзоева выделить в летописи более глубокие смыслы, чем позволял узкий социальный подход. Поскольку это положение расходилось с принятым в советской историографии подходом, В.Г. Мирзоев попытался несколько смягчить его, заявляя, что летопись выражает «интересы класса феодалов в первую очередь». Но он не отказывался от него, говоря, что летопись «обращается ко всем членам общества без изъятия» [8, с. 157]. Если не принимать во внимание сомнительное положение об обращении летописи ко всему обществу, то очевидно, что В.Г. Мирзоев ставил проблему читателя летописи и по-своему решал ее.

Еще один поставленный В.Г. Мирзоевым важный вопрос заключался в том, что он стремился выйти за пределы квалификации исторических взглядов летописца как выражения политической или классовой позиции. Он пришел к выводу, что при несомненном наличии такой позиции автор летописи нередко мог иметь комплекс «самостоятельных, независимых взглядов … на внутреннюю, внешнюю политику, перспективы развития, настоящее и прошлое Киевского государства» [8, с. 178]. В этом также проявилось стремление историка отойти от схемы и попытаться понять летописца. Такой вопрос приобрел первостепенное значение уже в постсоветской историографии русского летописания, на основе перехода к методологии исторического исследования, основанной на «понимании» человека прошлого и культуры его времени.

Труд В.Г. Мирзоева стал заметным явлением в историографии отечественной исторической мысли Древней Руси и получил весьма положительный отклик. По оценке А.П. Пронштейна, он представлял собой одно из исследований, в котором закладывались основы взгляда на летопись как на историографическое явление [11, с. 129, 130]. Как отмечал Ю.А. Кизилов, В.Г. Мирзоев развил и конкретизировал идеи Д.С. Лихачева, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина и Б.А. Рыбакова о том, что летописные своды конца XI и XII вв. были лишь «заключительной стадией исторических обобщений». Ей «предшествовала большая работа по составлению отдельных повестей о важнейших событиях прошлого». В то же время, указывал Ю.А. Кизилов, не был достаточно использован метод послойного изучения текстов Повести временных лет, «восходящих к разным жанрам и историографическим традициям» [12, с. 143, 145]. В нем были поставлены вопросы, которые оказались в центре внимания историков в несколько более поздний период, когда в отечественной историографии произошли принципиальные методологические изменения. В целом был принят его вывод о постепенном становлении исторической мысли на Руси, которая прошла стадии мифологического восприятия прошлого, его эпического осмысления и летописания. Получил поддержку вывод о наличии у древнерусского летописца самостоятельной позиции по отношению к излагавшемуся им материалу, отказ от представления о летописи как о простом отражении социально-политической ситуации и интересов княжеской власти. В то же время заметно стремление В.Г. Мирзоева видеть зарождение в летописании рационального отношения к истории, что в целом не подтверждается в современной историографии.

Научное творчество В.Г. Мирзоева, разностороннего и глубокого исследователя-историка культуры раннего русского средневековья, составляет значимую часть научной истории нашего университета, всей советской историографии раннего русского средневековья.

Литература

1. *Мирзоев В.Г.* Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1919 гг.). Кемерово, 1957.

2. *Мирзоев В.Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960.

3. *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири. XVIII век. Кемерово, 1963.

4. *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири 1-й половины XIX в. Кемерово, 1965.

5. *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (домарксистский период). М., 1980.

6. *Мирзоев В.Г.* П.А. Словцов (1767–1843). Очерк из истории культуры Сибири первой половины XIX в. Кемерово, 1964.

7. *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.

8. *Мирзоев В.Г.* Былины и летописи. Памятники русской исторической мысли. М., 1979.

9. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.

10. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

11. *Пронштейн А.П.* Летописный период русской историографии и накопление практических навыков работы с источниками // История СССР. 1981. № 3. С. 129–136.

12. *Кизилов Ю.А.* Спорные вопросы истории древнерусского феодализма (Дискуссия о мелкотоварном укладе в России XIX в.) // История СССР. 1973. № 5. С. 143–165.

References

1. Mirzoev V.G. *Partizanskoe dvizhenie v Zapadnoi Sibiri (1918–1919 gg.)* [Partisan Movement in West Siberia (1918-1919)]. Kemerovo, 1957.

2. Mirzoev V.G. *Prisoedinenie i osvoenie Sibiri v istoricheskoi literature XVII veka* [Joining and the Development of Siberia and in the Historical Literature of the XVII Century]. Moscow, 1960.

3. Mirzoev V.G. *Istoriografiya Sibiri. XVIII vek* [Historiography of Siberia. 18th Century]. Kemerovo, 1963.

4. Mirzoev V.G. *Istoriografiya Sibiri 1-i poloviny XIX v.* [Historiography of Siberia. First Half of the 19th Century]. Kemerovo, 1965.

5. Mirzoev V.G. *Istoriografiya Sibiri (domarksistskii period)* [Historiography of Siberia. (Pre-Marxist Period)]. Moscow, 1980.

6. Mirzoev V.G. *P.A. Slovtsov (1767–1843). Ocherk iz istorii kul'tury Sibiri pervoi poloviny XIX v.* [P.A. Slovtsov (1767-1843). Essay from Siberia Cultural History of the First Half of the XIX Century]. Kemerovo, 1964.

7. Goryushkin L.M., Minenko N.A. *Istoriografiya Sibiri dooktyabr'skogo perioda (konets XVI – nachalo XX v.)* [Historiography of Siberia pre-October Period (the End of XVI - the Beginning of XX Century.)]. Novosibirsk, 1984.

8. Mirzoev V.G. *Byliny i letopisi. Pamyatniki russkoi istoricheskoi mysli* [Epics and chronicles. Memorials of Russian Historical Thought]. Moscow, 1979.

9. Kollingvud R.Dzh. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. Moscow, 1980.

10. Danilevskii I.N. *Povest' vremennykh let. Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov* [Tale of Bygone Years. Hermeneutical Foundations for the Study of Chronicle]. Moscow, 2004.

11. Pronshtein A.P. Letopisnyi period russkoi istoriografii i nakoplenie prakticheskikh navykov raboty s istochnikami [Chronicle Period of Russian Historiography, and the Accumulation of Practical Skills of Work with Sources]. *Istoriya SSSR*, 1981, no 3, pp. 129-136.

12. Kizilov Yu.A. Spornye voprosy istorii drevnerusskogo feodalizma (Diskussiya o melkotovarnom uklade v Rossii XIX v.) [Controversial Questions of Ancient Feudalism History (Debates on the Small-scale Structure in the XIX Century Russia.)]. *Istoriya SSSR*, 1973, no 5, pp. 143-165.

Поступила в редакцию ***4 марта 2016 г.***

УДК 94:796(091) DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-51-54

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАССОВОГО ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В НАЧАЛЕ 1950-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2016 г. Е.А. Нурдыгин

Нурдыгин Евгений Александрович –
доцент, заведующий кафедрой
физического воспитания,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства,
ул. Г. Титова, 28, г. Пенза, 440028.
E-mail: cntgyjdf-2012@mail.ru

Nurdygin Evgeny Aleksandrovich –
Associate Professor,
Head of the Department of Physical Training,
Penza State University
of Architecture and Construction,
G. Titova St., 28, г. Penza, 440028, Russia.
E-mail: cntgyjdf-2012@mail.ru

Анализируется использование в реализации внутренней государственной политики в СССР массовой физической культуры и спорта в плане формирования новой социалистической идеологии и организации повседневной жизни человека советского общества в начале 1950-х гг. на региональном уровне на примере Пензенской области (массовые соревнования по конькобежному и лыжному спорту, посвященные выборам в Верховный Совет РСФСР, а также по выборам в Верховный Совет СССР по Сердобскому избирательному округу Пензенской области; спортивные мероприятия по сбору подписей под обращением Всемирного Совета Мира о заключении пакта мира между пятью Великими державами и др.).

Ключевые слова: *СССР, физическая культура, спорт, советская государственная политика в сфере физической культуры и спорта, Пензенская область.*

The use of mass physical culture and sport in realization of a domestic state policy in the USSR for formation of new socialist ideology and the organization of everyday life in the Soviet society in the early fifties at the regional level - on the example of the Penza region (mass competitions on skating and skiing, devoted to elections to the Supreme Council of RSFSR; competitions at elections to the Supreme Soviet of the USSR on the Serdobsky constituency of the Penza region; sporting events on petition under the appeal of the World Peace Council on approval of the pact on the Peace in the world between five Great powers, etc.) is analyzed in the article.

Keywords: *USSR, physical culture, sport, the Soviet state policy in the sphere of physical culture and sport, the Penza region.*

В СССР и массовая физкультура, и спорт были чрезвычайно идеологизированы и не могли игнорировать события политической жизни. Естественно, они составляли значительную часть важнейшего общепартийного дела, имевшего целью формирование новой идеологии и организации повседневной жизни советского человека.

Вовлечение населения в физкультурно-спортивное движение происходило и на добровольной основе, и в принудительном порядке. Постепенно эта политика начала приносить свои результаты – все большее число людей чувствовали интерес к занятиям физкультурой и спортом, расширялась сеть спортивных школ и обществ, появились зачатки спортивной науки. Заинтересованность населения в физическом развитии и спорте поощрялась властными структурами.

В СССР всякого рода политические кампании были обыденным явлением, и участие в них – фактически обязательным для всех. Так, в зимнем сезоне 1950–1951 гг. физкультурные организации Пензенской области принимали активное участие во всех имевших место политкампаниях и праздниках. Например, 3 февраля 1951 г. был подписан приказ облкомитета «О проведении массовых соревнований по конькобежному и лыжному спорту, посвященных выборам в Верховный Совет РСФСР»: «§ 1. Комитетам по делам физической культуры и спорта и Советам спортивных обществ провести совместно с комсомольскими организациями повсеместно 10–11 февраля массовые конькобежные и лыжные соревнования, посвященные выборам в Верховный Совет РСФСР... § 3. Комитетам … городов и районов обеспечить массовое участие коллективов физической культуры города и села в соревнованиях, их четкую организацию проведения. § 4. Для руководства конькобежным и лыжными соревнованиями создать организационные комитеты из представителей комитетов ... комсомольских, профсоюзных и физкультурных

организаций и культурно-просветительных учреждений. § 5. Создать оргкомитет при областном комитете по делам физической культуры и спорта в составе: председатель оргкомитета – В.Г. Ларичкин, заместитель председателя – К.П. Харитонов, члены – Г.Г. Зеленюк, С.Е. Френкель, Н.А. Сатурнов, В.Т. Бармин, С.К. Улыбин, Н.О. Кайзер, А.И. Сучков [1]. В массовых соревнованиях по лыжному и конькобежному спорту, посвященных выборам в Верховный Совет РСФСР и области, приняло участие 7388 чел.; состоялись лыжные агитпоходы; были организованы показательные выступления лучших физкультурников на избирательных участках и агитпунктах и областная звездно-лыжная эстафета и массовые соревнования в честь дня выборов в Верховный Совет РСФСР и Советской Армии, прошедшая по всем районам области с финишем в Пензе [2, л. 153–154].

В мае 1951 г. для проверки и оказания действенной помощи в организации работы по физкультуре и спорту, обеспечения активного участия физкультурганизаций районов в достойном проведении выборов в Верховный Совет по Сердобскому избирательному округу облкомитет принял решение командировать в Белинский и Поимский районы старшего инспектора облкомитета Е.Ф. Черникова (28 мая – 11 июня); Свищевский, Тамалинский и Бековский районы – старшего инспектора облкомитета В.А. Васильева и председателя областной шашечно-шахматной секции Д.Б. Мантельфель (28 мая – 11 июня); Каменский район – инспектора облкомитета Е.В. Сатурнову (1–3 июня); Мало-Сердобинский, Шемышейский и Даниловский районы – инспектора облкомитета В.И. Агеева и инспектора облсовета ДСО «Колхозник» И.С. Илюшкина (28 мая – 11 июня); Колышлейский и Сердобский районы – председателя облсовета ДСО «Колхозник» Н.П. Ляпкова (28 мая – 10 июня). Председателям комитетов по делам физической культуры и спорта данных районов предписывалось оказывать активную помощь партийным и советским органам в проведении организационной и агитационно-пропагандистской работы, направленной на активное участие всех граждан Сердобского избирательного округа в выборах; обеспечить лучших представителей физкультурных организаций в избирательные комиссии в качестве доверенных лиц, докладчиками, пропагандистами и агитаторами; организовать проведение эстафет, спортивных соревнований, побитие рекордов и физкультурных вечеров; организовать велопробеги с целью оказания шефской помощи колхозным организациям; на агитпунктах проводить сеансы одновременной игры лучших шахматистов и шашистов района и т.д. [3].

В 1951 г. всем председателям горрайкомитетов физкультуры и спорта и Советов ДСО был направлен календарный план спортивных мероприятий облкомитета по делам физкультуры и спорта по сбору подписей под обращением Всемирного Совета Мира о заключении пакта мира между пятью Великими державами – Англией, Китаем, СССР, США, Францией. Подчеркивалось, что это Обращение было горячо одобрено советскими людьми, кровно заинтересованными в крепком и долгом мире, и готовыми неустанно отстаивать справедливое дело согласия и братства между народами. Пленум Советского Комитета защиты мира выступил с инициативой собрать подписи в СССР под Обращением в сентябре 1951 г. и призвал всех советских граждан подписаться под ним. Естественно, выражалась твердая уверенность, что абсолютно все советское население поддержит данный призыв, тем самым вновь подтвердив готовность бороться под руководством партии Ленина – Сталина за мир и безопасность народов, опять докажет свою самоотверженную верность «великому знаменосцу мира товарищу Сталину» [4].

Г.П. Мельницкий отписал председателям местных комитетов распоряжение о необходимости в кратчайший срок разработать свой план районных спортивных мероприятий и обеспечить активное участие физкультурных организаций района в областных мероприятиях. Кроме этого областной комитет предложил провести во всех коллективах физкультуры общие собрания физкультурников по вопросу подведения итогов летнего и подготовки к зимнему спортивному сезону, организовав перед началом собраний чтение лекций и докладов, посвященных борьбе СССР и стран народной демократии за мир во всем мире. Облкомитет по делам физкультуры и спорта выражал уверенность, что важнейшее политическое событие – сбор подписей под Обращением Всемирного Совета мира – послужит стимулом к дальнейшему улучшению работы физкультурных организаций области, к досрочному выполнению и перевыполнению ими Государственного плана развития физической культуры и спорта [2, л. 81].

На бюро обкома ВЛКСМ от 8 сентября 1951 г. было утверждено «Положение о проведении звездной велоэстафеты, посвященной кампании по сбору подписей под Обращением Всемирного Совета Мира»: «Эстафета проводится в целях агитации населения за подписание под Обращением Всемирного Совета Мира.

Старт эстафете дается из райцентров 17 сентября по графику (прилагается). Финиш состоится

23 сентября в 14 часов в Пензе на стадионе «Искра». Все команды последних этапов должны прибыть в Пензу одновременно.

В эстафете принимают участие сборные мужские команды районов. В их состав допускается неограниченное количество участников, но не менее 5 чел. Команда последнего этапа состоит из 5 чел. Город Пензу представляют команды районов, состав каждой из них – 10 чел. не моложе 18 лет, имеющие разрешение врача о допуске к велопробегу.

Проходя утвержденный маршрут и имея на руках путевки РК ВЛКСМ и комитета физкультуры и спорта, команды, прибывшие в назначенные пункты, сдают их команде, продолжающей маршрут. Передача эстафеты проходит в торжественной обстановке.

О выезде команд из райцентров комитеты физкультуры и спорта телеграфно сообщают в следующий пункт движения эстафеты, а также в обком физкультуры и спорта. Все участники должны иметь нагрудные знаки с названием своего района, а на спине – призывной лозунг.

Связанные с проведением эстафеты расходы несут командирующие организации. Встречающие организации обеспечивают команды общежитием и питанием за счет приезжающих команд. Прибывшие в Пензу команды обеспечиваются питанием на один день за счет областного комитета по делам физической культуры и спорта.

Ответственность за участие команд в звездной велоэстафете, за организованное ее проведение на местах в указанные сроки и по маршрутам несут секретари райкомов ВЛКСМ, председатели горрайкомитетов по делам физкультуры и спорта...» [5].

В виде отчета о проделанной работе в отдел пропаганды и агитации обкома ВКП(б) Н.И. Малинину была предоставлена справка: «Областным комитетом по делам физкультуры и спорта проведены: областная вело-эстафета (эстафета мира), прошедшая по всей территории Пензенской области. В эстафете участвовали команды велосипедистов 24 районов области. Участники эстафеты на велосипедах с лозунгами, посвященными борьбе за мир, стартовав 16 сентября в районных центрах, финишировали 23 сентября в 14 часов на стадионе «Искра» в Пензе, рапортовав областному комитету физкультуры о состоянии физкультурной работы в районах области и участии физкультурных организаций в кампании по сбору подписей под обращением Всемирного Совета Мира.

В день финиша эстафеты на стадионе «Искра» были проведены соревнования по легкой атлетике на побитие областных рекордов, и начался розыгрыш кубка области по баскетболу. В соревнованиях по легкой атлетике в этот день установлено 12 новых областных рекордов. 16 сентября на этом же стадионе были проведены Всесоюзные заочные соревнования по легкой атлетике, в которых участвовало 517 физкультурников.

По неполным данным, имеющимся в комитете, почти во всех районах области были проведены спортивные мероприятия, посвященные этому событию. Так, в Белинском районе прошло соревнование по ГТО, в котором участвовало 124 чел.; в Кондольском после митинга, посвященного сбору подписей под обращением Всемирного Совета Мира, проведены товарищеские встречи по волейболу; в Свищевском районе – спартакиада; в Телегинском – школьная спартакиада; в Бессоновском – соревнования по легкой атлетике и велосипеду, в которых участвовало 75 чел. В Пензе – лично-командное первенство по велосипеду, шахматам и шашкам и т.д. [2, л. 149].

Накануне выборов в местные Советы депутатов трудящихся областной комитет по делам физкультуры и спорта разработал план соответствующих мероприятий по подготовке к проведению выборов, в соответствии с которым намечалось до 25 декабря 1952 г. выдвинуть в составы избирательных комиссий, заведующими агитпунктов и агитаторами лучших физкультурников и работников комитетов и добровольных спортивных обществ. Почти все городские и районные комитеты должны были провести собрания по выдвижению в составы избирательных комиссий. Так, например, областной комитет выдвинул в состав районных избирательных комиссий работников комитета Шперову и Картулозу; пензенский городской комитет – тов. Московцева, заведующего агитационным пунктом. При областном и пензенском городском комитетах физкультуры были созданы агитколлективы, почти все работники являлись агитаторами и пропагандистами среди населения по выборам в местные советы депутатов трудящихся. В большинстве районов Пензенской области при районных комитетах по делам физкультуры и спорта совместно с районными комитетами ВЛКСМ сформированы оргкомитеты по проведению спортивных мероприятий, посвященных выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Практически во всех районах области проводились соответствующие спортивные мероприятия по тематике выборов. Областным комитетом по делам физкультуры и спорта совместно с областным комитетом ВЛКСМ были разосланы во все

районы области лекции «Выступление советских спортсменов на XV Олимпийских играх».

Пензенский комитет по делам физической культуры и спорту, выполняя план спортивных мероприятий, посвященных выборам в местные Советы депутатов трудящихся, провел следующие спортивные соревнования, о чем успешно отчитался перед центральным органом:

«1. Матч 6-ти городов РСФСР по баскетболу среди команд юношей и девушек (4–6 января);

2. Матч 8-ми сильнейших мужских и женских команд области по баскетболу (8–12 февраля);

3. В большинстве районов области проведен массовый лыжный кросс, финал которого состоится 15–16 февраля с.г. в г. Пензе;

4. В некоторых районах области проведена звездная лыжная эстафета (г. Кузнецк и др.)» [6].

И тем не менее, несмотря на всю идеологизированность и мифологизацию проводившихся спортивных мероприятий, они все же были массовыми физкультурными соревнованиями и способствовали укреплению здоровья населения, развитию нравственных качеств, в конце концов, привитию элементарных гигиенических правил.

Литература

1. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р-2388. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.
2. ГАПО. Ф. Р-2388. Оп. 1. Д. 9.
3. ГАПО. Ф. Р-2388. Оп. 1. Д. 15. Л. 97, 102.
4. Журнал Московской Патриархии (Magazine of the Moscow Patriarchy). 1951. № 9. С. 34–37.
5. ГАПО. Ф. Р-2388. Оп. 1. Д. 20. Л. 138–139.
6. ГАПО. Ф. Р-2388. Оп. 1. Д. 11. Л. 11–12.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti (dalee – GAPO)* [State Archive of the Penza Region (GAPO)]. Fund R-2388. In. 1. File 17. L. 17.
2. *GAPO*. Fund-R 2388. In. 1. File 9.
3. *GAPO*. Fund-R 2388. In. 1. File 15. L. 97, 102.
4. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 1951, no 9, pp. 34-37.
5. *GAPO*. Fund-R 2388. In. 1. File 20. L. 138-139.
6. *GAPO*. Fund-R 2388. In. 1. File 11. L. 11-12.

Поступила в редакцию ***24 февраля 2016 г.***

УДК 821.133.1+94(44) DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-54-60

НАРОДНАЯ ВОЙНА 1870–1871 ГОДОВ ВО ФРАНЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2016 г. В.П. Подольников

Подольников Владимир Павлович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных
отношений Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: podolnikov@list.ru

Podol'nikov Vladimir Pavlovich –
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: podolnikov@list.ru

На основе анализа исторической литературы и художественных произведений французских писателей-современников франко-прусской войны рассматривается история народного сопротивления немецким захватчикам в 1870–1871 гг. Исследуется процесс возникновения партизанского движения, деятельность организованных и стихийно возникающих партизанских отрядов, отдельные акты протеста со стороны гражданского населения Франции. Раскрываются причины особого внимания советских историков к данной проблематике. Показаны психологические мотивы героической борьбы простых французов с оккупантами. Литературные произведения французских писателей-современников используются в качестве уникального исторического источника, освещающего малоизвестные страницы франко-прусской войны 1870–1871 гг.

Ключевые слова: *война, партизаны, оккупанты, репрессии, сопротивление, протест, героизм, новелла, литературное произведение, историография.*

The article, based on an analysis of historical literature and artistic works of the French writers contemporaries of Franco-Prussian War, shows the history of popular resistance to the German invaders in the years 1870-1871. We study the process of the emergence of the guerrilla movement, the activities of organized and spontaneously arising guerrilla groups, individual acts of protest on the part of the civilian population of France. The author reveals the reasons for the special attention of Soviet historians to the subject matter. The psychological motives of the heroic struggle of ordinary French people against the invaders are shown. Literary works of contemporary French writers are used as a unique historical source illuminating the little-known pages of the Franco-Prussian War of 1870-1871.

Keywords: *war, partisans, occupiers, repression, resistance, protest, heroism, novel, literary work, historiography.*

Потребовался всего месяц с момента начала франко-прусской войны, чтобы Германия нанесла сокрушительное поражение французской армии Второй империи, а сама империя прекратила свое существование, уступив место республике. Треть территории Франции оказалась оккупированной немцами. Для большинства французов, обманутых заявлениями правительства Наполеона III о готовности к войне и быстрой победе в ней, подобное развитие событий стало совершенно неожиданным и шокирующим. Но народ Франции, «ослабленный поражениями и обессиленный продолжительным рабством», – по словам Ж. Жореса, – сохранил в душе «неистощимый запас чести и мужества» [1, с. 376] и готов был продолжить борьбу. На смену официальным ура-патриотическим и шапкозакидательским настроениям, навязанным обществу бонапартистским режимом в начале войны, пришло осознание того, что страна столкнулась с действительно сильным врагом и над ней нависла серьезная опасность. «Зверства и жестокости пруссаков», которыми, по сведениям европейской прессы, вначале сопровождалось немецкое вторжение во Францию, «не только не подавили народное сопротивление, но удвоили его энергию», – писал современник тех событий Ф. Энгельс [2, с. 188]. Высокий патриотический подъем охватил представителей различных общественных слоев, профессий, убеждений, возрастов французского населения. «Ожили славные традиции федератов Марселя, традиции Вальми, традиции победоносной борьбы Первой республики с коалицией европейских монархов в конце XVIII», – отмечал А.И. Молок [3, с. 48]. Известный французский писатель В. Гюго призывал развернуть всенародную борьбу против оккупантов. «Пусть деревни берутся за вилы!... Будем вести войну днем и ночью, войну в горах, войну равнин, войну лесов... Не давайте врагу передышки, покоя, сна!... Цельтесь, стреляйте, истребляйте захватчиков... Будьте беспощадны, патриоты!», – взывал он к нации [3, с. 48].

Призыв этот был услышан страной, и население Франции включилось в активную борьбу с немецкой армией, что проявилось как в деятельности партизанских отрядов, так называемых «вольных стрелков», или франтиреров, так и в отдельных актах сопротивления захватчикам со стороны простых городских и сельских жителей. Война приобрела характер народной войны.

Интересным представляется вопрос о масштабах и эффективности этой войны и ее отражении в исторической памяти французского народа. Попытаемся ответить на него.

История партизанского движения во Франции была представлена главным образом в советской исторической литературе, а также в художественных произведениях французских писателей – современников франко-прусской войны 1870–1871 гг.

Однако в зарубежной и даже во французской историографии отсутствуют специальные работы по данной проблеме, о чем свидетельствуют подробные библиографические обзоры по истории войны, содержащиеся в фундаментальных трудах Э.А. Желубовской [4], В.И. Антюхиной-Московченко [5] и во втором томе «Истории Франции» [6]. Ни единого упоминания о вольных стрелках нет и в исследовании, казалось бы ориентированном на самодеятельность масс, французского социалиста Ж. Жореса [1]. Ничего не говорит о франтирерах и Э. Гонкур, ведший подробную летопись событий тех месяцев в своем «Дневнике» [7]. Вероятно, французские авторы не имели оснований считать, что партизаны сыграли какую-либо существенную роль в борьбе с немцами.

Иного мнения придерживались советские историки. Представляется, что обращение их к данному сюжету было вызвано не столько реальным вкладом французских партизан в боевые действия против германской армии, сколько соображениями идейно-политического порядка.

Во-первых, необходимо было обосновать и подтвердить конкретным фактическим материалом сделанное Ф. Энгельсом в ходе войны заявление о том, что жестокое подавление немцами народного сопротивления во Франции «уже оказало свое действие и партизанская война с каждым днем принимает все большие размеры» [2, с. 188]. Во-вторых, исходя из классового принципа, противопоставить истинный патриотизм трудящихся масс, нацеленных на бескомпромиссную борьбу с врагом, трус-

ливой и капитулянтской позиции правящей буржуазной верхушки, желавшей немедленного прекращения войны любой ценой. И, наконец, на историческом примере вдохновить участников французского движения Сопротивления, которые, следуя традиции, также называли себя «вольными стрелками», на дальнейшую борьбу с фашизмом в годы Второй мировой войны. Не случайно первая и единственная специальная работа А.И. Молока, посвященная партизанскому движению во Франции 1870–1871 гг., появилась в 1944 г. [3].

И на этом разработка проблемы советскими историками была закончена. У Э.А. Желубовской, В.И. Антюхиной-Московченко и во втором томе «Истории Франции» партизанскому движению отводится очень скромное место, не более одного-двух абзацев. Материал излагается в духе предложенной А.И. Молоком концепции весьма схематично, стандартными фразами, без какой-либо новой конкретики. Не является здесь исключением и единственная специальная по истории франко-прусской войны работа Ф.А. Ротштейна [8].

В исследованиях советских авторов понятие народной войны сводится лишь к действиям отрядов вольных стрелков, а само партизанское движение представляется единым и безликим. Между тем это было более сложное, неоднозначное и противоречивое явление, о чем свидетельствуют, в частности, произведения французских писателей. Оно включало в себя деятельность двух видов партизанских отрядов: организованных, к созданию которых в той или иной степени было причастно армейское руководство, координирующее их активность с боевыми действиями регулярной армии; и стихийно возникающих, совершенно ни от кого независимых и самостоятельных в своих поступках отрядов франтиреров.

История первых находила свое отражение на страницах французских газет и журналов периода войны и стала предметом исследования А.И. Молока, в то время как подвиги вторых оставались безымянными и малоизвестными широкой публике и лишь позже обрели художественное воплощение в литературных образах французских классиков.

Источниковую базу статьи А.И. Молока составила корреспонденция из французской периодики. Такие издания, как «Бой», «Отечество в опасности», «Провинция», «Женевская газета», «Свобода», регулярно, с сентября 1870 по январь 1871 г., информировали читателей о боевых операциях с участием франтиреров. Большое место в статье отводится истории создания и структурно-организационным вопросам партизанского движения. Первые отряды вольных стрелков появились еще в 1867 г., когда в предвидении войны с Германией во Франции стали образовываться стрелковые общества, члены которых, не будучи кадровыми военными, систематически обучались военному делу. С началом войны правительство призвало их к оружию, а после провозглашения республики 4 сентября 1870 г. отряды вольных стрелков стали возникать в большом количестве в Париже и в провинции, в городе и в деревне. Костяк их составляла молодежь. Возглавляли их люди разных профессий, «даже самых мирных», например музыкант Д. Перелли и романист Понсон дю Террайль. Они не входили ни в состав регулярных войск, ни в состав национальной гвардии и представляли собой, по словам автора статьи, «особый вид вооруженных сил республиканской Франции», носивших различные наименования («партизаны», «волонтеры», «гверильясы», «мстители», «стрелки», «разведчики», «охотники» и др.), объединенные самым распространенным названием – «вольные стрелки» [3, с. 49]. Одновременно отдельные партизанские отряды выделялись из батальонов национальной гвардии. К вольным стрелкам автор относит и интернациональные части, наполовину состоящие из иностранцев – «Легион волонтеров Запада» и «Армию Вогезов», возглавляемую Д. Гарибальди.

А.И. Молок отмечает, что вольные стрелки не имели определенной формы одежды и «резко отличались от солдат и офицеров армейских частей». Короткая шерстяная куртка, длинные гетры, красные или синие пояса и тирольские шляпы с кокардами всех размеров и перьями всех цветов — таков был их внешний вид. Разнообразным было и их вооружение: от ружей, чаще всего устаревшей системы, до револьверов и кинжалов [3, с. 50].

Программа действий партизанских отрядов была сформулирована, по мнению А.И. Молока, В. Врублевским в его статье «Оборона», опубликованной 5 октября 1870 г. газетой «Бой». Она ставила следующие задачи: «беспокоить врага по ночам, истреблять его часовых и патрули, перехватывать его курьеров и всех агентов его администрации, уничтожать в его тылу дороги, мосты, лодки, телеграфные линии, сжигать его обозы, продовольственные запасы, боеприпасы..., усиливать свои ряды за счет всех здоровых граждан... и вооружаться за счет врага» (цит. по: [3, с. 50]). Практика показала, что вольные стрелки руководствовались в дальнейшем этой схемой.

Одновременно В. Врублевский призывал их к тесному сотрудничеству с правительством, считая его залогом успешных действий. Но по вине самого правительства этого как раз таки и не получилось.

Пораженческие настроения, охватившие бонапартистскую верхушку уже в первые недели войны, передались по наследству и новому республиканскому правительству «национальной обороны», которое К. Маркс не без оснований назвал «правительством национальной измены» [9, с. 322]. 20 сентября 1870 г., в тот самый день когда В. Гюго призывал нацию к всенародной борьбе с врагом, глава правительства «национальной обороны» генерал Трошю заявил: «Сопротивление – это героическое безумие» [10, с. 52].

Такая позиция власти не могла не сказаться на эффективности деятельности партизанских отрядов. Лишь треть статьи А. И. Молока посвящена результатам этой деятельности. Обобщив газетные сообщения о вольных стрелках, он привел всего лишь 20 эпизодов их боевой активности, состоящей в том, что они захватывали в плен и убивали прусских солдат и офицеров, нарушали работу связи, осуществляли налеты на поезда, захватывали и удерживали горные проходы, разрушали железнодорожные мосты и мешали восстановлению железнодорожного полотна, занимались разведкой [3, с. 51, 53–55]. Но в большинстве своем это были единичные эпизоды, не принявшие массового характера. Операции эти проходили в основном в районе Парижа, осуществлялись совместно с воинскими частями или же силами партизанских отрядов, выделяемых из состава национальной гвардии. Руководили ими кадровые военные; некоторые из них получили за это ордена Почетного легиона.

Поэтому оценки результатов эффективности деятельности партизанского движения во Франции отечественными авторами, привыкшими на примере собственной истории к иным масштабам «дубины» народной войны, представляются весьма умеренными и сводятся к неконкретным выражениям о «немалом», «серьезном ущербе захватчикам» [3, с. 56; 5, с. 43] или «чувствительным ударам» по ним [6, с. 400]. А.И. Молок признает, что документация, имеющаяся в его распоряжении, не дает возможности точно установить количество партизанских отрядов, их численный состав, объем и результаты их операций. «В исторической литературе о франко-прусской войне, – констатирует автор, – нет обобщающих данных по этим вопросам» [3, с. 56]. Правда, через три десятка лет он оценивает численность партизанских отрядов в 50 тысяч человек [6, с. 400], включая сюда, вероятно, участников стихийно возникающих отрядов вольных стрелков, количественный состав которых определялся также весьма условно.

И все же, несмотря на то что партизаны не смогли изменить ход военных действий и сколь-нибудь значительно помешать осуществлению стратегического плана немецкого командования, нельзя не согласиться со словами А. Палмера о том, что «теперь война шла уже не только между двумя профессиональными армиями» [11, с. 277].

Наряду с организованным партизанским движением существенный вклад в продолжение вооруженной борьбы против немцев внесли стихийно возникающие партизанские отряды на местах. В официальных источниках о них практически ничего не говорилось. Сказалось нежелание французского правительства, нацеленного на скорейшее завершение войны, брать на себя ответственность за их деятельность. Никто не занимался организацией, руководством и координацией их действий. Возникали они спонтанно, и активность их носила локальный характер. Никакой информации о персональном и численном составе этих островков сопротивления захватчикам не сохранилось. Редкие упоминания о них в газетных сообщениях появлялись лишь в связи с теми репрессиями, которым подвергалось местное население за антигерманские диверсии. Но эта героическая страница войны навсегда осталась в исторической памяти французского народа и была запечатлена во французской литературе, которая по сути стала единственным источником по истории народной войны 1870–1871 гг.

Оценка деятельности стихийно возникающих партизанских отрядов в произведениях французских писателей весьма неоднозначна и противоречива. Она отражает настроения народных масс различных регионов Франции на разных этапах войны.

Наибольший размах партизанское движение приняло в начале войны в восточных провинциях страны, откуда пошло вторжение немцев. «... Народ тут воспрянул, – пишет графиня Фернанда Д'Арнэ, – подобно раненному разъяренному льву. Все жители Вогезов, начиная с несчастных и героических эльзасцев, готовы были к бою. Довольно было одеться в блузу и войлочную шляпу, чтобы быть принятым в ряды вогезских вольных стрелков» [12, с. 205].

С одной стороны, авторы художественных произведений отмечают несомненный вклад франтиреров в общую борьбу французского народа с врагом, когда в результате этой «волчьей войны», по определению Э. Золя, они уничтожили в ущелье немецкий отряд [13, с. 306], «убивали и грабили пруссаков, которых удавалось застигнуть врасплох» [13, с. 450], наказывали немцев за мародерство и грабеж мирного населения [14, с. 40], ликвидировали прусских шпионов [13,

с. 451; 12, с. 206] и подвергали репрессиям коллаборационистов [15, с. 211].

С другой стороны, писатели обратили внимание на явно негативный оттенок их деятельности, которая наносила серьезный ущерб интересам местного населения, поскольку, когда не хватало добычи от грабежа пруссаков, они «нападали на фермы и взимали дань с французских крестьян» [13, с. 450]. Кроме того, «при каждом нападении на неприятельский обоз, при каждом убийстве часового немецкие власти мстили соседним поселкам, обвиняли жителей в соучастии, налагали на них штрафы, арестовывали мэров, сжигали лачуги» [13, с. 450].

Один из таких партизанских отрядов Э. Золя откровенно называет «бандой» [13, с. 450], и здесь его мнение полностью совпадает с мнением Ги де Мопассана, сравнившего вольных стрелков с «шайками разбойников» с героическими наименованиями «Мстители за поражение», «Граждане могилы», «Причастники смерти» [16, с. 9]. Но в описании их командиров и солдат, напротив, нет ничего героического. «Командиры этих отрядов, – отмечал Мопассан, – бывшие суконщики или лобазники, недавние торговцы салом или мылом, случайные воины, произведенные в офицеры за деньги или за пышные усы, увешанные оружием, облаченные в мундиры с галунами, говорили громко и самодовольно, обсуждали планы кампании и похвалялись, что они одни поддерживают несчастную Францию; но вместе с тем они побаивались своих храбрых до безрассудства солдат-висельников, мародеров, распутников» [16, с. 9]. «...Бешеные, не признающие ни закона, ни дисциплины люди», – такова его окончательная оценка вольных стрелков [17, с. 538].

Отношение французских крестьян к таким партизанским отрядам было крайне отрицательным. «Бичом деревень» называл их Э. Золя, считая, что крестьяне охотно выдали бы их немецким властям, если бы не боялись, «что в случае неудачи их самих пристрелят на глухой тропинке» [13, с. 450].

Таким образом, сведения, содержащиеся в произведениях французских писателей – современников и участников войны, не дают оснований говорить о широком общенациональном масштабе стихийного партизанского движения и его всенародной поддержке населением страны. Деморализация, вызванная поражениями французской армии, и последовавшая затем глубокая общественная апатия, усиленная пораженческими настроениями властей, мало способствовали росту партизанской борьбы. «Если что и спасет нас, – говорил Ж. Ренан в беседе с Э. Гонкуром еще в сентябре 1870 г., – так это безучастность населения» [7, с. 23].

Массовое сопротивление оккупантам возникает лишь в случае угрозы полного порабощения или истребления завоеванного народа. Таких целей германское руководство перед своей армией не ставило, хотя особенно в начале войны репрессии и насилия против мирных граждан имели место. Затем ситуация стабилизировалась. «...Завоеватели, – отмечал Ги де Мопассан, – не совершили ни одной из тех чудовищных жестокостей, которые, если верить молве, сопровождали их победное шествие...» [16, с. 11]. К тому же, по словам Э. Золя, «дисциплина в немецкой армии была такой строгой, что насилия и грабежи случались редко. Во всем Седане обесчестили всего двух женщин» [13, с. 472].

Пацифистские настроения масс подкреплялись капитулянтской позицией правительства национальной обороны. «Капитулировать прежде, чем съеден будет последний кусок хлеба, – мысль, вчера еще никому в голову не приходившая, овладела сегодня сознанием народа», – пишет Э. Гонкур в своем «Дневнике» в январе 1871 г. [7, с. 96].

И вот уже «... во многих домах прусский офицер садился обедать за семейный стол. Если это был человек благовоспитанный, то он из вежливости жалел Францию, говорил, что ему тяжело участвовать в этой войне. Ему были признательны за такие чувства; к тому же в любой день могло понадобиться его покровительство» [16, с. 10–11].

Определенную роль в растущих примиренческих настроениях обывателя играла и классовая солидарность побежденных и победителей. Французская беднота видела в немецких солдатах таких же обездоленных людей, как и они сами, а те в свою очередь старались всячески помогать местному населению. «Дородные крестьянки, у которых мужья были в “действующей армии”, знаками указывали своим послушным победителям работу, которую надлежало сделать: наколоть дров, засыпать суп, смолоть кофе; один из них даже стирал белье своей хозяйки, дряхлой и немощной старухи»; «...бедняки должны помогать друг другу, – говорит один из героев рассказа Ги де Мопассана. – Войну-то ведь затевают богачи» [16, с. 25].

Но все же общая картина взаимоотношений немецкой армии и местного населения не была столь благостной, поскольку оккупационные власти методически грабили французов путем реквизиций и штрафов [5, с. 42]. «Победители требовали много денег, – пишет Ги де Мопассан. – Жители платили и платили...» [16, с. 11]. Основная тяжесть этих поборов ложилась в основном на крестьян.

Сравнивая положение города и деревни во время войны, один из персонажей романа «Капрал Фредерик» говорит: «Вам, городским жителям, хорошо рассуждать о несчастьях, навлеченных войною! Вы были за вашими укреплениями и при первом свисте бомб бежали прятаться в казематы. У всех у вас отнять было нечего. Те, у которых дома были сожжены, получат вознаграждение гораздо выше стоимости их имущества... Между тем мы, бедные крестьяне, принуждены были кормить врагов, помещать их у себя, отдавать им сено, солому, ячмень, овес, пшеницу — все до последней коровы, нашего единственного средства к жизни» [14, с. 82].

Все это еще больше подогревало ненависть к врагу, и результатом этой «тайной мести, жестокой и справедливой», по словам Ги де Мопассана, были не раз поднимаемые «с речного дна вздувшиеся трупы немецких солдат, зарезанных или убитых ударом кулака, с проломанной камнем головой или просто сброшенных в воду с моста» [16, с. 11].

Желание защитить свое имущество стало главным побудительным мотивом сопротивления местных жителей оккупантам, примеры которого нашли блестящее художественное воплощение в образах литературных героев, созданных французскими писателями. Произведения Э. Золя (роман «Земля») [18] и Ги де Мопассана (рассказ «В море») [19] дают уникальную возможность раскрыть психологию мелкого буржуа того времени, будь то крестьянин или простой рыбак, который, работая день и ночь, едва сводил концы с концами. Собственность, земля или рыбацкая сеть представлялась им высшим смыслом жизни, по сравнению с которым даже родственные связи отступали на второй план. Стремление сохранить ее любыми, даже самыми крайними средствами, толкало простых людей на борьбу с оккупантами. Именно это заставляло папашу Милона, из одноименного рассказа Ги де Мопассана, тайком убивать немецких солдат. «Вы, с вашими солдатами, – объяснял он свой поступок следователю-полковнику, – одного сена забрали у меня на пятьдесят экю, да еще корову, да двух овец... Я себе и сказал: “Ладно, пусть хоть все отнимают – сочтемся”». После чего «старик жил одной мыслью: истреблять пруссаков! Он ненавидел их тайно и непримиримо – и как скопидом крестьянин, и как патриот» [20, с. 275].

Убийство вражеских солдат было также местью французов за потерю в этой войне своих родных и близких. К чувству естественной человеческой горечи добавлялось осознание того, что ты нередко лишался единственного в семье работника и кормильца. Так, четыре немца, определенные на постой к старухе Соваж из новеллы Ги де Мопассана, «понимая ее тоску и тревогу о сыне – ведь у них дома тоже остались матери, – всячески ухаживали за ней. Впрочем, и сама она благоволила к своим четырем врагам, ибо патриотическая ненависть свойственна только высшим классам – крестьянам она чужда» [21, с. 164].

Но узнав о гибели единственного сына, она хладнокровно сжигает их в своем доме.

Руководствуясь чувством ненависти, «какую вызывал у них этот незнакомый и одерживающий победу за победой народ» [22, с. 56], герои рассказа Ги де Мопассана «Два друга» принимают смерть, но не выдают врагу пароль французских аванпостов. Героически борются с захватчиками дядюшка Мерлье и юный Доминик из новеллы Э. Золя «Осада мельницы» [23]. И даже представительницы самой низкой презренной профессии, такие как Пышка или Рашель из рассказа Ги де Мопассана «Мадмуазель Фифи» [24], испытывая, по словам автора, «патриотическую стыдливость шлюхи» [16, с. 24], каждая по своему включаются в борьбу с общим врагом.

Однако наиболее массовыми и частыми, к тому же менее рискованными, были пассивные формы сопротивления, выражавшиеся в молчаливом презрении к захватчикам. Так, из рассказа Ги де Мопассана «Мадмуазель Фифи» мы узнаем, что кюре одной из нормандских деревень с приходом туда пруссаков наотрез отказался после этого звонить в церковный колокол. «Он скорее пошел бы на расстрел. В этом выражался его протест против оккупации, беззлобный, молчаливый протест, единственный, по его словам, вид протеста, подобающий священнику, чье орудие – кротость, а не кровь» [24, с. 49]. И все село поддержало в этом своего пастыря, «считая, что таким безмолвным протестом оно оберегает честь нации. Крестьянам казалось, что они служат родине не хуже Бельфора и Страсбурга, что они подают такой же достойный пример, который обессмертит название их села» [24, с. 49]. Поскольку во всем остальном местные жители проявляли услужливость и покорность, немцы снисходительно терпели этот «немой патриотизм».

Формой протеста стал и поступок учителя французского языка из рассказа А. Доде «Последний урок». Изгнанный из одной из школ Эльзаса, аннексированного немцами, он в знак протеста завершил свой последний урок в классе тем, что написал на доске большими буквами фразу «Да здравствует Франция!» [25, с. 509].

Таким образом, народная война 1870–1871 гг. включала в себя деятельность как организованных, так и стихийно возникающих партизанских отрядов вольных стрелков, а также индивидуальные акты гражданского сопротивления немецким захватчикам. Она

нашла свое отражение в исторических исследованиях, главным образом советских авторов, и в художественных произведениях французских писателей-современников франко-прусской войны. Героическая борьба простых французов с внешним врагом прочно закрепилась в историческом сознании народа Франции.

Литература

1. *Жорес Ж.* Франко-прусская война // *Тома А., Жорес Ж.* История Второй империи. СПб., 1908.

2. *Энгельс Ф.* Военная обстановка во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 17.

3. *Молок А.* Вольные стрелки во Франции во время войны 1870–1871 годов // Исторический журнал. 1944. № 2–3.

4. *Желубовская Э.А.* Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.

5. *Антюхина-Московченко В.И.* Третья республика во Франции. 1870–1918. М., 1986.

6. История Франции. М., 1973. Т. 2.

7. *Гонкур Э., Гонкур Ж.* Дневник. М., 1964.

8. *Ротштейн Ф.А.* Две франко-прусские войны. М.; Л., 1948.

9. *Маркс К.* Гражданская война во Франции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. : 2-е изд. Т. 17.

10. *Лиссагарэ Э.* История Парижской коммуны в 1871 г. СПб., 1906.

11. *Палмер А.* Бисмарк. Смоленск, 1997.

12. *Филиберт Одебранд*. Графиня Фернанда Д' Арнэ. Рассказ времен франко-прусской войны 1870 г. М., 1876.

13. *Золя Э.* Разгром // Собр. соч. : в 26 т. М., 1964. Т. 15.

14. *Эркман-Шатриан*. Капрал Фредерик. М.; Л., 1943.

15. *Мопассан Ги де*. Пленные // Новеллы. М., 1982.

16. *Мопассан Ги де*. Пышка // Новеллы. М., 1982.

17. *Мопассан Ги де*. Приключение Вальтера Шнаффса // Собр. соч. : в 6 т. СПб., 1992. Т. 3.

18. *Золя Э.* Земля // Собр. соч. : в 18 т. М., 1957. Т. 12.

19. *Мопассан Ги де*. В море // Новеллы. М., 1982.

20. *Мопассан Ги де*. Папаша Милон // Новеллы. М., 1982.

21. *Мопассан Ги де*. Старуха Соваж // Новеллы. М., 1982.

22. *Мопассан Ги де*. Два друга // Новеллы. М., 1982.

23. *Золя Э.* Осада мельницы // Собр. соч. : в 12 т. Тверь; Москва,1995. Т. 1.

24. *Мопассан Ги де*. Мадмуазель Фифи // Новеллы. М., 1982.

25. *Доде А.* Последний урок // Избранное. М., 1955.

References

1. Zhores Zh. [Franco-Prussian war]. Toma A., Zhores Zh. *IstoriyaVtoroy imperii* [The history of the Second Empire]. Saint Petersburg, 1908.

2. Engel's F. [The Military Situation in France]. Marks K., Engel's F. *Soch*. [Works]. 2nd ed., vol. 17.

3. Molok A. Vol'nye strelki vo Frantsii vo vremya voiny 1870–1871 godov [Free Shooters in France during the War 1870-1871]. *Istoricheskii zhurnal*, 1944, № 2-3.

4. Zhelubovskaya E.A. *Krushenie Vtoroi imperii i vozniknovenie Tret'ei respubliki vo Frantsii* [The Collapse of the Second Empire and the Emergence of the Third Republic in France]. Moscow, 1956.

5. Antyukhina-Moskovchenko V.I. *Tret'ya respublika vo Frantsii* [The Third Republic in France 1870-1918]. Moscow, 1986.

6. *Istoriya Frantsii* [History of France]. Moscow, 1973, vol. 2.

7. Gonkur E., Gonkur Zh. *Dnevnik* [Diary]. Moscow, 1964.

8. Rotshtein F.A. *Dve franko-prusskie voiny* [Two Franco-Prussian Wars]. Moscow; Leningrad, 1948.

9. Marks K. [Civil War in France]. Marks K., Engel's F. *Soch*. [Works]. 2nd ed., vol. 17.

10. Lissagare E. *Istoriya Parizhskoi kommuny v 1871 g* [History of the Paris Commune in 1871]. Saint Petersburg, 1906.

11. Palmer A. *Bismark* [Bismark]. Smolensk, 1997.

12. Filibert Odebrand. *Grafinya Fernanda D' Arne. Rasskaz vremen franko-prusskoi voiny 1870 g.* [Countess Fernande D'Arne. Short Story of the Times of the Franco-Prussian War, 1870]. Moscow, 1876.

13. Zolya E. [Defeat]. *Sobr. soch*. [Col. Works]. Moscow, 1964, vol. 15.

14. Erkman-Shatrian. *Kapral Frederik* [Corporal Frederick]. Moscow; Leningrad, 1943.

15. Mopassan Gi de. [Captured]. *Novelly* [Novels]. Moscow, 1982.

16. Mopassan Gi de. [Boule de suif]. *Novelly* [Novels]. Moscow, 1982.

17. Mopassan Gi de. [Adventure of Walter Schnaffs]. *Sobr. soch*. [Col. Works]. Saint Petersburg, 1992, vol. 3.

18. Zolya E. [Earth]. *Sobr. soch*. [Col. Works]. Moscow, 1957, vol. 12.

19. Mopassan Gi de. [In the Sea]. *Novelly* [Novels]. Moscow, 1982.

20. Mopassan Gi de. [Pere Milon]. *Novelly* [Novels]. Moscow, 1982.

21. Mopassan Gi de. [Old Sauvage]. *Novelly* [Novels]. Moscow, 1982.

22. Mopassan Gi de. [Two Friends] *Novelly* [Novels]. Moscow, 1982.

23. Zolya E. [The Mill Siege]. *Sobr. soch*. [Col. Works]. Tver; Moscow, 1995, vol. 1.

24. Mopassan Gi de. [Mademoiselle Fifi]. *Novelly* [Novels]. Moscow, 1982.

25. Dode A. [Last Lesson]. *Izbrannoe* [Selected]. Moscow, 1955.

Поступила в редакцию ***9 марта 2016 г.***

УДК 94(612) DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-61-65

АРАБСКИЙ СОЦИАЛИЗМ ЛИДЕРА ЛИВИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ФЕНОМЕН МУАММАРА КАДДАФИ

© 2016 г. О.Н. Попенков

Попенков Олег Николаевич –
почетный академик Европейской академии естественных наук, помощник ректора,
Воронежский государственный университет,
Университетская площадь, 1, г. Воронеж, 394018.
E-mail: fnagrada@list.ru

Popenkov Oleg Nikolaevich –
Honorary Academician of the European Academy of Natural Sciences, Assistant Rector,
Voronezh State University,
Universitetskaya Sq., 1, Voronezh, 394018, Russia.
E-mail: fnagrada@list.ru

Рассматриваются вопросы государственного строительства в Ливии в период после свержения королевского режима на принципах «арабского социализма» ливийского лидера М. Каддафи, известных как «Третья мировая теория». Анализируется феномен политического лидерства на Востоке, в исламском мире, яркие представители которого сегодня становятся ключевыми игроками в новой формирующейся структуре мира. В деятельности М. Каддафи заключена целая эпоха в жизни арабского региона, без ее понимания невозможен научный прогноз развития кризисной ситуации как в самой Ливии, так и в Ираке, Сирии, Йемене и других странах региона.

Ключевые слова: *феномен Муаммара Каддафи, арабский социализм, панарабизм, суфийский орден сенуситов, национализм, ислам, сунниты, суфии, ваххабиты, исламисты, офицеры-юнионисты, революция аль- Фатех, «третья мировая теория».*

The article analyses the issue of state building in Libya in the period after the overthrow of the Royal regime on the principals of "Arab socialism" of Libyan leader Muammar al-Gaddafi, known as the "Third world theory". The analysis of the political leadership phenomenon on East in the Islam world is the purpose of this work, as leaders of the Islam world have become key players in the new formed structure of the modern world. In activity of the Lybian leader a whole epoch is celled in life of the Arabic region, the scientific prognosis of development of crisis situation is impossible without the analysis of it, both in Lybia and Iraq, Syria, Yemen and other countries of the region.

Keywords: *the phenomenon of Muammar Gaddafi, Arab socialism, panarabism,Sufi order of sinusits, nationalism, Islam, the Sunnits, the Sufists, the Vakhabists, the Islamists, officers - unionists, the revolution of al-Fatech, "Third world theory".*

Арабский Восток в настоящее время напоминает бурлящий котёл. После арабской весны, уничтожившей устоявшиеся за долгие годы режимы, ситуация остаётся взрывоопасной. На политической арене не без помощи Запада активно действуют исламистские силы, ранее удерживаемые в рамках сильных режимов некогда суверенных арабских государств: Ирака, Ливии, Сирии. Конфликты на Ближнем Востоке множатся, угрожая не только региону, но и миру в целом. Здесь сошлись интересы главных геополитических игроков, а также ряда региональных стран, стремящихся к лидерству в этом районе мира.

Каков возможный сценарий дальнейшего развития ситуации?

Ответ на этот вопрос крайне важен. Он даёт возможность наметить пути вероятного разрешения ближневосточных конфликтов. А также смоделировать общее направление будущего мирового противостояния.

В данной статье рассматривается личность одного из величайших представителей ливийского народа Муаммара Каддафи, его революционные искания, победы и просчёты. В деятельности «полковника» заключена целая эпоха в жизни ливийского народа, без анализа которой невозможен научный прогноз развития кризисной ситуации как в самой Ливии, так и в арабском регионе в целом.

С падением колониализма к власти в ряде арабских стран, таких как Египет, Ирак, Алжир, Сирия, Тунис, Ливия, Южный Йемен, пришли лидеры, сделавшие свой выбор в сторону строительства светских государств, оставляя для ислама лишь духовную сферу. Это не означало, что они были неверующими мусульманами. Совсем наоборот.

Если говорить о Муаммаре Каддафи, то он, еще будучи бедуинским мальчиком, получил классическое исламское образование, обучаясь в медресе при одной из мечетей своего родного города Сирта. Знал Сунну и священную для всех мусульман книгу Коран наизусть.

Вместе с тем он, как и его египетский коллега Гамаль Абдель Насер, которого молодой Каддафи счи-

тал своим старшим другом и учителем, кому он всячески подражал и с кого брал пример (во всяком случае, в первые годы своей революционной карьеры), объявил войну исламистам, стремившимся построить государство по типу исламского халифата.

Подобную же войну против исламистской группировки «Братья-мусульмане» в 70–80-х гг. прошлого века вели сирийский президент Хафез Асад и президент Ирака Саддам Хуссейн.

Это противостояние, по меткому выражению академика Е.М. Примакова, представляло собой «не простое соперничество, а противостояние двух одномастных сил…» [1, с. 18].

Феномен М. Каддафи в Ливии заключался прежде всего в том, что он сознательно отрицал исламскую модель построения государства и общества, оставаясь правоверным мусульманином. Одновременно он не мог игнорировать религиозность населения своей страны.

Ислам был принципиальной связующей силой ливийцев, и основатель ордена сенуситов и его преемники, сумевшие объединить на религиозной основе племенной социум Ливии, неуклонно противопоставляли свою веру колониальному вторжению. Суфийский орден сенуситов стоял у истоков ливийского возрождения, вобрав в себя традиционный ислам, элементы мистики (суфизм) и аравийский ваххабизм.

Открытие ас-Сенуси начальных коранических школ и первого ливийского университета в оазисе Джагбуб стало «первыми шагами по созданию организованной системы образования, просуществовавшей вплоть до наших дней (60–70-е гг.)», – пишет английский исследователь Т. Бланс [2, p. 106].

Во время своего правления предшественник М. Каддафи король Идрис сохранял суфийскую суть сенусизма, традиции бедуинов, права кланов, свободу племён. Король создал модель государственности и национальной стратегии на сенуситском толковании ислама, что дало возможность сплотиться в борьбе с колонизаторами. Он добился независимости Ливии (1951 г.). А в 1963 г. Ливия стала унитарным государством: функции провинциальных правительств были переданы союзному правительству.

Всё это стало возможным на общеисламской базе. «Со стороны простых ливийцев к режиму короля Идриса не было претензий», – полагает востоковед и специалист по Ливии А.З. Егорин, – король пользовался всеобщим уважением» [3, с. 322].

Однако независимость Ливии с первых дней являлась формальной. Западное экономическое и военное присутствие США и Англии, которое якобы «гарантировало» устойчивость королевской власти, на самом деле закрепляло победу колониального Запада над страной.

В 1948 г. в Ливии англичанами была обнаружена первая нефть, которая в корне изменила судьбу страны. Всего 11 месторождений по всей стране. Неудивительно, что основными нефтедобывающими компаниями стали компании США и Великобритании, которые присваивали себе большую часть доходов от добычи нефти.

В 1968 г. была создана ливийская национальная нефтяная компания, которая облегчила борьбу с засильем иностранных нефтяных гигантов. Ливия стала одной из первых нефтедобывающих стран, начавших борьбу с Западом за контроль над своими природными богатствами.

Как считает английский специалист по Ливии Дж. Райт, начал эту борьбу не М. Каддафи, как это полагают многие, а король Идрис, за что и поплатился троном [4, с. 37].

Можно согласиться с подобным утверждением английского учёного хотя бы потому, что в момент революционного переворота Запад занял выжидательную позицию, предпочтя не вмешиваться в ситуацию. Однако у крушения монархического режима были и иные обстоятельства.

Охвативший страну нефтяной бум и свалившееся богатство ввели страну в состояние полной противоположности традиционному укладу её жизни. Предложенная королём ещё до открытия нефти в стране ливийская модель экономического развития явно отставала от тех возможностей, которые давала добыча нефти.

Новый исторический поворот в жизни Ливии – условия неожиданного богатства, требовали новых методов, путей и подходов для решения проблем. Их разработка была необходима для того, чтобы справиться с новыми внутренними и внешними задачами ливийского общества. Сама история выдвигала нового лидера, человека нового поколения. Им стал Муаммар Каддафи.

Появление офицеров-юнианистов в Ливии было связано прежде всего с общей обстановкой на Ближнем Востоке – формированием в 50–60-х гг. XX в. обществ «свободных офицеров» в Египте, Ливии и Йемене; свержением в этих странах монархических режимов. Лозунги египетского президента Насера «Свобода, социализм, единство» увлекли и ливийскую молодёжь.

Два события, связанные с Египтом, подготовили почву для революционного переворота в Ливии: Суэцкий кризис 1956 г. и шестидневная война против Израиля летом 1967 г. В обоих случаях короля

Идриса ас-Сенуси обвинили в предательстве интересов арабского мира, так как на территории Ливии находились иностранные военные базы.

В 1959 г. было положено начало нелегальному в стране молодёжному движению, которое следовало идеям партии Арабского Социалистического Возрождения, в арабской транскрипции – БААС. Это движение, которое основывалось на вооружённых методах борьбы, возглавили в Ливии семнадцатилетний М. Каддафи и его сподвижник Мухаммед Халиль.

Отметим, что ливийское общество значительно отличалось от других арабских обществ того времени. В основном оно состояло из бедуинских племён, кочевавших по пустыне, и только небольшая часть населения была экономически активной, но политически неорганизованной.

Королевский режим опирался на силовые структуры, где и родилось оппозиционное движение. Это произошло не случайно. В условиях полной зависимости монархии от Запада, когда в стране отсутствовали собственные сильные политические образования, только в армии могла зародиться сила, выступившая впоследствии против режима.

Организация ОСОЮС – офицеров-юнианистов в Ливии представляла собой узкую группу офицеров-оппозиционеров режиму короля. Каддафи в своей «Истории революции», изданной в 1977 г., пишет, что руководимая им ОСОЮС «являлась узко заговорщицкой организацией, которая ждала момента для военного переворота» [5, с. 191].

Переворот, названный впоследствии революцией аль-Фатех, произошёл 1 сентября 1969 г. и практически бескровно. Наследный принц отказался от всех прав и призвал народ присоединиться к революционному режиму.

Ко времени революции в Ливии назрела необходимость появления новой идеологии, способной не только объединить ливийцев, подобно религиозному сенусизму, который опирался на патриархальное и религиозное сознание некоторых слоёв населения, но не охватывал его в целом. Молодому образованному поколению ливийцев было тесно в рамках сенусизма, поэтому на смену ему пришли идеи арабского единства.

На старте революционных преобразований Каддафи подтвердил изначальную приверженность «свободных офицеров» идеям насеризма и разъяснил свою интерпретацию лозунгов «Свобода, социализм, единство».

«Под свободой мы понимаем такую индивидуальную и национальную независимость, которая исключает нищету, колониализм и присутствие на нашей земле иностранных войск и военных баз. Под единством мы понимаем объединение всех арабских народов либо под руководством одного арабского правительства, либо на основе федерации малых правительств. Под социализмом мы понимаем исламский социализм. Мы следуем догмам Корана, принципам частной собственности и наследства. Национальный капитал не только останется в руках тех, кто им владеет, но будет даже поощряться с целью стимулирования развития страны» [6, с. 1].

Уже 16 октября 1969 г. на митинге в Триполи Каддафи заявил о полной эвакуации иностранных баз, наличие которых являлось главной опасностью для нового режима. А в 1970 г. английская и американская базы покинули страну.

В период с 1969 по 1974 г. в Ливии сформировалась своеобразная «военная хунта», по словам исследователя А.З. Егорина, взявшая на себя многие функции государственного управления.

Эта «хунта» обеспечивала боеспособность армии, поддерживала стабильность в стране и была опорой верхушки во главе с Каддафи, который к 1974 г. смог прийти фактически к единоличной власти.

К этому же временному периоду в Ливии исчерпала себя насеровская модель построения общества, а также панарабизм как идея общеарабского национализма. Каддафи, совершив несколько попыток объединения с другими арабскими странами (Египтом, Сирией, Алжиром), убедился в их тщетности.

Ещё в первые годы революции М. Каддафи занял жёсткую антикоммунистическую позицию. Но и западные модели демократии его не привлекали. Придя к власти, ливийский лидер начал формулировать свой «третий путь» развития, отличный от капитализма и коммунизма, свою концепцию «исламского социализма», используя некоторые идеи сенусизма.

Впоследствии теоретические взгляды М. Каддафи стали называться «третьей мировой теорией» развития, основанной на священных принципах ислама, национализма и «ливийского социализма». Эта модель развития, по мнению самого его создателя, служила «альтернативой капиталистическому материализму и коммунистическому атеизму» [7, p. 5].

В своих воззрениях Каддафи соединил специфику Ливии – ислам как социальную структуру общества и национализм, консолидирующий общество.

После Второй мировой войны в мире вырос авторитет Советского Союза, а идеи социализма овладели умами руководителей многих стран, проникли на Ближний Восток. Однако лидеры арабских государств весьма специфически понимали социализм,

придавая ему характер национализма, направленный на национальное возрождение против засилья колонизаторов. Этого требовала реальная политика.

Лучшее определение этому явлению дал основоположник баасизма Мишель Афляк: «Социализм – это инструмент, приспособленный для наших (арабских. – *Е. Примаков*) национальных условий и потребностей. Он не может рассматриваться в качестве основной философии или свода нормативных актов. Это только ветвь дерева, именуемого национализмом» [8, p. 92, 93].

Начав строить такой арабский социализм по ливийскому образцу, Каддафи стремился обосновать его в своём труде под названием «Зелёная книга». Разрабатывая в ней «третью мировую теорию», М. Каддафи пишет о национализме: «Одной из причин, приводящей к развязыванию войн одной нации против другой, является численное превосходство, могущество, тирания и угнетение» [7, p. 25].

Обратим внимание на слова ливийского лидера о национализме как стремлении к освобождению и равенству. Очевидно, Каддафи имел в виду право разных наций на равные возможности. Если мы рассматриваем народ в основе нации, то, по мнению Н.А. Бердяева, «народы различаются между собой своей культурой, своим творчеством и это несмотря на то, что культура имеет универсальные основы» [9, с. 238].

Делаем отсюда вывод, что равенство нации на уровне культуры невозможно. Все народы, как и отдельные личности, имеют свои собственные задачи, функции и ограниченные возможности в силу своих талантов. Если же мы имеем в виду нацию как социальную общность в рамках определённого государства, то «все национализмы походят друг на друга, всё более обезличиваются и вместе с тем ненавидят друг друга и хотели бы истребить друг друга» [9, с. 238].

Соглашаясь с выводами Н.А. Бердяева, приходим к заключению, что межнациональный мир возможен, но при определённых условиях, а между нациями всегда действует тот же закон, что и между людьми, о котором говорил и сам М. Каддафи – «право сильного».

Каддафи изложил и «свою» трактовку социализма. В это понятие он включил: достижение социальной справедливости, ликвидацию эксплуатации человека человеком, представление одинаковых возможностей для личности в обществе, социальную безопасность и мирную ликвидацию социальных различий.

Социализм (от лат. socialis, т.е. «общественный»), как явствует уже из самого названия, есть политико-экономический порядок, основанный на преобладании общества. Возьмём за основу понимание социализма русским философом Н.А. Бердяевым, который полагал иерархию ценностей социализма отличной от иерархии ценностей национализма.

«Социализм основан на духовном принципе – достоинстве каждого человека, справедливости, не допускающей эксплуатации человека». В социализме «верховной ценностью является сам человек, его право на реализацию полноты его жизненных возможностей. Человек есть ценность более высшая, чем нация и государство» [9, с. 232].

И далее: «Социализм обращён к ценностям самого человека, а не к историческим общностям, обращающим человека в средство. Социализм по своей идее персоналистичен [9, с. 232].

«Речь идёт о том, суббота ли для человека или человек для субботы.

Это христианская идея, что человек выше субботы, и её должен положить в свою основу персоналистический социализм, свободный от всякого идолотворения. Эта вечная истина не допускает превращения общества или коллектива в идола, которому приносятся в жертву живые люди» [9, с. 235].

Ливийский лидер пытался «примирить» ислам с социализмом. Согласиться с рассуждением Каддафи, что между социализмом и исламом нет противоречий, – трудно. Однако здесь есть и нечто общее, что позволяет им на практике близко взаимодействовать. Противоречие внутри социализма заключено в разногласии теории и практики. Социализм провозглашает человека главным звеном, для кого устанавливаются законы. На деле же происходит служение самому закону в лице той же нации или иной общности. В рамках социализма и личность, и государство рассматриваются как нечто подчинённое, призванное выражать лишь волю коллектива.

В жизни мусульманской уммы главное – это коллектив, жизнь общественная. И в этом виде теория социализма вполне соответствовала потребностям исламского общества. Несмотря на то, что понятия «ислам», «социализм» и «национализм», которые мы пытаемся сравнивать, являются разноуровневыми, в них есть и нечто общее, что притягивает их друг к другу. Ислам, национализм и социализм заявляют о строительстве рая на земле во имя человека, хотя и по-разному трактуя сам процесс.

Каддафи рассматривал «исламский социализм» как идеальную систему для преобразования мира, как выход из «человеческой трагедии, которую переживают народы под гнётом капитализма и коммунизма» [7, p. 26].

Английский исследователь Х.Блюшот заметил, что вся новизна теории состоит в «персональной интерпретации основ ислама» ливийским лидером [10, p. 164], а не в решении накопившихся социальных противоречий.

И всё же ливийский лидер, проявив политический прагматизм, выделил в своей «теории» главное, подчинив его нуждам своего народа: в национализме – стимул к объединению, в социализме – социальную справедливость, в религии – мораль.

За период правления полковника при всех теоретических ошибках в социально-политической сфере его режима он смог сплотить свой народ и добиться для него небывалого в истории Ливии благосостояния и национальной независимости. Достижения режима сопровождал и демографический взрыв. За время правления М. Каддафи население Ливии увеличилось в пять раз. При этом полковник на практике доказал, что в условиях традиционно исламского Востока вполне возможно достичь прогресса, используя светскую модель государственного развития, удерживая исламистские силы в стране от их разрушительного наступления.

Литература

1. *Примаков Е.М.* Ближний Восток. М., 2016.
2. *Blunsum T.* Libya: the Country & its People. Bristol, 1968.
3. *Егорин А.З., Миронова Г.В.* Сенуситы в истории Ливии (1843–1969). М., 2006.
4. *Wright J.* Libya: A Modern History. London; Canberra, 1981.
5. *Егорин А.З.* История Ливии XX век. М., 1999.
6. Ар-Раид. 1969. 17 окт.
7. The Fundamentals of the Third International Theory. Tripoly, 1974.
8. Renaissance du Mond Arabe. Gembiex, 1972.
9. *Бердяев Н.А.* О современном национализме // Русские заметки. Ч. 3. Шанхай, 1938.
10. *Bleuchot H.* The Green Book: its context and meaning. L., 1982.

References

1. Primakov E.M. *Blizhnii Vostok* [The Middle East]. Moscow, 2016.
2. Blunsum T. *Libya: the Country & its People.* Bristol, 1968.
3. Egorin A.Z., Mironova G.V. *Senusity v istorii Livii (1843-1969)* [Sinusites in the History of Libya (1843-1969]. Moscow, 2006.
4. Wright J. *Libya*: *A Modern History.* London; Canberra, 1981.
5. Egorin A.Z. *Istoriya Livii XX vek* [Libya the History of the Twentieth Century]. Moscow, 1999.
6. *Ar-Raid*, 1969, 17 Oct.
7. *The Fundamentals of the Third International Theory.* Tripoly, 1974.
8. *Renaissance du Mond Arabe.* Gembiex, 1972.
9. Berdyaev N.A. O sovremennom natsionalizme [About Modern Nationalism]. *Russkie zametki, 3 p.* Shanghai, 1938.
10. Bleuchot H. *The Green Book: its context and meaning.* London, 1982.

Поступила в редакцию ***21 апреля 2016 г.***

УДК 93/94(470.6) DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-65-70

ПОХОДЫ МОНГОЛОВ НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В 20–30-Х ГОДАХ XIII ВЕКА

© 2016 г. Х.-М.А. Сабанчиев

Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра культурологии, этнологии и истории народов КБР,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004.
E-mail: sabanchievkh-m@mail.ru

Sabanchiev Khadzhi-Murat Alekseevich –
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of Cultural Studies, Ethnology
and History of the Peoples of the KBR,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Chernyshevskogo St., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia.
E-mail: sabanchievkh-m@mail.ru

Рассматриваются цели, задачи, география и ход монгольских завоеваний. Синтезированы традиционный и новый подходы в освещении проблемы. Акцентируется внимание на героической борьбе населения против завоевателей. Раскрываются причины успехов монголов на Северном Кавказе. Прослеживаются последствия монгольских нашествий.

Ключевые слова: *Чингисхан, монголы, Джэбэ, Субэтэй, Бату, аланы, кипчаки, черкесы, Северный Кавказ, Дагестан, сопротивление, катастрофа.*

The goals, objectives, geography and the course of the Mongol campaigns are analyzed in the article. The traditional and new approaches to this problem consideration are synthesized. A special attention is paid to the heroic struggle of the population against the invaders. The reasons of Mongols success in the North Caucasus are revealed. The consequences of the Mongol invasions are traced.

Keywords: *Genghis Khan, Mongols, Jebe, Subetei, Batu, Alans, Kipchaks, Circassians, North Caucasus, Dagestan, resistance, disaster.*

На рубеже XII–XIII вв. предводитель одного из монгольских племен Темучин объединил все соседние племена. Доминирующими племенами наряду с монгольскими были и тюркские – кераиты, киргизы, меркиты, найманы и конгираты [1, с. 138]. Весной 1206 г. Темучин собрал великий курултай (большое собрание) тюрко-монгольских племен, которые провозгласили его верховным ханом с титулом чингиз-хаган (правитель вселенной). Как считает Р. Гроссе, под предводительством Чингисхана все тюрко-монгольские племена Степи были консолидированы в единую нацию – монголджин улус [2, с. 165]. Чингисхан внушил объединенному им народу идею всемирного владычества и создания единой империи.

С начала своего правления великий хан приступил к решению организационных задач – созиданию государства, укреплению армии и администрации. Утверждение своей власти он отметил обнародованием на курултае 1206 г. Ясы. Она представляла собой не просто свод древних законов тюрко-монголов, а новую правовую систему, призванную создать нормы права в соответствии с нуждами новой империи. В своих жестких рамках Яса еще теснее сплачивала народы, близкие по образу жизни, языку, традициям [3, с. 265–267]. Параллельно были заложены основы внутренней структуры государства. Несущей конструкцией государства стала созданная Чингисханом система организации военно-административного аппарата. Принципы, положенные в основу военной реформы, позволили Чингисхану создать самую совершенную в тогдашнем мире армию с четкой системой субординации и железной дисциплиной.

Систематические военные действия Чингисхан стал вести с 1212 г. После завоевания Северного Китая, покорения значительной части Передней и Центральной Азии начались походы Чингисхана на запад. В 1221 г. лучшие стратеги в монгольской армии Джэбэ и Субэтэй получили приказ провести разведку боем на Кавказе и в Южной Европе [3, с. 295].

Достигнув Закавказья, монголы захватили Армению, в 1221 г. нанесли сокрушительное поражение войскам грузинского царя Лаши. Победы Джэбэ и Субэтэя над грузинскими войсками привели к подчинению Закавказья [4, с. 133]. Весной 1222 г. монголы через Дарьяльский проход направились к Дербенту, но взять его с ходу не смогли. Дербентское укрепление представляло собой мощную стену, протяженностью 40 км от гор до Каспийского моря. Джэбэ и Субэтэй пошли на хитрость, предложив дербентскому правителю Ширваншаху отправить к ним посольство для заключения мира. Он послал десять почетных старейшин. Одного из них монголы казнили, остальным же сказали: «Если вы укажете нам дорогу, по которой нам пройти, то вам будет пощада, а если не сделаете этого, мы убьем и вас» [5, с. 658]. Оставшиеся в живых девять послов вынуждены были указать обходной путь на север. Монгольская армия, преодолевая сопротивление горцев Дагестана, прошла по восточным предгорьям Кавказа и вышла на равнины Северного Кавказа. «Проходя через Дагестан, монголы с присущей им жестокостью убивали, грабили, уничтожали населенные пункты. Они с лакзами обошлись очень жестоко и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей страны и дошли до алан», – сообщает Ибн ал-Асир [6, с. 148]. Монгольская армия совершила беспримерный конный рейд длиной около 8 тыс. км.

Аланы внимательно следили за движением монголов. Незадолго до их вторжения на Северный Кавказ аланы объединились с лезгинами и черкесами, заключили союз с предкавказскими кипчаками о совместной борьбе с завоевателями. С этой коалицией, вставшей стеной, столкнулась монгольская кавалерия [3, с. 297]. В кровопролитном и жестоком сражении ни одна из сторон так и не сумела победить. Тогда Субэтэй, стремясь внести раздор в коалицию противника, прибег к помощи дипломатии. Интересные сведения об этом сохранил пер-

сидский хронист Рашид ад-Дин: «Когда они [монголы] пришли в область алан, а жители тамошние были многочисленны, то они [аланы] сообща с кипчаками сразились с войсками монголов; никто не остался победителем. Тогда монголы дали знать кипчакам: “Мы и вы – один народ и из одного племени, аланы же нам чужие: мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платьев, сколько душа ваша пожелает, [только] предоставьте их [алан] нам”. Они послали много добра; кипчаки ушли обратно, и монголы одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части убийств и грабежей» [7, с. 220].

Разгромив остальных членов коалиции, монголы затем расправились и с поверившими их заверениям в дружбе кипчаками. Как пишет Рашид ад-Дин, «монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали» [7, с. 225]. Перебив кипчаков монгольские войска совершили рейд по Приазовью, ворвались в Крым и разграбили крупный портовый город Судак. В ходе рейда чувствительные потери понесли адыги [8, с. 178].

Перезимовав в степях Причерноморья, весной 1223 г. монголы выдвинулись в Приднепровье, куда бежала часть кипчаков. Хан приднепровских кипчаков Котян обратился к своему зятю галицкому князю Роману за помощью и добился заключения с русскими политического соглашения. Монгольские послы, пытавшиеся отговорить русских от союза с кипчаками, были казнены. Война стала неминуемой [3, с. 297, 298]. 31 мая 1223 г. монголы нанесли жестокое поражение в битве на реке Калке объединенным русско-половецким войскам. Затем опустошили Дешт-и-Кипчак и дошли до русского пограничья. Часть монгольских войск двинулась на волжских булгар, но в столкновении с ними потерпела неудачу, отошла и соединилась с основной армией. По пути домой через Урало-Каспийский проход в Азию, Джэбэ заболел и умер.

Традиционно считается, что поход Джэбэ и Субэтэя 1222–1223 гг. являлся глубокой разведкой в ходе подготовки кампании по покорению западных стран. В современной историографии отстаивается мнение о том, что это была хорошо спланированная военная операция на обширной территории (Закавказье – Северный Кавказ) с целью установления контроля над стратегически важным регионом [9, с. 6; 4, с. 167].

В 1223 г. состоялся созванный Чингисханом большой курултай, куда прибыл и возвратившийся из похода Субэтэй. Чингисхан был так заинтересован его докладом о совершенном набеге, что выслушивал полководца часами, решив тогда же завещать своим наследникам задачу покорения Европы [10, с. 122].

В августе 1227 г. во время похода на Тангутское государство Си-Ся Чингисхан скончался. Оставленное им громадное государство еще в последние годы его жизни было разделено на четыре удела по числу сыновей от главной жены Борте. Также было предопределено, что завоеванные в Европе земли отойдут к уделу Джучи на западе Монгольского государства. За смертью последнего этим уделом владел его сын Бату.

Два года после смерти Чингисхана прошли в положенном трауре. По прошествии этого срока на созванном в 1229 г. курултае Угедей был провозглашен великим ханом. На этом же курултае произошло формальное утверждение правителем Улуса Джучи Бату и подтверждения его прав на еще не завоеванные земли на западе Европы [11, с. 63–65].

Согласно прежнему указу Чингисхана, Бату приступил к завоеванию Заволжья и Нижнего Поволжья. В ходе этой кампании в степях Прикаспия началась война между монгольским отрядом Субэтэя и кипчаками, которая продолжалась несколько лет. Упорное сопротивление монголам оказали аланы, адыги и другие северокавказские племена. Однако силы были неравными и завоеватели одержали верх. На исход борьбы оказала влияние разобщенность северокавказских народов. Монгольские завоевания сопровождались уничтожением десятков тысяч мирных жителей, грабежами, разрушениями городов и сел. Ввергая народы в ужас, монголы создавали иллюзию своей непобедимости: чем больше их боялись, тем меньше им сопротивлялись.

В 1235 г. на очередном курултае в столице Монголии Каракоруме принимается решение организовать общемонгольский поход на Запад, чтобы, как писал Джувейни, «завладеть странами Булгара, алан-асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» [12, с. 85].

Как видно, курултай чингизидов основными силами на пути монгольской экспансии считал булгар, алан и русов. Именно эти народы Восточной Европы оказали войскам Джэбэ и Субэтэя наибольшее сопротивление в начале 20-х гг. XIII в.

Западные земли рассматривались как территория расширения улуса Джучи, поэтому его сын Бату был облечен званием главнокомандующего. В помощь ему был дан Субэтэй, как уже побывавший в Восточной Европе, а потому хорошо знакомый с

местными условиями. В походе, готовившемся в течение двух лет, приняли участие все лучшие монгольские полководцы. Выполняя указ Угедея, все улусы Монгольской империи направили войска на помощь Бату. 14 царевичей-чингизидов участвовали в походе лично. Общая численность армии составляла примерно 120–150 тыс. человек. Исследователями она складывается из 50 тыс. монгольского войска и 70–100 тыс. воинов из союзных и покоренных народов [13, с. 182–183].

Монгольская экспансия на Европу началась ранней весной 1236 г. с верховьев Иртыша и с Западного Алтая. Пройдя через Урало-Каспийские ворота, армия Бату в июне была уже на Волге. Осенью монгольские войска переправились через Волгу и взяли города Булгар и Биляр – самые укрепленные и сильные города Волжской Булгарии. После победы над булгарами монголы напали на кипчаков в низовьях Волги. Затем прошли вдоль побережья Каспия и вышли в степные просторы Северного Кавказа. Здесь первыми жертвами монголов стали аланы и проживавшие в прикаспийских степях кипчаки. На их покорение были брошены большие силы под командованием Мункэ. Аланы и кипчаки были разгромлены, а их предводители погибли в бою [14, с. 32].

Осенью 1237 г. тумены Мунке и Кадана были направлены на завоевание Северо-Западного Кавказа. В течение нескольких месяцев шли упорные боевые действия, в ходе которых монголы нанесли поражение черкесам и убили их «государя по имени Тукара» [12, с. 37]. Затем монгольские войска через Тамань переправились в Крым.

Одной из задач, вставшей перед Бату после успешного похода на Северо-Западный Кавказ, стало окончательное покорение Алании. Весной 1238 г. монголы вторглись в Центральное Предкавказье. Целью похода был захват степной и предгорной зон Алании, ее столицы, перевальных путей в Закавказье. Операция длилась почти год. Аланы оказали захватчикам ожесточенное сопротивление. После полуторамесячной осады монголы с применением стенобитных машин штурмом взяли столицу Алании Магас и разорили значительные территории [14, с. 32].

К началу 1239 г. непокоренным оставался Дагестан. Весной хан Бату отправил войска на завоевание страны гор. В том же году был взят Дербент и монголы перешли к планомерному завоеванию Дагестана. С этой целью они с двух сторон отправили отряды во внутреннюю часть Дагестана. Один отряд двинулся через территорию лезгин, табасаран и агулов. Здесь существовали перевальные дороги, связывающие Южный Дагестан с землями лакцев, даргинцев, аварцев. Второй отряд, опустошив побережья Каспия, вторгся в другие районы Дагестана, беспощадно истребляя население за оказанное им сопротивление. Столица небольшого агульского феодального владения с. Рича противодействовала монгольскому войску в течение почти месяца [15, с. 35, 36]. Падение Ричи открыло монголам дорогу во владение Казикумух. Монголы сумели договориться с аварскими феодалами. Правители Аварии вступили в союз с монголами и использовали мощь их военной силы в борьбе со своим политическим противником шамхалом Казикумухским. В начале апреля 1240 г. монголы штурмом взяли с. Кумух, а само селение разрушили [16, с. 228].

Летом 1240 г. монголы сумели в основном завершить покорение Северного Кавказа. Плано Карпини отмечал, что в числе земель и народов, которые побеждены монголами, были «комуки, аланы, тарки и чиркасы» [17, с. 281]. Больше всего от нашествия монголов пострадало население равниной части края. Чтобы спастись от врага люди переселялись в горные труднодоступные места, другие территории. Значительные контингенты алан во второй половине XIII – первой половине XIV в. появились в Молдавии, на Балканах и в Венгрии [18, с. 43–44]. Часть дагестанцев нашла убежище в Азербайджане.

Однако нашествие 1236–1240 гг. не привело к повсеместному подчинению населения Северного Кавказа. Не сумев остановить монголов, население перешло к тактике внезапных налетов и набегов на отдельные монгольские отряды. Посол французского короля в Монголии Гильом де Рубрук, описывая положение дел на Северном Кавказе (1253–1256 гг.), отмечал, что черкесы, аланы и дагестанцы продолжали вести борьбу против монголо-татар [19, с. 88–89, 95]. Видимо, мятежом какой-то части алан был вызван поход хана Менгу-Тимура на асский город Дедяков, который был захвачен, разорен и сожжен в феврале 1278 г. После падения Дедякова организованное сопротивление прекратилось. Только при Узбек-хане в 1327 г. произошло крупное выступление черкесов, во время которого был убит предводитель ордынского войска Хасан [12, с. 92]. Всякое маломальски широкое выступление монголы жестоко подавляли, сопротивлявшиеся истреблялись, монгольская власть на местах укреплялась.

Успехи монгольских завоевателей на Северном Кавказе объясняются несколькими причинами. Прежде всего внезапностью их вторжения и такти-

кой сражений, применяемой монгольскими полководцами. По боевой выучке и стойкости ополченцы заметно уступали монгольским всадникам. Немаловажную роль сыграла также этническая пестрота Северного Кавказа. Разобщенность племен и народов, его населяющих, делала невозможным организацию совместного сопротивления. Оно было часто героическим, но разрозненным. Для достижения своих целей монголы пользовались также феодальной раздробленностью, феодальными и межнациональными противоречиями в регионе. Даже в этот трагический период истории местные правители так и не сумели объединиться и продолжали враждовать друг с другом.

Последствия монгольских нашествий для народов Северного Кавказа были катастрофическими. В ходе боевых действий политические образования края были разгромлены монголами, прекратили свое существование раннефеодальные государства алан, кипчаков и народов Дагестана. В общественном строе автохтонных народов наиболее характерными стали инволюционные процессы. Аланы, кипчаки, адыги и народы Дагестана, попавшие под власть хана Бату, были включены в монгольскую военно-административную систему и пополняли войска чингизидов. Нашествия сопровождались массовым истреблением мирного населения. Города и селения были превращены в руины, уничтожались памятники многовековых культур. Пришли в упадок сельское хозяйство и ремесленное производство. Монгольское нашествие в корне изменило этническую карту Северного Кавказа и существенно отразилось на процессе этногенеза многих народов региона. Народы Северного Кавказа превратились в данников золотоордынских ханов. Наступил новый период в истории края.

Литература

1. *Гасанов З.* Царские скифы. Этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. Нью-Йорк, 2002.

2. *Grousset R.* Empire of the Steppes: A History of Central Asia. New Brunswick; New Jersey, 1997.

3. *Рахманалиев Р.* Империя тюрков. История великой цивилизации. М., 2015.

4. История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. 3. Казань, 2009.

5. *Ильминский П.М.* Записка из Ибн ал-Асира о первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны с 1220 по 1224 годы // Учен. записки АН СССР. 1954. Т. 2, вып. 4.

6. *Ибн ал-Асир*. Тарих ал-Камиль (Всеобщая история) / пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940.

7. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.; Л., 1952.

8. *Кагазежев Ж.В.* Борьба черкесов за независимость в период монгольских нашествий // Изв. Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2010. № 3.

9. *Хизриев Х.А.* Из истории освободительной борьбы народов Северного Кавказа против татаро-монгольских завоевателей // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный, 1979.

10. *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста, 1991.

11. *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006.

12. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2.

13. *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М., 2004.

14. *Гутнов Ф.Х.* Монгольские походы на Северный Кавказ // Кавказский сборник. М., 2010. Т. 6 (38).

15. *Ибрагимов И.Г.* Борьба агулов с татаро-монгольскими завоевателями в первой половине XIII века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2011. № 3.

16. История Дагестана с древнейших времен до наших дней : в 2 т. М., 2005. Т. 1.

17. *Плано Карпини Д.* История монгалов, именуемых нами татарами // История монгалов. М., 2005.

18. *Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

19. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в Восточные страны / ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М., 1957.

References

1. Gasanov Z. *Tsarskie skify. Etnoyazykovaya identifikatsiya «tsarskikh skifov» i drevnikh oguzov* [Royal Scythians. Ethno-linguistic Identity “Royal Scythians” and the Ancient Oguz]. New York, 2002.

2. Grousset R. *Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick; New Jersey, 1997.

3. Rakhmanaliev R. *Imperiya tyurkov. Istoriya velikoi tsivilizatsii* [Empire of the Turks. The History of a Great Civilization]. Moscow, 2015.

4. *Istoriya tatar s drevneishikh vremen* [History of Tatars from Ancient Times]. Vol. 3. Kazan, 2009.

5. Il'minskii P.M. Zapiska iz Ibn al-Asira o pervom nashestvii tatar na Kavkazskie i Chernomorskie strany s 1220 po 1224 gody [Note from Ibn al-Athir's First Invasion of the Tatars to Caucasian and the Black Sea Countries from 1220 to 1224]. *Uchen. zapiski AN SSSR*, 1954, vol. 2, no 4.

6. Ibn al-Asir. *Tarikh al-Kamil' (Vseobshchaya istoriya)* [Tarikh al-Kamil (World History)]. Tr. from Arabian by P.K. Zhuze. Baku, 1940.

7. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei* [Collection of Chronicles]. Vol. 1, b. 2. Moscow; Leningrad, 1952.

8. Kagazezhev Zh.V. Bor'ba cherkesov za nezavisimost' v period mongol'skikh nashestvii [Circassians Struggle for Independence during the Mongol Invasions]. *Izv. Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2010, no 3.

9. Khizriev Kh.A. [From the History of the Liberation Struggle of the Peoples of the North Caucasus against the Mongol Conquerors]. *Sotsial'nye otnosheniya i klassovaya bor'ba v Checheno-Ingushetii v dorevolyutsionnyi period* [Social Relations and the Class Struggle in the Chechen-Ingush Republic in the Pre-revolutionary Period]. Grozny, 1979.

10. Khara-Davan E. *Chingis-khan kak polkovodets i ego nasledie* [Genghis Khan as the Commander and his Legacy]. Elista, 1991.

11. Pochekaev R.Yu. *Batyi. Khan, kotoryi ne byl khanom* [Baty. Khan, who was not a Khan]. Moscow, 2006.

12. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy* [The Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde]. Moscow; Leningrad, 1941, vol. 2.

13. Khrapachevskii R.P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [Military Power of Genghis Khan]. Moscow, 2004.

14. Gutnov F.Kh. *Mongol'skie pokhody na Severnyi Kavkaz* [Mongolian Campaigns to the North Caucasus]. *Kavkazskii sbornik*. Moscow, 2010, vol. 6 (38).

15. Ibragimov I.G. Bor'ba agulov s tataro-mongol'skimi zavoevatelyami v pervoi polovine XIII veka [Aguls Struggle with the Tatar-Mongol Invaders in the First Half of the XIII Century]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*, 2011, no 3.

16. *Istoriya Dagestana s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Dagestan from Ancient Times to the Present Days]. Moscow, 2005, vol. 1.

17. Plano Karpini D. [History of Mongals, called Tatars by us]. *Istoriya mongalov* [History of Mongals]. Moscow, 2005.

18. Kuznetsov V.A. *Alaniya v X–XIII vv*. [Alania in the X-XIII Centuries]. Ordzhonikidze, 1971.

19. Gil'om de Rubruk. *Puteshestvie v Vostochnye strany* [Journey to the Eastern Countries]. Ed., introduction of N.P. Shastina. Moscow, 1957.

Поступила в редакцию ***14 марта 2016 г.***

УДК 651.5 + 06 DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-70-76

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ И АРХИВНОГО ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ РОССИЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

© 2016 г. Л.Ю. Сербинович, В.А. Абраменко

Сербинович Людмила Юрьевна –
кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории организации и управления персоналом,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2, г. Ростов-на-Дону, 344038.
E-mail: Ludmila.slu@yandex.ru

Serbinovich Lyudmila Yurievna –
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Theory of Organization and the Human Resource Management,
Rostov State Transport University,
Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya Sq., 2, Rostov-on-Don, 344038, Russia.
E-mail: Ludmila.slu@yandex.ru

Абраменко Владимир Александрович –
кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории организации и управления персоналом,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2, г. Ростов-на-Дону, 344038.
E-mail: abramenko200809@yandex.ru

Abramenko Vladimir Aleksandrovich –
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Theory of Organization and the Human Resource Management,
Rostov State Transport University,
Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya Sq., 2, Rostov-on-Don, 344038, Russia.
E-mail: abramenko200809@yandex.ru

Анализируются вопросы изучения истории развития документационного обеспечения управления и архивного хранения документов общественных объединений в России в XIX – XX вв. Подчеркивается недостаточное внимание исследователей к документальной базе работ, посвященных указанной проблеме. Рассматриваются организационные формы, нормативно-правовая база работы и правила хранения документов отечественных общественных объединений в центральных и региональных архивах. Даются классификация документов общественных объединений и их характеристика. Используется широкая источниковая база.

Ключевые слова: *общественные объединения, документальная база, архивное хранение документов, дореволюционный и советский период.*

This article is devoted to studying the history of development of document management and archiving of documents of public associations in Russia in XIX - XX centuries. The authors underline researching problem of analysis documentary base of the works devoted to this problem. In the article the organizational forms, standard-legal base of work and the regulations of documents storage of domestic public associations in the central and regional archives are considered. The classification of public associations' documents and their characteristic is given. The findings are based on wide resource base. The article is addressed to all interested in the history of political thought of Russia.

Keywords: *public associations, documentary base, archiving of documents, pre-revolutionary and Soviet period.*

Жизнь любой организации вне зависимости от ее организационно-правовой формы, цели и видов деятельности отображается в документах. Документационное обеспечение управления (ДОУ) является основой управления любого предприятия, организации или госучреждения. Внимание исследователей вопросов ДОУ и архивоведения сосредоточено преимущественно на деятельности коммерческих организаций, поскольку от эффективности работы с документами во многом зависит успех деятельности всего предприятия. Организация работы с документами общественных объединений (ОО) изучена в меньшей степени. Существуют лишь локальные исследования в данной области. Основное внимание уделяется общей характеристике и содержанию работы ОО. При этом наиболее информативным и объективным источником являются массовые материалы, касающиеся текущей работы организаций. Используя их в качестве базы для исследования, авторы оставляют без внимания общую характеристику документальных источников по конкретным ОО.

Актуальность данной темы исследования заключается в отсутствии систематизированных данных о ДОУ современных российских ОО. Каждое ОО вне зависимости от его организационно-правовой формы за время своего существования создает разносторонние документы, отражающие его деятельность. Сюда входят организационно-правовые, распорядительные, справочно-информационные, отчетные и другие группы документов. Изучение документации ОО крайне важно для лучшего понимания различных аспектов их деятельности, поскольку ОО являются неотъемлемой частью правового государства.

Что отличает ОО от коммерческих организаций? Прежде всего цель их деятельности – не извлечение прибыли, а достижение неких общественно полезных целей. Так, профессиональный союз создается для защиты социально-трудовых прав и интересов работников, благотворительный фонд – для оказания помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, болезней, социально-политических конфликтов или террористических актов, политическая партия – для выражения и защиты социально-политических взглядов определенной части населения страны в органах государственной власти и местного самоуправления. Современные ОО во многом являются наследниками ОО, существовавших в начале XX в.

Обратимся к истории ОО. Формирование их и развитие – это часть социально-политической истории страны. Современные российские ОО многообразны по своей форме, структуре, целям и методам деятельности. В России они впервые активно заявили о себе во второй половине XIX – начале XX в., однако это были преимущественно оппозиционные правительству антимонархические организации либо первые профессиональные союзы. В то же время существовали различные благотворительные организации и учреждения.

Политические организации в России активно заявляли о себе уже в середине XIX в., но политическими партиями в привычном понимании они не являлись. Одной из первых политических организаций в России, которую по характеру и содержанию деятельности можно отнести к политическим партиям, принято считать созданную в 1879 г. «Народную волю». В 1894 г. был основан Союз русских социалистов-революционеров (эсеры), в 1898 г. – Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). В последующие годы процесс образования партий приобрел поистине массовый характер. Уже в начале XX в. в России действовало более 100 политических партий, из них около 50 – общероссийские, остальные – национальные. Это был первый заметный шаг российских политических партий в «большую политику», закончившийся с роспуском 26 января 1917 г. Государственной Думы. Можно сказать, партии в лице своих представителей в Думе на раннем этапе истории российского парламентаризма сыграли заметную роль в становлении будущего гражданского общества. Приход к власти большевиков привел к скорейшему устранению с политической арены всех политических оппонентов и установлению однопартийной системы, просуществовавшей до конца 80-х гг. XX в.

Что касается российских профсоюзов, они активизировались на рубеже XIX–XX вв., несмотря на гонения со стороны властей и противостояние работодателей. Возникшие в начале XX в. профсоюзы железнодорожников, работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства, прошли через запреты, гонения, возрождение, многочисленные слияния и разукрупнения. Они оказали значительное влияние на социально-политическое развитие страны на каждом этапе истории.

В советский период ОО получили законный статус, однако их деятельность всесторонне регламентировалась государством. Качественно новый период в деятельности ОО начался после перестройки и распада Советского Союза. В конце 80 – начале 90-х гг. XX в. шел стихийный и практически неконтролируемый со стороны властей процесс создания разнонаправленных общественных движений и организаций, а законодательное регулирование в этой области находилось только на начальной стадии и полностью сформировалось лишь к концу 90-х гг. XX в.

Важным шагом в правовом регулировании деятельности ОО стало принятие Федерального закона «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ [1], согласно которому:

– *общественной организацией* является основанное на членстве ОО, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан. Например, профессиональные союзы, такие общественные организации, как Всероссийское общество инвалидов, Союз журналистов и др.;

– *общественное движение* – это не имеющее членства массовое ОО, преследующее социальные, политические и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками данного движения. Например, экологическое движение «Гринпис», молодежные движения «Наши», «Молодая гвардия» и др.;

– *общественный фонд* – это не имеющее членства ОО, цель которого заключается в формировании имущества на основе добровольных взносов и иных не запрещенных законом поступлений, и использовании данного имущества на общественно полезные цели. Например, Детский фонд, различные реабилитационные фонды, а также фонды, деятельность которых направлена на помощь жертвам эпидемий, тяжелых заболеваний, жертвам терактов, стихийных бедствий, военных конфликтов и т.п.;

– *общественное учреждение* – это не имеющее членства ОО, ставящее своей целью оказание конкретного вида услуг, отвечающих интересам участников и соответствующих уставным целям данного объединения. Примерами являются общественная библиотека, общественный театр, спортивная школа и др.;

– *орган общественной самодеятельности* – это не имеющее членства ОО, целью которого является совместное решение различных социальных проблем, возникающих у граждан по месту жительства, работы или учебы. Например, студенческий совет в общежитии учебного заведения;

– *политическая партия* – это ОО, созданное в целях участия граждан РФ в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Российские политические партии создаются и осуществляют свою деятельность согласно Федеральному закону «О политических партиях» от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ.

Некоторые организационно-правовые формы ОО по целям и значению деятельности столь специфичны, что нуждаются в специальном законодательстве. Отдельными Федеральными законами регулируется деятельность российских политических партий, профессиональных союзов, религиозных организаций, благотворительных фондов.

В Российской Федерации создаются и действуют международные, общероссийские, межрегиональные, региональные и местные ОО. Структура ОО весьма разнообразна. Они подразделяются на политические и неполитические, молодежные и детские, профессиональные союзы, физкультурно-спортивные, творческие, научно-технические, культурно-досуговые объединения, союзы инвалидов войны и труда, ветеранов, всевозможные благотворительные организации и фонды и др.

Все аспекты деятельности ОО так или иначе отражаются в различных документах. О документации ОО конца XIX – последней четверти XX в. можно судить по архивным материалам, дошедшим до наших дней. Эти документы расположены как в центральных, так и в региональных архивах Российской Федерации и государств бывшего Советского Союза.

Среди архивов, фонды которых содержат материал по истории ОО в России дореволюционного периода, следует упомянуть Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). В нем сосредоточены фонды и коллекции документов революционного движения в России и КПСС, которые содержат материалы за период с начала XIX до конца XX в. Среди отдельных фондов следует отметить фонд 334 «Коллекция документов политических партий, организаций и групп в

России (1880–1917)»; фонд 336 «Группа «Освобождение труда» (1883–1903); фонд 167 «Коллекция документов по истории польского социалистического движения (1887–1923); фонд 335 «Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (1895–1902); фонд 17 «Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991)»; фонд 342 «Заграничная лига Русской революционной социал-демократии (1901–1905)»; фонд 274 «Центральный комитет партии социалистов-революционеров (эсэров) (1901–1923)» [2]. В указанных фондах представлены уставные документы, материалы партийных съездов, сведения об участниках обществ, материалы партийных печатных изданий, личные фонды видных общественных деятелей. Выделены фонды и коллекции документов международного рабочего, социалистического и коммунистического движений (1889–1990 гг.), которые включают фонд 340 «Международное социалистическое движение (II Интернационал) (1889–1919)»; фонд 495 «Социалистическая партия Румынии (СПР) (1910–1921)»; фонд 480 «Международные социалистические объединения» (1919–1941)» [3].

Значительный интерес для исследователей развития ОО в России представляют фонды Государственного архива Российской Федерации, в которых сосредоточены документы политических партий и общественных организаций. Эти материалы подразделяются на документы политических партий, общественных организаций, русских эмигрантских организаций. Первая группа включает фонд 1178 «Группа центра Государственного совета. 1906–1917», содержащий программные документы, устав группы центра, протоколы и резолюции съездов и собраний, списки членов группы центра, сведения о работе бюро Группы центра и комиссий по вопросам: аграрному, военной повинности, Донского казачьего войска, местного самоуправления, народного образования, печати, пошлин, борьбы с пьянством, а также сведения о деятельности судебной, табачной и финансовой комиссий Группы центра; фонд 1722 «Прогрессивно-экономическая партия. Конституционно-монархическая организация. 1905–1906», содержащий Устав, протоколы совещаний, политическую программу выборов в Государственную думу, списки членов партии; фонд 1766 «Священная дружина. 1881–1883», а также фонды политических партий России, не оказавших серьезного влияния на развитие общественно-политической мысли России [4]. Среди фондов общественных объединений следует выделить фонд 434 «Постоянный совет объединенных дворянских обществ. 1906–1917», который включает материалы объединенных дворянских обществ: журналы заседаний съезда предводителей дворянства, журналы подготовительной комиссии по организации съезда уполномоченных дворянских обществ (1906 г.), переписку губернских предводителей дворянства о подготовке к проведению Всероссийского съезда дворянства, списки депутатов I Всероссийского съезда, проекты Устава съездов и Постоянного Совета, своды постановлений, переписку губернских предводителей дворянства с Постоянным Советом о созыве съездов и по другим вопросам; доклады и стенограммы выступлений предводителей дворянства на съездах, материалы по личному составу Постоянного Совета и др.; фонд 518 «Союз союзов. 1905–1906», содержащий документы политической организации интеллигенции, объединявший союзы врачей, адвокатов, инженеров, учителей, выступавших за буржуазно-либеральное преобразование России; фонд 516 «Союз равноправия женщин. 1905–1917», а также фонды иных ОО общероссийского значения. Документация русских эмигрантских организаций представлена в фондах Р-6975 «Общество имени Герцена в Риме. 1915»; фонд Р-6317 «Книгоиздательство при агентстве Дальневосточного союза партии социалистов-революционеров. Нагасаки. 1906–1910», включающий документы относительно издательства газеты «Воля» – органа партии социалистов-революционеров, а также документы других русских эмигрантских ОО, деятельность которых протекала до Октябрьской революции 1917 г. [5].

Республиканские и региональные архивы в своих собраниях имеют значительные собрания документов национальных и региональных ОО. Так, например, Г.Н. Ершова на примере конкретного республиканского архива провела обобщение предшествующих исследований по анализу содержания и научной ценности материалов из фондов, касающихся работы ОО республики Татарстан [6].

Исчерпывающую информацию о документах по истории ОО Беларуси позволяет получить Путеводитель по фондам Государственного архива общественных объединений Гомельской области [7]. Изучение изменения документального фонда этого архивного учреждения позволяет охарактеризовать изменения в организационной структуре советских партийных и общественных организаций, которые непосредственно зависели от внутриполитической ситуации в СССР. Аналогичный путь в своем развитии прошли и другие центральные и региональные архивные учреждения в XX в.

В Советском Союзе деятельность ОО различных организационных форм фиксировалась преимущественно в организационно-правовых документах. О ней мы также можем судить по значительному объему массовых источников, включающих в первую очередь документы ВКП(б) и КПСС (например, в Российском государственном архиве новейшей истории имеются следующие собрания документов: фонд 1 «XX–XXVII Съезды Коммунистической партии Советского Союза (1956–1986 гг.)»; фонд 2 «Пленумы Центрального комитета ВКП(б) – КПСС (1941, 1944, 1946–1947, 1952–1990 гг.)»; фонд 6 «Комитет партийного контроля при ЦК КПСС (1934–1990 гг.)» [8].

Среди фондов РГАСПИ можно выделить фонд 6М «Всероссийские и всесоюзные съезды комсомола (1918–1991)» [9]; фонд 661 «Демократическая партия России (ДПР) (с 1990)»; фонд 41М «Российский союз молодежи (РСМ) (с 1991)»; фонд 67М «Российская ассоциация профсоюзных организаций студентов ВУЗов (РАПОС) (с 1992)» и др. [10].

В современной России процесс создания, регистрации и осуществления деятельности ОО, а также организации архивного хранения документов различных организационно-правовых форм ОО осуществляется в соответствии с федеральным законодательством, подзаконными актами, нормативными актами в области делопроизводства и архивного хранения документов, организационно-правовой документацией самих ОО.

Таким образом, деятельность современных ОО в комплексе отражают организационно-правовые, распорядительные, справочно-информационные, отчетно-статистические, бухгалтерские и профильные документы. Рассмотрим подробнее каждую группу документов.

Организационно-правовая документация ОО. Существуют единые правила создания и регистрации ОО в Российской Федерации. Основным организационно-правовым документом ОО независимо от его организационно-правовой формы является устав. Помимо него предусматриваются и другие организационно-правовые документы, например, программа для политической партии или положение о первичной профсоюзной организации для профессионального союза. Внутренними нормативно-правовыми документами ОО являются положения о структурных подразделениях, коллегиальных и совещательных органах, контрольно-ревизионных органах, временных органах, регламенты, должностные инструкции и пр.

Распорядительные документы ОО. Как и любое юридическое лицо, ОО могут осуществлять свою деятельность только в соответствии с распорядительными документами – различными приказами, распоряжениями, указаниями и пр. Приказы по основной деятельности отражают наиболее важные вопросы развития ОО, показывают его внешние связи и внутреннюю деятельность. По форме изложения и расположению реквизитов Приказ, Распоряжение либо Указание ОО мало отличаются от аналогичных по назначению документов коммерческих организаций. Правила оформления данной группы документов осуществляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 6.30-2003 «Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов» и нормативно-методическими документами по делопроизводству самого ОО.

Справочно-информационные документы ОО. К данной группе относятся документы, содержащие вспомогательную информацию, важную для деятельности ОО либо необходимую для принятия управленческих решений. Данную группу можно разделить на три подгруппы: 1) входящие документы (деловые письма, обращения граждан, жалобы и пр.); 2) исходящие документы (деловые письма, отчеты, акты и пр.); 3) внутренние (протоколы различных собраний, заседаний, съездов (для политических партий), профсоюзных конференций, собраний учредителей, попечительского Совета общественного фонда и пр.).

Отчетно-статистические документы включают финансовые отчеты ОО, например, ежегодный сводный финансовый отчет политической партии, размещаемый каждой политической партией на сайте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; отчеты для Росстата, налоговую отчетность и пр.

Бухгалтерские документы присутствуют в любом ОО. В данную группу входят различные накладные ведомости, учетные документы, счета-фактуры и пр.

Профильные документы различных организационно-правовых форм ОО. Практически для каждой организационно-правовой формы ОО существует специальный комплекс документации, показывающий специфику его деятельности. Например, для политической партии это комплекс документации по выборам в органы государственной власти и местного самоуправления (нормативные акты, регламентирующие правила избрания кандидатов в депутаты в различные органы власти, формы подписных листов, различные акты, постановления и пр.). Для

профессиональных союзов важнейшим документом является Коллективный договор, заключаемый между профсоюзом и работодателем, что помогает наладить партнерские отношения работодателя с профсоюзом.

Крайне важным для понимания ДОУ ОО является анализ организации архивного хранения документов. Нормативно-методические требования ко времени и условиям хранения документов ОО по сути не отличаются от требований, предъявляемых к хранению документации коммерческих организаций и определяются Федеральным законом «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 № 125-ФЗ и рядом подзаконных актов. Для каждой формы ОО определен свой перечень документов, подлежащих архивному хранению. Время хранения документов определяется в соответствии с номенклатурой дел.

Таким образом, ДОУ российских ОО в зависимости от их организационно-правовой формы имеет свою специфику. Рациональная организация работы с документами способствует повышению эффективности деятельности ОО в достижении общественно-полезных целей, а грамотная организация архивного хранения документов позволит передать современникам и сохранить для потомков важнейшую информацию об их деятельности.

Литература

1. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ. URL: http://base. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=193154 (дата обращения: 24.02.2016).

2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонды и коллекции документов революционного движения в России и КПСС (конец XIX–XX вв.). URL: http:// guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=146&sid=160039 (дата обращения: 24.02.2016).

3. РГАСПИ. Фонды и коллекции документов международного рабочего, социалистического и коммунистического движений (1889–1990 гг.). URL: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=146&sid=160042 (дата обращения: 24.02.2016).

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Политические партии и общественные объединения. Политические партии. URL: http:// guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=201&sid=680373 (дата обращения: 24.02.2016).

5. ГАРФ. Политические партии и общественные объединения. Общественные организации. URL: http:// guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=201&sid=680374 (дата обращения: 24.02.2016).

6. *Ершова Г.Н.* Архивные документы – источник по истории общественных объединений Татарстана в постсоветский период: на примере ЦА ИПД РТ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22), ч. II. С. 63–66.

7. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Путеводитель. URL: http:// archives.gov.by/index.php/images/lich/images/vov/index.php?id=933643 (дата обращения: 24.02.2016).

8. Российский государственный архив новейшей истории. Документы Коммунистической партии Советского Союза. URL: http:// guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=208&sid=721071#refid721070 (дата обращения: 24.02.2016).

9. РГАСПИ. Фонды и коллекции документов комсомола и других молодежных организаций СССР. URL: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=146&sid=160040 (дата обращения: 24.02.2016).

10. РГАСПИ. Фонды и коллекции документов политических партий, организаций, общественных движений и государственных учреждений России (конец XX – начало XXI в.). URL: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=146&sid=160041 (дата обращения: 24.02.2016).

References

1. *Federal'nyi zakon «Ob obshchestvennykh ob"edineniyakh» ot 19.05.1995 g. № 82-FZ* [The Federal Law “About Public Associations”]. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=193154 (accessed 24.02.2016).

2. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). Fondy i kollektsii dokumentov revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii i KPSS (konets XIX–XX vv.)* [Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH). Funds and Collections of Documents of Revolutionary Movement in Russia and CPSU (the end of 19 - 20 Centuries]. Available at: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=146&sid=160039 (accessed 24.02.2016).

3. *RGASPI. Fondy i kollektsii dokumentov mezhdunarodnogo rabochego, sotsialisticheskogo i kommunisticheskogo dvizhenii (1889–1990 gg.)* [RSASPH. Funds and Collections of Documents of the International Working, Socialist and Communistic Movements (1889 - 1990)]. Available at: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=146&sid=160042 (accessed 24.02.2016).

4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). Politicheskie partii i obshchestvennye ob"edineniya. Politicheskie partii* [State Archives of the Russian Federation

(SARF). Political Parties and Public Associations. Political Parties]. Available at: http://guides.rusarchives.ru/browse/ guidebook.html?bid=201&sid=680373 (accessed 24.02.2016).

5. *GARF. Politicheskie partii i obshchestvennye ob"edineniya. Obshchestvennye organizatsii* [SARF. Political Parties and Public Associations. Public Organizations]. Available at: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=201&sid=680374 (accessed 24.02.2016).

6. Ershova G.N. Arkhivnye dokumenty – istochnik po istorii obshchestvennykh ob"edinenii Tatarstana v postsovetskii period: na primere TsA IPD RT [Archival Documents - Source for the History of Public Associations of Tatarstan in the Post-Soviet period: on an Example of the Central Asian Republic of Tajikistan IPD]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no 8 (22), part II, pp. 63-66.

7. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvennykh ob"edinenii Gomel'skoi oblasti. Putevoditel'* [State Archives of Public Organizations of Gomel Region. The Guidebook]. Available at: http://archives.gov.by/index.php/images/lich/images/vov/index.php?id=933643 (accessed 24.02.2016).

8. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii. Dokumenty Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza* [Russian State Archive of Contemporary History. Documents of Communist Party of Soviet Union]. Available at: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=208&sid=721071#refid721070 (accessed 24.02.2016).

9. *RGASPI. Fondy i kollektsii dokumentov komsomola i drugikh molodezhnykh organizatsii SSSR* [RSASPH. Funds and Collections of Documents of Komsomol and other Youth Organizations of the USSR]. Available at: URL: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid= 146&sid = 160040 (accessed 24.02.2016).

10. *RGASPI. Fondy i kollektsii dokumentov politicheskikh partii, organizatsii, obshchestvennykh dvizhenii i gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossii (konets XX – nachalo XXI v.)* [RSASPH. Funds and Collections of Documents of Political Parties, the Organizations, Social Movements and Official Bodies of Russia (the End XX - the Beginning of XXI Century)]. Available at: http://guides.rusarchives.ru/browse/ guidebook.html?bid=146&sid=160041 (accessed 24.02.2016).

Поступила в редакцию ***25 февраля 2016 г.***

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 330.1 DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-77-82

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАННОГО РАЗВИТИЯ СФЕРЫ КОММЕРЧЕСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ И ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

© 2016 г. Р.В. Косарев

Косарев Роман Валерьевич –
аспирант, кафедра теории и технологий в менеджменте,
Южный федеральный университет,
пер. Соборный 26, г. Ростов-на-Дону, 344007.
E-mail: rdr2008@yandex.ru

Kosarev Roman Valerievich –
Postgraduate Student,
Department of Theory and Technologies in Management,
Southern Federal University,
Sobornyi Lane, 26, Rostov-on-Don, 344007, Russia.
E-mail: rdr2008@yandex.ru

Рассматривается проблематика оценки эффективности развития рынка коммерческой недвижимости. В качестве ключевых критериев оценивания предлагается использовать показатели, характеризующие косвенные эффекты для региона, населения и предпринимательства, применяемые в зарубежной практике. В силу ограниченности статистической информации в указанной области обосновывается необходимость экономико-математического моделирования эффекта как интегральной согласованности развития сферы коммерческой недвижимости и инфраструктуры региона посредством симплексного программирования.

Ключевые слова: *рынок коммерческой недвижимости, интегральный эффект, симплексное программирование, согласованность развития.*

In the article the perspective of assessment of commercial real estate development efficiency of the market is considered. It is offered to use the indicators characterizing indirect effects for the region, the population and businesses used in foreign practice as the key criteria of estimation. Due to limitation of statistical information necessary for economic-mathematical modeling of effect as integrated coherence of development of the sphere of commercial real estate and infrastructure of the region by means of simplex programming is proved in the specified area.

Keywords: *market of commercial real estate, integrated effect, simplex programming, coherence of development.*

Преобладающая в научной практике концепция устойчивого (согласованного) развития как общая модель представления управления траекториями отдельных подсистем в рамках мегасистемы типа регион направлена на установление баланса между потребностями современного курса развития общества и защиты интересов будущих поколений, в том числе их потребность в безопасной и здоровой окружающей среде, учете закономерностей городского расселения [1]. Теория и практика устойчивого развития регионов объединяют три элемента: экономический, социальный и экологический. Консолидация этих различных подходов является трудной задачей и необходима для достижения стратегических целей, объединенных экономическим содержанием.

В условиях рыночной экономики строительство коммерческой недвижимости, необходимой для решения указанных целей, не финансируется из государственного и местных бюджетов. Практически все услуги, такие как торговля, различные офисные и гостиничные услуги, реализуются через систему коммерческой недвижимости. Развитие рынка жилья высокого качества и предоставление жилья для хорошо обеспеченных также осуществляется в основном на коммерческой основе. Только так могут быть удовлетворены требования для размещения различных социальных групп. Таким образом, коммерческая недвижимость, удовлетворяя потребности населения, играет важную роль в развитии города и как социальный аспект устойчивого развития.

Рынок коммерческой недвижимости является одним из важнейших компонентов любой национальной экономики и органически связан с целым рядом смежных рынков: труда, финансов, строительных материалов, страхования, услуг и т.д. [2]. Особое место на рынке коммерческой недвижимости обусловлено его особенностью материальной основы всей человеческой деятельности и объясняет растущую привлекательность в качестве инвестиционного актива.

Коммерческая недвижимость как общий термин, описывающий внутреннюю среду предпринимательства, играет жизненно важную роль в аспектах экономики, общества и окружающей среды. Предприятия и общество не могут эффективно функционировать без услуг коммерческой недвижимости, включая предоставление офисов, магазинов, фабрик, жилья и многих других форм недвижимости.

Коммерческий сектор недвижимости представляет собой инфраструктуру, необходимую для развития предпринимательства, является основным источником занятости и экономического роста, а также решения важнейших задач нашего времени: обеспечения пригодных условий для жизни и функционирования города и растущего городского населения, сокращения негативного воздействия на окружающую среду.

Основные положительные эффекты от развития коммерческой недвижимости:

– вклад в региональную экономику и создание дополнительных рабочих мест (например, в Европе наблюдаются такие статистические категории, как валовая добавленная стоимость объектов коммерческой недвижимости, обеспечение занятости за счет строительства, доля стоимости коммерческой недвижимости в структуре портфеля инвестиций) [3];

– влияние коммерческой недвижимости на снижение предпринимательских издержек как способ обеспечения социальных и предпринимательских интересов общества, повышения инвестиционной привлекательности территорий [4];

– расширение масштабов реализации инвестиционных проектов в регионе;

– обеспечение инвестиций в инфраструктуру предпринимательства (валовое накопление основного капитала) [5];

– повышение качества жилищного строительства;

– создание необходимых элементов «цепочек доставки продукции и услуг населению» [6];

– источник дополнительных доходов населения и региона.

Формирование комплекса мер, направленных на стимулирование развития рынка коммерческой недвижимости и учета интересов региона, общества, предпринимателей, должно строиться на системе комплексной оценки эффективности, инструментарно опираясь на экономико-математическое представление оптимизационного типа.

Вопросы системного оценивания эффекта формирования и использования коммерческой недвижимости рассматриваются в двух научных плоскостях: как модель портфельного оценивания совокупного регионального эффекта на основе идей «государственного предпринимательства» (Хамильтон, Уилс, Вестгаард, Рейзар) и как оптимизационная модель линейного программирования (О. Петраковская, С.А. Болотин, Н.Н. Кузьминов, Д.А. Шевчук).

Учитывая отсутствие необходимой информационной статистической базы для портфельного оценивания, предлагаем использовать методику симплексного программирования, которая, на наш взгляд, обладает доказанным практическим результатом.

Линейное программирование представляет собой математический аппарат, разработанный для решения оптимальных задач с линейными выражениями для критерия оптимальности и линейными ограничениями на область изменения переменных. Такие задачи обычно встречаются при решении вопросов оптимального планирования производства с ограниченным количеством ресурсов, при определении оптимального плана перевозок (транспортные задачи) и т. д.

Нами предпринята попытка построения обобщенной экономико-математической модели эффективной системы развития инфраструктуры региона и рынка коммерческой недвижимости.

Пусть множество всех объектов коммерческой недвижимости, обеспечивающих деятельность хозяйствующих субъектов региона, $X = (x_1, \dots x_n)$.

Учитывая их характер, согласно общепринятой типологизации объектов сферы коммерческой недвижимости, данное множество целесообразно разбить на три непересекающиеся подмножества:

$$X = X_1 \cup X_2 \cup X_3 ,$$

где X_1 – объекты государственной и муниципальной собственности; X_2 – объекты коммерческой собственности; X_3 – объекты совместного частно-государственного характера собственности.

Эффективная система развития сферы коммерческой недвижимости региона должна базироваться на принципах предоставления потребителю услуг максимума информации о мероприятиях по развитию рынка:

– оценка значимости мероприятия ω_i;

– оценка перспективности мероприятия p_i;

– оценка величины затрат на реализацию мероприятия K_i.

Выбор наилучшего мероприятия среди альтернативных вариантов следует осуществлять по максимуму интегральной оценки мероприятия:

$$\eta_i = \lambda_1 \omega_i + \lambda_2 p_i - \lambda_3 K_i,$$

где λ_1, λ_2, λ_3 – весовые коэффициенты соответствующих показателей, получаемые на базе экспертизы.

Потребуем учета условий нормировки этих оценок:

$$\lambda_1 + \lambda_{2+} \lambda_3 = 1.$$

При выборе мероприятий для включения их в программы развития сегмента коммерческой недвижимости региона на базе предложенного подхода для каждой из конечных целей, у которой есть альтернативные варианты мероприятий, можно сформулировать следующую экономико-математическую модель:

$$\begin{cases} \sum_{i=1}^{n_j} K_i X_i \to \min, \\ \sum_{i=1}^{n_j} \omega_i X_i \geq 1, \\ \sum_{i \in J_{lj}} X_i = 1, l = 1, L_j; \\ X_i = \begin{cases} 0 \\ 1, i = 1, n_j, \ldots \end{cases} \end{cases} \quad (1)$$

где n_j – число мероприятий, обеспечивающих j-ю конечную цель, включая альтернативные; L_j – число вариантов альтернативных мероприятий для j-й цели; J_{lj} – множество альтернативных мероприятий в варианте l для j-й цели.

В результате решения данной задачи осуществляется выбор мероприятий, обеспечивающих минимальные затраты при полном удовлетворении j-й цели.

Предложенная модель позволит структурировать процесс согласованного развития различных секторов коммерческой недвижимости, выявлять тенденции развития регионального рынка и выстраивать условия поддержки государственными органами власти каждого из указанных сегментов. Формализация процесса управления развития рынка коммерческой недвижимости будет полезна практическим институтам власти, работающим на этом рынке.

Для решения большого круга задач линейного программирования имеется практически универсальный алгоритм – симплексный метод, позволяющий за конечное число итераций находить оптимальное решение подавляющего большинства задач. Тип используемых ограничений (равенства или неравенства) не сказывается на возможности применения указанного алгоритма. Дополнительной проверки на оптимальность для получаемых решений не требуется. Как правило, практические задачи линейного программирования отличаются весьма значительным числом независимых переменных. Поэтому для их решения обычно используют вычислительные машины, необходимая мощность которых определяется размерностью решаемой задачи [7]. В данном случае расчет производился в компьютерной программе Microsoft Excel, результаты расчета представлены в таблице.

Результат расчета интегральной оценки привлекательности

№	Инициатор инвестиционного проекта	Название и суть инвестиционного проекта	ω_i	p_i	K_i	λ_1	λ_2	λ_3	η_l
1	ООО «АгроСоюз Юг Руси»	Строительство многофункционального зрелищного конно-спортивного комплекса в г. Ростове-на-Дону	7	8	7	0,3	0,2	0,5	0,2
2	ЗАО «Тандер»	Строительство гипермаркета «Магнит»	3	2	3	0,3	0,2	0,5	-0,2
3	ОАО «Уникум»	Строительство второй очереди торгово-развлекательного комплекса «Талер» (ул. Рихарда Зорге, 33)	4	3	4	0,3	0,2	0,5	-0,2
4	ООО «Центр плавания “Бассейны Дона”»	Создание спортивно-зрелищного кластера в г. Ростове-на-Дону	9	8	7	0,3	0,2	0,5	0,8

Окончание табл.

№	Инициатор инвестиционного проекта	Название и суть инвестиционного проекта	ω_i	p_i	K_i	λ_1	λ_2	λ_3	η_l
5	ООО «ТФ “Донские зори”»	Строительство 2-й очереди продовольственного комплекса со встроенной автостоянкой и гостиничным блоком (пр. Космонавтов, 4в)	6	4	5	0,3	0,2	0,5	0,1
6	ООО «СК “ГРОСС”»	Торгово-развлекательный центр со встроенным фитнес-комплексом и бассейном. Общая площадь ТРЦ 20 579,59 м^2, торговая площадь – 9,7 тыс. м^2, площадь фитнес-комплекса – 3,4 тыс. м^2	7	6	5	0,3	0,2	0,5	0,8
7	ЗАО «Тандер»	Строительство гипермаркета «Магнит»	3	2	2	0,3	0,2	0,5	0,3
8	ООО «МегаМаг»	Строительство второй очереди торгово-развлекательного комплекса «МЕГАМАГ» в г. Ростове-на-Дону	5	6	6	0,3	0,2	0,5	-0,3
9	ООО «О'КЕЙ»	Строительство гипермаркета	3	2	4	0,3	0,2	0,5	-0,7
10	ООО «Лира»	Строительство бизнес-комплекса со встроенной автостоянкой с планируемым количеством посетителей в год – 72,3 тыс. чел.	6	7	5	0,3	0,2	0,5	0,7
11	ООО Строительно-инвестиционная компания «Дома Дона»	Строительство гостиничного комплекса «Отель “Доломан”» (ул. Малюгиной, 119)	8	7	2	0,3	0,2	0,5	2,8
12	ЗАО «Центральный рынок»	Строительство здания крытого рынка с подземной парковкой	2	3	4	0,3	0,2	0,5	-0,8
13	ГК «Континенталь»	Строительство выставочно-торгового комплекса «Континенталь» с подземной и надземной автопарковками (пр. Буденновский, 42)	3	4	5	0,3	0,2	0,5	-0,8
14	ООО «Солнечный круг»	Реконструкция кинотеатра «Юбилейный» (ул. Сержантова, 8)	8	7	4	0,3	0,2	0,5	1,8
15	ИП Расторгуев М.Ю.	Строительство многоэтажного офисного здания с подземной автопарковкой (ул. Штахановского, 29А)	6	2	4	0,3	0,2	0,5	0,2
16	ООО МЕТРО Кэш энд Керри	Строительство третьего торгового центра в г. Ростове-на-Дону	3	2	4	0,3	0,2	0,5	-0,7
17	ООО «Нахичеванский Базар»	Строительство Нахичеванского рынка (пл. Базарная, 2)	2	1	2	0,3	0,2	0,5	-0,2
18	ООО «Олимп»	Строительство гостиницы «ИБИС» на 264 номера в Кировском районе	5	8	5	0,3	0,2	0,5	0,6

Из данных таблицы видно, что приоритет в выборе проектов для государственной поддержки принадлежит пяти проектам, которые удовлетворяют в большей степени требованиям реализации стратегии устойчивого развития, объединяющей экономические, социальные и экологические потребности власти, бизнеса и населения и действующие по траектории инновационной региональной экономики.

Необходимо отметить, что развитие коммерческой недвижимости является сложной бизнес-задачей, которая требует не только значительных финансовых вложений, но и четкого понимания запросов коммерческих арендаторов, а также законов о зонировании и управления проектами. Кроме того, использование коммерческой недвижимости включает в себя переговоры с местными властями, представителями жителей и владельцев другого бизнеса, а также с подрядчиками, которые выполняют архитектурные проекты, строительные работы и благоустройство территории, что наиболее эффективно можно осуществлять в рамках ассоциаций, позволяющих решать следующие вопросы:

1) проблематика слабого спроса на объекты недвижимости в силу неравновесности рынка недвижимости;

2) специфические риски в сфере коммерческой недвижимости, использование моделей андеррайтинга и аутсорсинга;

3) формирование эффективных партнерских отношений с партнерами, обществом и государством;

4) повышение ликвидности проектов строительства и использования коммерческой недвижимости за счет привлечения финансовых структур и инструментов (например, лизинг коммерческой недвижимости).

Примером могли бы стать ассоциация торговой недвижимости; ассоциация инвесторов коммерческой недвижимости; ассоциация отельеров; ассоциация застройщиков коммерческой недвижимости; ассоциация владельцев коммерческой недвижимости, и др.

Государство со своей стороны в лице региональных властей могло бы предложить не только поддержку застройщиков, но и систему информационного сопровождения рынка коммерческой недвижимости, предоставление налоговых льгот и финансовых гарантий при финансировании проектов, разработку программ развития территорий с учетом необходимости коммерческой застройки.

Литература

1. *Тяглов С.Г., Пономарева М.А.* Современные подходы к формированию системы индикаторов устойчивого развития региона // Вестн. Рос. экон. ун-та им. Г.В. Плеханова. 2013. № 6 (60).

2. *Reiser R. B., Frej A. B.* Professional Real Estate Development: The ULI Guide to the business. 2st ed. Washington, 2003. 450 p.

3. Real Estate in the Real Economy. URL: http://www.epra.com/media/Real_estate_in_the_real_economy_EPRA_INREV_report_1353577808132.PDF (дата обращения: 25.02.2016).

4. *Hamilton G.* Financing micro and small enterprises: the importance of good governance and effective property rights // Regional Adviser UNECE. URL: http://www.cepal.org/noticias/discursos/6/9176/hamilton.pdf (дата обращения: 25.02.2016).

5. *Westgaard S., Eidet A., Grosas T.C., Frydenberg S*. Investigating the Capital Structure of UK Real Estate Companies // Journal of Property Research. 2008. № 25(1). P. 61–87.

6. *Wills P.* Corporate Real Estate Practice in Australia // Journal of Corporate Real Estate. 2008. № 10(1). P. 40–53.

7. *Трифонов А.Г.* Постановка задачи оптимизации и численные методы ее решения // SoftLine Co. URL: http://matlab.exponenta.ru/optimiz/book_2/index.php (дата обращения: 25.02.2016).

References

1. Tyaglov S.G., Ponomareva M.A. Sovremennye podkhody k formirovaniyu sistemy indikatorov ustoichivogo razvitiya regiona [Modern Approaches to the Formation of the System of Indicators of Sustainable Development in the Region]. *Vestn. Ros ekon. un-ta im. G.V. Plekhanova,* 2013, no 6 (60).

2. Reiser R. B., Frej A. B. *Professional Real Estate Development: The ULI Guide to the business.* 2st ed. Washington, 2003, 450 p.

3. *Real Estate in the Real Economy.* Available at: http://www.epra.com/media/Real_estate_in_the_real_economy_EPRA_INREV_report_1353577808132.PDF (accessed 25.02.2016).

4. Hamilton G. Financing micro and small enterprises: the importance of good governance and effective property rights. *Regional Adviser UNECE*. Available at: http://www.cepal.org/noticias/discursos/6/9176/hamilton.pdf (accessed 25.02.2016).

5. Westgaard S., Eidet A., Grosas T.C., Frydenberg S. Investigating the Capital Structure of UK Real Estate Companies. *Journal of Property Research*, 2008, no 25(1), pp. 61-87.

6. Wills P. Corporate Real Estate Practice in Australia. *Journal of Corporate Real Estate*, 2008, № 10 (1), pp. 40-53.

7. Trifonov A.G. *Postanovka zadachi optimizatsii i chislennye metody ee resheniya*. SoftLine So. Available at: http://matlab.exponenta.ru/optimiz/book_2/index.php (accessed 25.02.2016).

Поступила в редакцию ***30 марта 2016 г.***

УДК 31:33 DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-82-87

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ РИСКАХ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

© 2016 г. Е.М. Полякова

Полякова Евгения Михайловна –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра математической статистики,
эконометрики и актуарных расчетов,
Ростовский государственный экономический университет,
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002.
E-mail: mirgan@rambler.ru

Polyakova Evgeniya Mikhailovna –
Candidate of Economical Sciences, Associate Professor,
Department of Mathematical Statistics, Econometrics
and Actuarial Calculations,
Rostov State University of Economics,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: mirgan@rambler.ru

Отражен и обоснован методический подход к проведению статистического анализа состояния и развития человеческого капитала, его компоненты трудового капитала как основополагающего фактора обеспечения эффективного развития всех сфер социально-экономической жизни общества через призму угроз и социальных рисков современности. В качестве фактора риска рассматривается безработица, что актуально в плане анализа тенденций, складывающихся в социально-трудовой сфере России с учетом территориального аспекта. Осуществлен анализ динамики и структуры безработицы субъектов Южного федерального округа, результаты которого направлены на снижение вероятности формирования факторов социальных рисков.

Ключевые слова: *человеческий капитал, трудовой капитал, статистика, анализ, риск, безработица, динамика, структура.*

The article describes and justifies the methodological approach for conducting statistical analysis of the status and development of human capital, components of human capital as a fundamental determinant of effective development in all spheres of socio-economic life of society, through the prism of threats and social risks prevailing in modern conditions. As a risk factor for unemployment is considered, which is important in terms of analysis of trends in socio - labour sphere of Russia taking into account the territorial aspect. The analysis of the dynamics and structure of unemployment the subjects of the southern Federal district is conducted, the results of it are aimed at reducing the probability of formation of factors of social risk.

Keywords: *human capital, labor capital, statistics, analysis, risk, unemployment, dynamics, structure.*

Проблемы развития человеческого капитала и условий воспроизводства и наращивания его компонентов в настоящее время относятся к числу наиболее актуальных и активно разрабатываемых. Наряду с этим современные реалии диктуют необходимость углубленного изучения ряда аспектов, относящихся к выявлению влияния социально-экономических процессов на качественные характеристики данного вида капитала с точки зрения возникновения рисков и угроз.

За последние годы Организацией Объединенных Наций (ООН) разработан ряд концепций и программ общественного развития, в которых ключевая роль отведена человеческому капиталу, в частности Концепция устойчивого развития [1], Концепция безопасности [1], на основе которых созданы соответствующие программы развития ООН. В Докладе о развитии человека 1999 г. [2] национальная безопасность рассматривается в качестве одной из форм безопасности человека по важнейшим аспектам: политическая, экономическая, экологическая, продовольственная, социальная, безопасность для здоровья и личная безопасность.

По мере развития мирового сообщества возникают определенные угрозы для выживания человечества. По словам У. Бека, «…общественное производство богатства постоянно сопровождается общественным производством рисков» [2].

Обобщенный анализ теорий риска в плане развития человечества в целом осуществили исследователи З. Калугина, В. Тапилина и Т. Черкашина [3], которые к анализу рисков выделяют два подхода: структурный и конструкционистский. При первом подходе риск – нечто объективное, существующее вне сознания человека. При втором – риски определяются в процессе коммуникации, т. е. во взаимодействиях по поводу складывающихся результатов неких событий или явлений.

В настоящее время исследователями данного научного направления [4] сформулирована новая парадигма – «общество риска», которая представлена как результат формирования социальных отношений, отражающих смену критериев социальной стратификации и образования новых социальных общностей, и, следовательно, поведение индивидов в значительной степени определяется предвидением будущего, нежели событиями предыдущего.

Сегодня управленческие решения, принимаемые на всех уровнях территориальной агрегации в сфере общественной жизни, несут на себе элементы риска. Аналогичная ситуация имеет место и на уровне хозяйствующего субъекта любого вида экономической деятельности. Данное обстоятельство обусловлено наличием факторов действия «механизма» неопределенности. Большинство управленческих решений, принимаемых в условиях риска, сопряжены с рядом проблем: отсутствие полной и достаточной информации о риске, наличие противоборствующих тенденций и конкуренции на рынке, элементов случайности и др. Следовательно, риск – это возможность экономических потерь, возникающих при наступлении неблагоприятных событий, часто случайных.

По своему происхождению либо по масштабности последствий ряд видов риска относят к социальным, как правило, это следствие действия определенных массовых явлений; изменения положения отдельных социальных групп и индивидов в плане ограничения их экономической самостоятельности, либо ухудшения экономического и социального положения. В контексте развития приведенного тезиса Д. Норт отмечает, что институты создаются людьми. Люди развивают и изменяют институты [5]. Таким образом, источником социальных рисков является непосредственное функционирование социальных институтов, поведение сообществ, домохозяйств и индивидов, которые в силу своего социального положения подвергаются негативному воздействию решений, принятых субъектами риска.

В контексте разработки заявленной проблемы подчеркнем, что весомый вклад в исследование основных компонентов человеческого капитала внесли ученые институтов СО РАН, в частности академики Т. Заславская и В. Кулешов, ученые: З. Калугина, С. Соболева, Т. Богомолова, О. Чудаева, Т. Черкашина, А. Шадт и др.

В качестве фактора риска развития человеческого капитала автор рассматривает безработицу, что актуально для современной России в плане тенденций, складывающихся в трудовой сфере с учетом территориального аспекта. При этом полагая, что статистически оценивать динамику, объемы и структуру безработицы целесообразно путем реализации следующего алгоритма: анализ институциональной среды; анализ информации о социально-экономическом положении территории; анализ информации по конкретному объекту; оценивание выявленных тенденций. При таком подходе можно определить социально-приемлемый уровень риска, который, по словам О. Яницкого [6], должен вычисляться, а не «назначаться» правящей элитой.

Реализация человеческого капитала осуществляется в рамках рынка труда в форме трудового капитала в различных видах занятости.

Занятость как экономическая категория представляет степень участия трудоспособного населения в деятельности, связанной с удовлетворением личных и общественных потребностей и, как правило, приносящей доход в денежной или натуральной форме. Современная экономическая теория утверждает, что полная и эффективная занятость достигается при наличии так называемой естественной нормы безработицы, т. е. порога, который удерживает неизменными уровень реальной заработной платы и цен при нулевом приросте производительности труда [2]. Безработица – одна из социальных проблем, наличие которой обусловлено экономическими причинами, и наряду с этим объемы, структура и динамика безработицы представляют вероятность возникновения социальных рисков, что несет экономические издержки для общества в целом. Данный вопрос достаточно глубоко исследован. Если темп роста ВНП составляет 2,5 % в год, то уровень безработицы не будет изменяться; в случае превышения данного темпа роста ВНП на каждый процентный пункт, уровень безработицы снижается на 0,4 процентного пункта, аналогично при обратной картине [7].

Во многом рассмотрение явления безработицы в плане социального вида риска и ее экономико-статистический анализ обусловлены событиями последних лет в России и странах мира, в числе которых экономические санкции, значительное число

беженцев в Европу, коньюнктура цен на нефть, ситуация на валютном рынке и ряд других, что вызывает изменения в структуре общественного производства и в определенной мере приводит к росту безработицы как фактора риска развития человеческого капитала.

Безработица возникает в результате дисбаланса рынка труда, что отрицательно влияет на результаты деятельности субъектов хозяйствования и на жизненный уровень населения. Поэтому целесообразно осуществление мер государственного регулирования процессов, происходящих на рынке труда на основе информационных ресурсов.

Аналитический обзор безработицы осуществлен на основе официального учета по Ростовской области и по субъектам Южного федерального округа (ЮФО). По данным, отраженным на рис. 1, в 2013 г. по субъектам, входящим в состав ЮФО, наиболее низкий уровень безработицы имел место в Ростовской области – 6,0 %, однако в сравнительной оценке с Российской Федерацией в целом данный показатель оказался выше на 0,5 %.

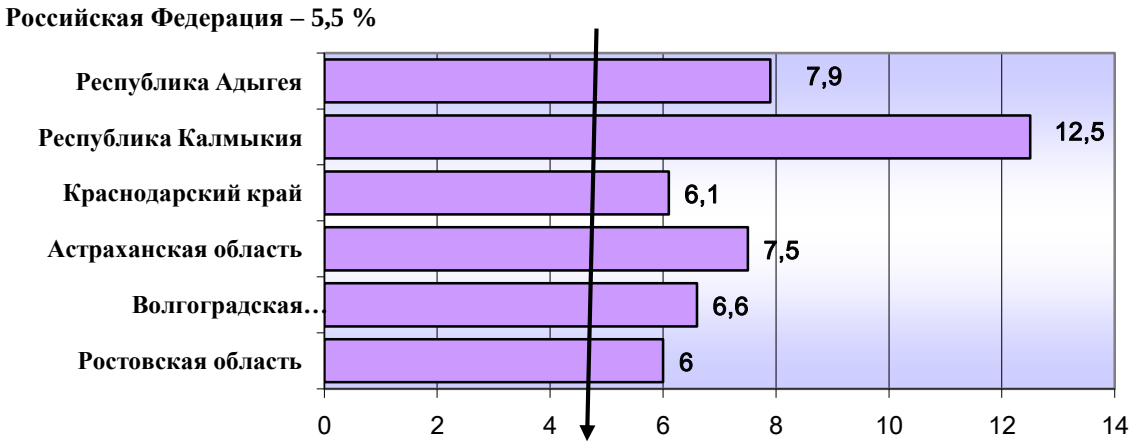

Рис. 1. Уровень общей безработицы населения в возрасте 15–72 года по субъектам Южного федерального округа в 2013 г., % [8]

По состоянию на 1 января 2014 г. уровень официально зарегистрированной безработицы по субъектам ЮФО составил 0,8 %. Среди территорий округа по этому показателю Ростовская область уступает только Краснодарскому краю. В других субъектах округа уровень официально зарегистрированной безработицы варьировал в границах 1,1 % – Астраханская и Волгоградская области до 2,3 % – Республика Калмыкия.

Среди всех субъектов Российской Федерации по уровню общей безработицы Ростовская область занимала в 2013 г. 50-е место. По всем территориальным образованиям ЮФО наблюдается определенный гендерный перевес (рис. 2).

Рис. 2. Динамика уровня безработицы по ЮФО с учетом гендерного аспекта, % [8]

В 2013 г. уровень безработицы у мужчин сложился ниже уровня безработицы у женщин на 0,6 %. Аналогичная ситуация отмечалась в 2010 г. – разница составляла 0,2 %. В остальные годы анализируемого периода уровень безработицы мужчин выше уровня безработицы женщин на 0,1–1,5 %.

Показатели безработицы по Ростовской области, рассчитанные по методологии МОТ, за период 2008–2013 гг. отразили преобладание тенденции ее снижения кроме 2009 г. Наряду с этим доля безработных, находящихся в трудоспособном возрасте от общей численности трудовых ресурсов региона, несмотря на снижение их величины в целом, в последние два года рассматриваемого периода сохранялась на уровне 4,5 %.

В Ростовской области в 2013 г. безработные в целом были представлены двумя практически равными по численности группами: первая группа, включала молодежь в возрастном диапазоне 15–29 лет и составляла 40,8 % от общей численности безработных; вторая – граждане в возрастных границах 30–54 лет – 47,0 %. Число безработных региона в возрасте 55–72 лет составляло 12,2 %.

Разрез численности безработных по пятилетним возрастным группам показал: наибольшее число пришлось на возрастные группы 20–24 лет, 25–29 лет и 30–34 лет. При этом в целом по данной категории рынка труда в двух первых возрастных группах отмечена тенденция сокращения численности. Присутствие безработных в возрасте 30–34 лет увеличилось на 0,3 % за счет мужчин, их приток вырос на 0,9 %, при одновременном снижении в этих возрастных группах безработных женщин на 0,1 %.

Отмечен значительный приток в безработицу граждан в возрасте 35–44 лет, и в результате доля безработных в 2013 г. в данной группе составила 18,2 % от их общей численности по региону. В группах с более высоким возрастным статусом снижение безработных в целом на 5,2 % имело выраженный гендерный аспект, среди женщин – 7,3 %, у безработных мужчин – 3,3 %. Удельный вес безработных в возрасте 55–64 лет увеличился на 4,8 % в целом, также при более существенном увеличении доли женщин.

Безработные Ростовской области, по данным за 2013 г., имели преимущественно высшее и среднее профессиональное образование, их доля составила 56,7 % от общего числа безработных (таблица). За пять лет доля безработных, имеющих высшее образование (включая послевузовское), увеличилась в целом на 2,9 %, в том числе вновь с выраженным гендерным компонентом. Отмечено снижение доли безработных со средним профессиональным образованием на 2,6 %.

Безработные по уровню образования в возрасте 15–72 лет

(по данным обследования населения по проблемам занятости, %) [8]

Состав безработных по уровню образования	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего, в том числе имеют образование:	100	100	100	100	100	100
высшее профессиональное*	28,3	27,6	28,6	28,7	29,1	31,2
среднее профессиональное	28,1	27,6	26,5	29,1	27,4	25,5
начальное профессиональное	16,5	16,1	16,8	15,4	15,6	16,5
среднее (полное) общее	20,5	22,2	21,7	20,9	22,0	21,7
основное общее	5,9	5,8	5,7	5,4	5,4	4,7
не имеют основного общего	0,7	0,5	0,7	0,6	0,5	0,5

* В 2008 г. – включая неполное высшее образование, в 2009–2013 гг. – включая послевузовское образование.

Исследовательский интерес представляет профессиональный состав безработных по последнему месту их деятельности. Удельный вес физических лиц в составе безработных, имеющих опыт профессиональной деятельности, снизился за рассматриваемый период на 3,5 %. По данным Ростовстата, безработные с трудовым стажем по последнему месту работы в 2013 г. представлены следующими категориями: квалифицированными и неквалифицированными рабочими 17,0 и 27,8 % соответственно; специалистами высшего и среднего уровня квалификации – 8,5 и 12,1 % соответственно. Однако доля граждан, уволившихся по собственному желанию, за этот период практически не изменилась. Пятая часть безработных – 20,6 %, до потери места деятельности была занята в оптовой и розничной торговле, не-

сколько меньше – 18,7 % занимались промышленными видами деятельности, 13,8 % безработных ранее трудились в сельском хозяйстве, 10,6 и 7,6 % безработных соответственно ранее были заняты в строительстве и сфере транспорта и связи. В социальной и управленческой сфере на виды деятельности, «образование», «государственное управление и социальное страхование», «здравоохранение и предоставление социальных услуг», «предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг», «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», «гостиницы и рестораны», «финансовая деятельность» приходилось в 2013 г. доля безработных в диапазоне 0,7–5,8 %.

Анализ состояния и динамики безработных позволяет констатировать, что их профессиональная структура за пять лет несколько трансформировалась. Это выражено снижением в 2013 г. доли квалифицированных рабочих на 9,8 %, руководителей и специалистов высшего уровня квалификации – на 2,2 %, операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин и слесарей-сборщиков – на 1,2 %. Наряду с этим выросла доля безработных и среди неквалифицированных работников: сферы обслуживания и торговли – на 4,7 %, неквалифицированных рабочих – на 3,8 %, специалистов среднего уровня квалификации – на 2,7 %, служащих, занятых подготовкой информации, оформлением документов, учетом и обслуживанием – на 2,1 %.

Следовательно, можно констатировать наличие предпосылок формирования социального риска от наличия и структуры безработицы в Ростовской области.

Достаточно высокой остается застойная безработица. В составе безработных 25,9 % в 2013 г. трудоустраивались в течение 12 месяцев и более. По данному показателю регион среди субъектов Российской Федерации занимал 18 место. Среди территорий ЮФО только в Астраханской области доля безработных, находившихся в поиске работы год и более, ниже –25,6 %. В остальных субъектах ЮФО застойная безработица варьировала в диапазоне: от 28,2 % в Краснодарском крае до 46,3 % в Адыгее. Основная доля безработных – 41,4 % находилась в состоянии безработицы 1–6 месяцев.

Время поиска работы варьируется по типу поселения. Граждане, проживающие в сельской местности в среднем на 0,5–1,9 месяца искали работу дольше, чем жители городских поселений, при этом мужчины трудоустраивались быстрее женщин на протяжении всего анализируемого периода, а в 2013 г. достигнут наиболее высокий разрыв – 1,4 месяца.

Таким образом, эффективное функционирование человеческого капитала в форме трудового капитала предполагает с количественной стороны полную занятость, с качественной – экономическую и социальную эффективность занятости. Экономически эффективная занятость отражает рациональное использование трудовых ресурсов; социально эффективная – удовлетворение социокультурных потребностей, улучшение условий для социально уязвимых слоев населения и тем самым снижение вероятности формирования факторов, вызывающих социальные виды рисков.

Литература

1. URL: http://www.un.org/ru/index.html (дата обращения: 26.02.2012).

2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника. М., 2000. С. 384.

3. *Калугина З., Тапилина В., Черкашина Т.* Условия капитализации человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В. Кулешов. Новосибирск, 2008. 168 с.

4. Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В. Кулешов. Новосибирск, 2014. С. 269.

5. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М., 1997. 180 с.

6. *Яницкий О.* Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 49.

7. Курс экономической теории : учебник / под ред. М. Чепурина, Е. Киселевой. 5-е изд., доп. и перераб. Киров, 2009. 832 с.

8. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 26.02.2012).

References

1. Available at: http://www.un.org/ru/index.html (accessed 26.02.2012).

2. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society. On the Way to Another Modernity]. Tr. from German by V. Sedel'nik. Moscow, 2000, p. 384.

3. Kalugina Z., Tapilina V. Cherkashina T. *Usloviya kapitalizatsii chelovecheskogo potentsiala v Sibiri* [Terms of Capitalization of the Human Potential in Siberia]. Ed. by V. Kuleshov. Novosibirsk, 2008, 168 p.

4. *Perspektivy i riski razvitiya chelovecheskogo potentsiala v Sibiri* [The Prospects and Risks of Human Development in Siberia]. Ed. V. Kuleshov. Novosibirsk, 2014, p. 269.

5. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Functioning]. Tr. from English by A.N. Nesterenko. Moscow, 1997, 180 p.

6. Yanitskii O. Sotsiologiya riska: klyuchevye idei [Sociology of Risk: Key Ideas]. *Mir Rossii*, 2003, no 1, p. 49.

7. *Kurs ekonomicheskoi teorii* [The Course of Economic Theory]. Textbook. Ed. by M. Chepurin, E. Kiseleva. 5th ed., Kirov, 2009, 832 p.

8. Available at: http://www.gks.ru (accessed 26.02.2012).

Поступила в редакцию ***2 марта 2016 г.***

СПОРИМ, ОБСУЖДАЕМ

DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-88-94

Новый этап дискуссий вокруг творчества М.А. Шолохова*

Вокруг романа М.А. Шолохова уже почти 80 лет кипит то обостряющаяся, то затухающая дискуссия. Шолоховеды и «антишолоховцы» выступали все с новыми и новыми исследованиями произведений М.А.Шолохова и его биографии. В полемике со взаимными опровержениями и обвинениями участвовали историки, писатели, филологи и литературоведы [1–6]. Например, А.В. Венков утверждает, что авторский костяк романа «Тихий дон» составили помимо М. Шолохова четыре профессиональных писателя, имеющих опыт редакторской работы, – И.Д. Филиппов, И.А. Родионов, Н.К. Евсеев, А.С. Серафимович [7]. В одной из книг, вышедших накануне юбилея М.А. Шолохова, мы пытались показать, что в общественно-политической жизни Шолохов проявил себя на уровне требований времени и своего места в литературе: мужественно протестовал против форсированной коллективизации и раскулачивания, защищал невиновных в ходе сталинских репрессий, выступил на пленуме обкома против расстрела рабочих в Новочеркасске, написал письмо в Политбюро в защиту русской культуры… делал он и просчеты и ошибки, но – с точки зрения современной политики [8]. Главным итогом дискуссий стала своеобразная деинституциализация одного из лидеров советской литературы.

После 100-й и 110-й годовщин (весьма скромно отмеченных) со дня рождения М.А. Шолохова начался новый этап осмысления и его творчества, и самой личности писателя. Кинематографисты предложили очередные экранизации романа, литераторы выпустили в свет серию романов, герои которых очень сильно напоминали Шолохова и его критиков, историки предложили не только свои версии создания романа, но и формирования самой личности писателя и даже ее отсутствия. И каков же результат?

Молодой московский автор К. Смирнов предложил «историческую» гипотезу о том, что Шолохов это просто псевдоним другого писателя казачьего происхождения, прошедшего в революциях и Гражданской войне политический путь и имевшего литературный талант [9]. Эта гипотеза практически ничего не меняет в установлении авторства романа, но ставит под сомнение истинную фамилию того, кого почти восемь десятилетий называли М.А. Шолоховым. К. Смирнов заявил, что все события жизни классика с момента отъезда в Москву в пятнадцатом году и вплоть до окончательного поселения на Дону в двадцать шестом не подтверждены серьезными документами. Вслед за критиками писателя он считает, что для того чтобы создать многоплановый роман-эпопею в 22 года, имея за плечами четыре класса гимназии, встретив первую мировую войну в девятилетнем возрасте, а гражданскую – в тринадцать лет, не имея практически никакого серьезного жизненного и литературного опыта, нужно иметь другую – тайную биографию. Дело оказывается в том, что предполагаемый отец Шолохова (Д.Е. Попов) от первого брака имел сына Александра, который был на 14 лет старше своего предполагаемого сводного брата Михаила. Мать Александра была потомственной дворянкой, в приданое за ней муж получил родовое имение Ясеновка. Она рано умерла, и у Дмитрия Евграфовича остался на руках трехлетний малыш, для которого отец взял няньку Настю Черникову из семьи рабочих-поденщиков, от связи с нею якобы и родился Михаил. Александр во время Первой мировой войны воевал в действующей армии, имел боевые награды. В 1917 г. он пребывал в Гатчине во главе сотни в составе войск генерала Краснова. Позднее участвовал в левоэсеровском мятеже 6 июля 1918 г., когда были арестованы Дзержинский и Лацис. После подавления мятежа бежал, заочно приговорен к расстрелу, но далее каким-то образом оказывается членом коллегии ВЧК. Поработав в центральном аппарате, получает новое назначение на Кавказ... Вернувшись в Ясеновку, узнает, что сводный брат погиб, остались его документы. С этого момента А. Попов объявил себя сыном поденщицы, младше самого себя на целых четырнадцать лет. Приезжая в Москву, он жил обычно у известного писателя А. Серафимовича, который писал под псевдонимом, заменив настоящую фамилию Попов на свое отчество. А.С. Серафимович посоветовал Александру сменить имя. Гипотеза красива, даже элегантна, но без доказательств.

* Фрагмент из книги: *Кислицын С.А., Кумов К.Г.* Элита, литература, Шолохов // Южнороссийское обозрение. 2016. Вып. 92.

Эту недоказанную теорему в общих чертах сочинил еще в начале 2000-х гг. историк С. Преображенский [10]. Но тогда им была предложена несколько другая интерпретация: во время Первой мировой А.Д. Попов попадает в Разведывательное ведомство русской армии, его в те годы возглавлял генерал Бонч-Бруевич. По заданию разведки выходец с Дона был внедрен в штаб деникинской армии под своим именем, так как там его хорошо знали как храброго офицера. Здесь были написаны первые главы романа, в которых с любовью выписана родная ему Ясеновка (в романе – имение Листницких Ягодное), точно передан казачий и дворянский быт, проявлено знание тонкостей военного казачьего дела. В 1926 г. после работы в Москве его вновь направляют в родные места, в Вёшенскую, в центр брожения Донского казачества, явно нелояльного советской власти. В свои почти тридцать лет кудрявый Попов выглядел весьма молодо, и это подсказало легенду, под которой он должен был появиться в станице. По свидетельству очевидцев, начальник местного НКВД по первому слову подгонял ему собственный автомобиль, есть свидетели его прямых звонков Ягоде и Сталину. Известны рассказы о том, как в 1922 г. в Москве псевдо-Шолохов рассказывал о своей оставленной на Дону жене Марии Петровне Громославской. «Будь он и вправду 1905 года рождения, было бы ему в том году лет 16–17. Какая уж тут жена, да к тому же на семь лет старше» [11]. Вот такой аргумент. Все доказательства С. Преображенского строятся на устных рассказах.

М. Аникин утверждает, что в основе «Тихого Дона» лежит творческий задел Серафимовича, который просто передал его своему незаконнорожденному сыну Михаилу. Как известно, именно Серафимович заметил начинающего писателя Шолохова, написал предисловие к «Донским рассказам» и дал мощный толчок литературному развитию Шолохова. М. Аникин подчеркивает, что когда рукопись первого тома «Тихого Дона» поступила в редакцию журнала «Октябрь» в 1927 г., главный редактор журнала не поправил в нем ни одного слова. В этом же году на банкете в гостинице «Националь» в честь годовщины Октябрьской революции Серафимович представил гостям никому не известного юношу и безапелляционно заявил: «Друзья мои! Вот новый роман! Запомните название – «Тихий Дон» и имя – Михаил Шолохов. Перед вами великий писатель земли русской, которого ещё мало кто знает. Но запомните моё слово. Вскоре его имя услышит вся Россия, а через два-три года и весь мир!» [12]. С начала 1928 г. в этом журнале по настоянию и под личным контролем А.Серафимовича публикуются первые две книги романа. Чтобы опубликовать 3-й том «Тихого Дона» Серафимович как классик «пролетарской литературы» организовал вмешательство Горького, а потом и Сталина. Все сомнения в авторстве Шолохова были пресечены в первую очередь лично Серафимовичем, организовавшим публикацию в «Правде» и партийное решение по этому поводу. В прессе были сообщения о том, что и умер Серафимович в 1949 г. на руках у Шолохова, который трогательно о нем заботился. Наконец, сравнивая их фотографии, Аникин подчеркивает антропологическое сходство черепов и основных черт. Он не мог провести экспертизу ДНК этих авторов, но на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета была проведена электронная атрибуция текстов, и определенным итогом стал вывод, что М. Шолохов не является единоличным автором текста романа «Тихий Дон». Более того, он не является и основным автором этого текста. Действие романа «Тихий Дон» разворачивается в тех места, где бывал А. Серафимович, в которых к моменту работы над текстом романа не бывал М. Шолохов. Но у А. Серафимовича, потомственного казака, выходца из Усть-Медведицкой станицы, в «официальном» литературном багаже почему-то нет произведений казачьего характера. Поэтому М. Аникин считает, что А. Серафимович как минимум совместил имеющиеся в его распоряжении тексты как Шолохова, так и других источников, выдержки из мемуаров военных и политических деятелей. Почему автор пролетарского произведения «Железный поток», демонстрирующий символ несгибаемости большевика Кожуха и всех участников похода, которые в суровых условиях формировали новую советскую общность людей, все силы бросил на проталкивание явно несоветского романа?

По мнению М. Аникина Серафимович был автором не только «Тихого Дона», «Поднятой целины» и всех других литературных шолоховских произведений (исключая, конечно, поздние публицистические работы). Он был самый крупный дореволюционный писатель Дона, прекраснейший знаток быта и нравов, рафинированный интеллигент, имевший диплом Санкт-Петербургского университета, прекрасно владевший словом, превосходивший многих одаренных русских писателей своего времени, имевший богатейшую биографию. В авторстве названных трудов, уверен М. Аникин, убеждают сами тексты, сюжетные линии, характеры героев произведений А. Серафимовича. Конечно роман

«Они сражались за Родину» и рассказ «Судьба человека» уступают романам по своему уровню. Но если принять во внимание, что писателю, родившемуся в 1863 г., во время Второй мировой войны было уже за 80 лет, становится понятным, почему М.А. Шолохов перестал расти. Так Аникиным просто и без лишних приключенческих фантазий решается проблема не только авторства романа, но всего творчества М. А. Шолохова [13].

Новый поход против М.А. Шолохова продолжили литературоведы и писатели. Начнем с точки зрения современного автора Д. Быкова. В своей повести «Икс» он берет за отправную точку проблему авторства «Тихого Дона» и создает настоящий детектив. Однако, следует отметить, что в центре внимания автора параллельно рассматривается проблема природы творчества и личности вообще. В повести описывается, как некто Шелестов, бывший белый офицер, написал роман, о котором, из-за ранения, просто забыл. Затем он находит чужой (на самом деле свой!) роман и в связи с этим обращается к главному редактору литературного журнала Славскому за советом. Тот рекомендует писателю попросту переработать этот роман, а затем выпустить под своим именем. Шелестов перерабатывает найденный роман о Доне, о казаках, о революции и гражданской войне и публикует в журнале. Роман прославил Шелестова, о нем стали говорить, как о надежде советской литературы, но завистники начинают распространять обвинения в плагиате. Вот интересный отрывок из данной повести. «Все видели рукопись, она кажется мне аутентичной, подлинной, имеет следы работы со словом, и даже если Шелестов пользуется чужим материалом, то он им пользуется умно, осознанно. Можем ли мы сегодня считать грехом использование чужих записок или хотя бы даже художественного произведения? Нет, надо признать, что с этой стороны товарищ Шелестов защищен прекрасно. У нас имеется образчик, когда Некрасов, поэт, без сомнения, великий и притом высоконравственный, использовал почти дословно французские записки Марии Волконской, тогда большинству читателей не доступные. Что же, осудим мы Некрасова? И более того: литература будущего, возможно, вся будет состоять из обработанных документов, как полагает, в частности, уже сегодня товарищ Брик. Возможно, что товарищ Шелестов и некритично, и слишком обильно использует чужой материал, но это не есть еще преступление. Я только хочу понять, что привнесено в книгу собственно товарищем Шелестовым, и не портит ли он ее, заставляя казаков в пятнадцатом году рассказывать о том, как прекрасно они заживут после революции?»

С персонажем повести писателем Пыряловым (Серфимовичем?) связан такой интересный текст, который отражал общие проблемы истории казачества. «Уж Пырялов-то, были уверены все, за Шелестова горой, курганом, — он готов был любого вознести на пьедестал за один факт рождения на Дону. Местнический этот патриотизм был невыносим и в последнее время выходил Пырялову боком – казаков не жаловали, однако и к ним, и к Пырялову отношение было двусмысленное. Они, конечно, были оплот царизма и все такое, и Троцкий в девятнадцатом году так погулял на Дону, что имя его там и посейчас было хуже самой черной ругани; однако где сейчас был Троцкий? Сейчас вон и товарища Шелестова роман печатали, и товарищ Сталин был почетный казак станицы Горячеводской с 1925 года, за что публично и торжественно благодарил, клянусь, мол. Конечно, посвящение в почетные казаки прошло без должной формальности, шашку не дарили, нагайку не вручали, но ходока отправили прямо в Сочи, где товарищ Сталин имел в то время лечение печени, измученной в подполье. Ходока пропустили, накормили, напоили кирпичным чаем, ласково приняли и отпустили восвояси с дружественной запиской. Оно конечно, терское казачество можно понять, кто ж тронет теперь родную станицу товарища Сталина? Казачеству, понимали все, без разницы было, за какую власть хлестать нагаечкой, – лишь бы потакала их бесконечной, бесплодной кичливости; говорили, им и национальность разрешат в бумагах писать – казаки, потому что они не русские, не кисель; русским приходилось теперь, пожалуй, еще и похуже, чем казакам. Мерзейшие их черты – вот эта кичливость, драка по всякому поводу, культ грубости, хэканье, гэканье, которого и у Шелестова было по самое не могу, – очень даже нравились теперь. На Самом Верху их поднимали на щит, донцам намекали, что ничего не забудем, но зла не держим, – так что Пырялов, пожалуй, верно чуял силу, выгораживая друга-донца, птенца орла, как он гордо его именовал (орлом, надо понимать, был он сам, сутулый, усатый, вонючий)».

Несмотря на выдуманные коллизии и имена, отдельные главы романа действительно совпадают с реальной биографией Шолохова, а в написанных с сарказмом сценах обсуждения романа Шелестова «Пороги» можно распознать тех или иных действительно существовавших литературных личностей. В романе есть сцены поездки пролетарского писателя Бутыкина в Париж, для «разборок» с белоэмигрантом, казаком Манахиным,

визит Б. Шоу в СССР. Роман Д. Быкова «Икс» о раздвоении личности писателя Шелестова, который устал быть белым и красным, простым и сложным, безвестным и великим [14]. В романе четко прослеживаются ассоциации: *«Пороги» – «Тихий Дон», «Письмо красноармейцу» – «Наука ненависти», «Путь человека» – «Судьба человека».* Это аллюзия связана с Шолоховым. Д. Быков прямо намекает, что есть не только тайна происхождения романа, но и тайна личности самого Михаила Шолохова.

Любопытно, что в журнале «Нева» в № 7 за 2004 г. писатель М. Холмогоров опубликовал повесть «Необитаемый остров», посвященную той же теме – созданию «Тихого Дона». Отношение к проблеме у Холмогорова и Быкова разительно отличается. В «Необитаемом острове» речь идет о литераторах, которых сначала посадили, а потом вернули в Москву ради «великой» цели – создания к 10-летию Октября романа о терском казачестве. В ОГПУ была создана спецгруппа «Хладный Терек» – по придуманному Шестикрыловым названию для горюновского романа. Возглавлять группу поручили Арону Моисеевичу Штейну. И вот совершенно разные – по опыту, уровню таланта, убеждениям – авторы, запуганные ОГПУ и содержащиеся под строгим надзором в московском особняке, пытаются создать роман «Хладный Терек». У них ничего не получилось, так как сработаться арестованные литераторы не смогли. Автором романа назначен Гаврила Орясин, бывший казак, однозначно отрицательный персонаж. Заключенные писатели характеризуют его такими эпитетами: «премерзкий тип», «этот сопляк», «мародер». Холмогоров заканчивает повесть расстрелом Орясина, видимо не зная, как раскрывать тему украденного романа и его авторов дальше, или просто побоялся. Итак, «Хладный Терек» – это «Тихий Дон», Шестикрылов – автор романа «Огненная лава» – это, несомненно, Серафимович, автор повести «Железный поток» и главный редактор журнала «Октябрь». Арон Штейн – вероятно, это чекист типа Генриха Ягоды, Менжинский – это Менжинский, Сталин – это Сталин. Но неужели Орясин – Шолохов?

В. Сердюченко в статье «Шолохов и вокруг» сформулировал новое решение вопроса об авторстве романа, которое развивает идею Быкова (или наоборот Быков развивает идею Сердюченко?). Сначала он оговаривается, что «мастерской рукой написаны и “Они сражались за родину”, и “Судьба человека”». Не будем отрицать этого в угоду политической конъюнктуре. Не будем отрицать и того, что они написаны одной и той же, пусть постепенно слабеющей рукой. В них есть единство авторского почерка, «знака», единство ощущения человека и его мира – и никакие компьютеры, ни Солженицын не заставят согласиться с обратным. В. Сердюченко считает, что если «Тихий Дон» гениальное, то «Поднятая целина» очень талантливое, а «Они сражались за родину» и «Судьба человека» просто талантливые произведения. Но тогда невероятная эта история делается вдвойне невероятной, и разрешить ее с помощью здравой логики становится вообще невозможным. Здесь необходим какой-то альтернативный, «неевклидовый» угол зрения на проблему. В. Сердюченко предложил собственную, вполне «сумасшедшую» версию, рассчитанную, впрочем, на соответствующего редактора и читателя. Оказывается, автор романа сидел у Шолохова в подвале и выдавал «на гора» талантливые произведения, а сам Шолохов – их транслировал, публиковал, стал «славопожирателем». Гипотеза более чем оригинальная, можно сказать детективно-фантастическая, даже не в стиле Агаты Кристи, а в традициях готического романа или мюзикла «Призрак оперы».

Идеи о том, что автор романа – несоветский или антисоветский писатель, а все просоветские вставки сделаны соавтором – Шолоховым в угоду власти нашли косвенное отражение в сценариях двух многосерийных телефильмов «Тихий Дон» режиссеров С.Ф. Бондарчука и С.В. Урсуляка. В этих телевизионных произведениях практически убраны или скорректированы все исторически значимые сюжеты о Штокмане и Бунчуке, о большевиках-казаках, о германской интервенции, об атамане Краснове и его прогерманской политике, а самое главное – о социальных причинах противостояния казачьего сословия и крестьянства (о пролетариате умолчим). Как говорили в многочисленных интервью режиссеры фильмов, каждый в отдельности, но оба как под копирку, – они хотели показать судьбы семьи в страшную годину, когда брат шел на брата, отец на сына... Сами исторические события помещены режиссерами несколько на второй план, а на первом – прежде всего сексуальные чувства и устремления членов семейств Мелеховых, Астаховых и других обитателей станицы Вёшенской. Результат был закономерен – оба многосерийных фильма (в отличие от великого фильма С.А. Герасимова) не стали сколько-нибудь заметными событиями в общественно-политической и в художественной жизни страны. Их посмотрели и забыли.

Известный ростовский журналист А.И. Царев в своей книге «Великий Шолохов» не стремился

включаться в политизированные дискуссии и решать проблему выбора версий. Он считает, и мы его поддерживаем в этом, что есть факт: на Дону жил, боролся, трудился легендарный писатель, крупная личность, значительный общественный деятель, который оказал огромное влияние на общественную и литературную жизнь региона. Собственно вся книга А.И. Царева и раскрывает эту роль М. Шолохова. Он приводит большое количество документально подтвержденных фактов, которые показывают «величие Шолохова как гражданина своего Отечества и как Человека с большой буквы». А.И. Царев как автор мемуарной книги включил в нее личные воспоминания А.В. Кокина, А.А. Гердта, Н.М. Егорова, А.А. Тер-Маркарьяна, Ю.Р. Догадайло, В.И. Бутова, В.Б. Михайликовой, которые подтверждают многие его наблюдения и выводы о величайшей интеллигентности писателя, его гуманизме, невероятном обаянии и мощной энергетике. Автор книги убежден, что «взгляды великого писателя и сейчас служат делу прогресса, возвеличиванию Родины, помогают молодым найти правильные ориентиры в гражданском становлении личности». А.И. Царев стенографически описывает сюжеты, которые оставили «неизгладимый след в его душе». И если «расшифровать эту неизгладимость, то здесь любовь и восторг и влюбленность в Шолохова его земляков, и глубокая благодарность хозяину, который так заботливо занимается с творческой молодежью, и многое, многое другое». В книге детально описывается, как Шолохов раскрывал молодым авторам свою творческую мастерскую. Писатель давал слушателям советы, которые крайне были необходимы одаренным ребятам, «многие из них потом выросли в известных писателей и поэтов». Автор делает вывод: «во всей мировой литературе не найдется подобных примеров, когда великий писатель столько бы занимался воспитанием творческой молодежи. Занимался охотно, успешно, с любовью к тем, кто идет на смену. Он имел поддержку государства и сам считал свою задачу государственной» [15]. А. Царев указывал: «Великий писатель хорошо понимал, что именно в тот период наметились “первые, чуть уловимые ростки той заразы, которые сегодня выросли в поганые веники бездуховности, антипатриотизма и шельмования всех периодов нашей истории, особенно последнего” ... Свою тревогу он хотел передать тем, кто завтра станет взрослым и возьмет судьбу Отечества в свои руки. Делал он все по велению сердца и всегда и везде, за что ему до сих пор мстит вся пишущая мелкотравчатая “братия” и никогда не закончит свою грязную возню».

На наш взгляд, М. Шолохов был частью той интеллигенции советской России, которая, как сказал В. Кожинов, стремилась быть «посредницей» между властью и народом [16]. Конечно, М. Шолохов, чтобы ни говорили некоторые исследователи, был представителем элитного слоя советской интеллигенции и занимал особое место в отечественной культуре. Он, бесспорно, опирался на материальную базу и инфраструктуру советской культуры, имел особые бытовые условия, по крайней мере после Великой Отечественной войны. Ему был обеспечен высокий уровень потребления мировых культурных ценностей и другие льготы, которые стимулировали творчество всей советской культурной элиты. Следует помнить, что в СССР существовала государственная поддержка и отработанная система управления культурой, которая имела трехуровневый характер (партия, министерство культуры, творческие союзы). Но М. Шолохов был в определенном смысле выше этой системы. На наш взгляд, он был ведущим представителем специфического, так называемого «советского гражданского общества», со всеми свойственными ему особенностями, достоинствами, недостатками.

Десоветизация и декоммунизация российского государства привела и к деинституциализации авторитета М. Шолохова как великого писателя со всеми вытекающими последствиями. Наглядный пример тому – рассуждения такого претенциозного писателя, как М. Веллер: «Что касается Шолохова – то это официозная фигура, за которой не стоит практически ничего, кроме “Тихого Дона”. Я никогда не понимал, скажу откровенно, ценности “Тихого Дона” и никогда не считал его эпохальным произведением. Это чрезвычайно длинная книга. Формально это эпигон семейных социальных саг, заложенный еще Виктором Гюго и поднятый на другой уровень Львом Толстым. И если бы речь не шла о гражданской войне и Шолохов не выражал правильную коммунистическую позицию, и было бы другое произведение, то Шолохов, человек крайне низкого литературного дарования и крайне низких моральных качеств, был бы, в общем, никому не нужен и неизвестен. Но награды, к сожалению, очень редко даются тем, кто их реально заслуживает» [17]. Идея заключается в том, что М. Веллер как бы снимает проблему плагиата, но при этом крайне низко оценивает талант автора романа и примитивно обвиняет его в коммунистической ангажированности и личном аморализме.

Профессиональные шолоховеды убеждены в обратном: Шолохов гений русской литературы, принципиальнейший коммунист, не побоявшийся

критиковать насильственную политику Сталина в период коллективизации. Представляется, что истина как всегда где-то посередине между этими крайними точками зрения. М.А. Шолохов не был, на наш взгляд, уникальным гением, но, бесспорно, обладал высоким уровнем литературных способностей. Он каким-то образом получил в свое распоряжение многочисленные документальные и литературные источники, творчески обработал их, пропустив через свою личность, в том числе полностью написал в течение почти 10 лет заключительные части романа. В итоге был создан известный текст великого произведения. Без Шолохова романа «Тихий Дон» не было бы вообще и никогда. Мы согласны с Н. Ковыриным, который написал: «Правда “Тихого Дона” не в том, КТО написал этот роман, а в том, КАК он написан. А написан “Тихий Дон” правдиво. И в этом его неоспоримая ценность» [18]. Но на наш взгляд, этот роман не просто правдив, это величайшее творение, великолепный памятник Гражданской войне в России, который тем более величественен, что сам по себе является продуктом целой эпохи.

Нельзя снова не упомянуть, что в истории были подобные прецеденты. В частности, в современной Англии существует достаточно распространенная и весьма убедительная точка зрения, что Вильям Шекспир – в действительности был малообразованном, плохо пишущим актером, не оставившим после себя никаких рукописей. В его доме после смерти не нашли ни одной книги! Он, вероятно, не был и не мог быть настоящим автором 38 гениальных драматических произведений. Но в Лондоне никто не объявляет о срочной необходимости пересмотра вопроса об авторстве пьес, о дезавуировании личности В. Шекспира, о переоценке правления Елизаветы Первой и всей эпохи Возрождения. Эпоху и Шекспира англичане оставили в покое. ***Может быть, и мы оставим в покое Шолохова?*** Советское время навсегда ушло. Сталинизм осужден окончательно. Если Шолохов в чем-то лично виноват – пусть Господь будет ему судья.

Литература

1. *Макаров А.Г., Макарова С.Э.* К истокам «Тихого Дона» // Загадки и тайны «Тихого Дона». Итоги независимых исследований текста романа. 1974–1994. Самара, 1996. С. 195–502.

2. *Макаров А.Г., Макарова С.Э.* Цветок-Татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Федору Крюкову. М., 2001.

3. *Кузнецов Ф.Ф.* «Тихий Дон». Судьба и правда великого романа. М., 2010.

4. Правда и ложь о М.А. Шолохове. Объективное литературоведение против скандального : сб. ст. Ростов н/Д., 2002.

5. *Петелин В.* М.А. Шолохов. Энциклопедия. М., 2011.

6. *Медведев Р.А., Стариков С.Г.* Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989. 366 с.

7. *Венков А.В.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. М., 2010.

8. *Кислицын С.А., Дулимов Е.И.* Шолохов и история России. Парадоксы великого писателя. Ростов н/Д., 2005; *Кислицын С.А*. Легендарные судьбы донской истории: Шолохов, Жданов, Сырцов. Ростов н/Д., 2012.

9. *Черкашина М.* Шолохов – это псевдоним? URL: http://www.uhlib.ru/nauchnaja_literatura_prochee/sholohov_yeto_psevdonim/p1.php (дата обращения: 11.02.2016).

10. *Преображенский С.* Честное имя разведчика, ставшего лауреатом // Дуэль. 2001. 13 февр.

11. Новый Петербург. 2000. № 31.

12. Михаил Шолохов и правда о «Тихом Доне» / К 110-летию. URL: http://cccp-2.su/blog/43045923791/Mihayil-SHolohov-i-pravda-o-%C2%ABTihom-Done%C2%BB--K-110-letiyu?utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_ medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1&mid=243A55E3E236FF71E4B4B57337D65C0D (дата обращения: 11.02.2016).

13. Слово и дело. 1993. 3 февр.

14. *Татаринов А*. Скачет Быков на кентавре // Литературная газета. 2012. 23 окт. URL: http://old.lgz.ru/article/20088 (дата обращения: 11.02.2016).

15. *Царев А.И.* Великий Шолохов. Ростов н/Д., 2016. С. 45.

16. Русская интеллигенция: история и судьба. М., 1999. С. 120.

17. VIP-опрос. Шолохов или Ахматова: кто больше достоин Нобелевской премии? URL: http://diletant.media/articles/27337071/ (дата обращения: 11.02.2016).

18. *Быков Д.Л.* Советская литература. Расширенный курс. М., 2014.

References

1. Makarov A.G., Makarova S.E. [To the Origins of “Quiet Flows the Don”]. *Zagadki i tainy «Tikhogo Dona». Itogi nezavisimykh issledovanii teksta romana. 1974–1994* [Mysteries' of the “Quiet Flows the Don”. The results of the independent research of the text of the novel. 1974-1994]. Samara, 1996, pp. 195-502.

2. Makarov A.G., Makarova S.E. *Tsvetok-Tatarnik. V poiskakh avtora «Tikhogo Dona»: ot Mikhaila Sholokhova k Fedoru Kryukovu* [Thistle Flower. In Search of the Author of

"Quiet Flows the Don": from Mikhail Sholokhov to Fyodor Kryukov]. Moscow, 2001.

3. Kuznetsov F.F. *«Tikhii Don». Sud'ba i pravda velikogo romana* ["Quiet Flows the Don". The Fate and the Truth of the Great Novel]. Moscow, 2010.

4. *Pravda i lozh' o M.A. Sholokhove. Ob"ektivnoe literaturovedenie protiv skandal'nogo* [Truth and Lies about M.A. Sholokhov. Objective Literary Studies against the Scandalous] Col. of art. Rostov-on-Don, 2002.

5. Petelin V. *M.A. Sholokhov. Entsiklopediya* [M.A. Sholohov. Encyclopedia]. Moscow, 2011.

6. Medvedev R.A., Starikov S.G. *Zhizn' i gibel' Filippa Kuzmicha Mironova* [Life and Deaths of Philip Kuzmich Mironov]. Moscow, 1989.

7. Venkov A.V. *«Tikhii Don»: istochnikovaya baza i problema avtorstva* ["Quiet Flows the Don": Historical Background and the Problem of Authorship]. Moscow, 2010.

8. Kislitsyn S.A., Dulimov E. I. *Sholokhov i istoriya Rosii. Paradoksy velikogo pisatelya* [Sholokhov and History of Russia. Paradoxes of the Great Writer]. Rostov-on-Don, 2005; Kislitsyn S.A. *Legendarnye sud'by donskoi istorii: Sholokhov, Zhdanov, Syrtsov* [Legendary Destinies of Don History: Sholokhov, Zhdanov, Syrtsov]. Rostov-on-Don, 2012.

9. Cherkashina M. *Sholokhov – eto psevdonim?* [Sholokhov - a pseudonym?]. Available at: http://www.uhlib.ru/nauchnaja_literatura_prochee/sholohov_yeto_psevdonim/p1.php (accessed 11.02.2016).

10. Preobrazhenskii S. Chestnoe imya razvedchika, stavshego laureatom [Honestly Name of the Intelligence Agent who Became a Laureate]. *Duel'*, 2001, 13 Febr.

11. *Novyi Peterburg*, 2000, no 31.

12. *Mikhail Sholokhov i pravda o «Tikhom Done» / K 110-letiyu* [Mikhail Sholokhov and the truth about the "Quiet Flows the Don" / K 110 anniversary]. Available at: http://cccp-2.su/blog/43045923791/Mihayil-SHolohov-i-pravda-o-%C2%ABTihom-Done%C2%BB--K-110-letiyu?utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1&mid=243A55E3E236FF71E4B4B57337D65C0D (accessed 11.02.2016).

13. *Slovo i delo*, 1993, 3 Febr.

14. Tatarinov A. Skachet Bykov na kentavre [Bykov Rides on a centaur]. *Literaturnaya gazeta*, 2012, 23 oct. Available at: http://old.lgz.ru/article/20088 (accessed 11.02.2016).

15. Tsarev A.I. *Velikii Sholokhov* [Great Sholokhov]. Rostov-on-Don, 2016, p. 45.

16. *Russkaya intelligentsiya: istoriya i sud'ba* [Russian Intelligentsia: History and Destiny]. Moscow, 1999, p. 120.

17. *VIP-opros. Sholokhov ili Akhmatova: kto bol'she dostoin Nobelevskoi premii?* [VIP-poll. Sholokhov or Akhmatova: who is more worthy of the Nobel Prize?]. Available at: http://diletant.media/articles/27337071/ (accessed 11.02.2016).

18. Bykov D.L. *Sovetskaya literatura. Rasshirennyi kurs* [Soviet Literature. Advanced Course]. Moscow, 2014.

С.А. Кислицын, К.Г. Кумов

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-95-97

Дзидзоев В.Д., Никаев Р.М. Национальная безопасность России в условиях признания суверенитета Абхазии и Южной Осетии и гражданской войны в Украине (исторические и политико-правовые аспекты). Владикавказ, 2015. 330 с.

В последнее время обозначились новые угрозы национальной безопасности России, связанные с возможным обострением обстановки в регионе Южного Кавказа и вовлечением в вооруженное противостояние российской армии, стремлением вытеснить Россию из зоны ее военно-политического и экономического влияния в Украине, высокой активностью натовского альянса по приему в свои ряды Грузии, Азербайджана и Украины, размещением военных баз США и объектов военной инфраструктуры по всему периметру границ России, сохранением террористической опасности на Северном Кавказе. Эти обстоятельства послужили побудительным мотивом и одновременно важным стимулом для написания и издания проф. В.Д. Дзидзоевым и доц. Р.М. Никаевым научной монографии, где дан глубокий политологический и социально-исторический анализ комплекса проблем, связанных с национальной безопасностью России на современном этапе. Существующая опасность реанимации этнополитических конфликтов на Южном Кавказе и разрастания украинского кризиса делает исключительно актуальным проблему выбора надежных путей и механизма взаимодействия России со своими южными соседями и Украиной. Необходим поиск качественно новых концептуальных подходов к разрешению современных проблем национальной безопасности России: решение данной задачи представляется весьма актуальным в теоретико-методологическом, практическом и политическом отношении.

Представляемая книга состоит из введения, четырех глав и заключения. В каждой из глав содержится документальный материал, который свидетельствует о росте этнического национализма на постсоветском пространстве, превращаемом в результате усилий внешних сил в дугу нестабильности с новыми межэтническими конфликтами. Подъем национализма отчетливо наблюдался в постсоветской Грузии, когда у власти пребывали режимы З. Гамсахурдиа, Э. Шеварднадзе и М. Саакашвили. Сегодня разрушительная сила межэтнических конфликтов действует в Украине, ввергшейся в пучину вооруженного противостояния. Исследователями собран и систематизирован фактический материал о происхождении и природе территориальных и межэтнических споров, разногласий, конфликтов на Южном Кавказе и в Украине. Анализируя нынешнее положение вещей и стремясь спрогнозировать будущее развитие событий, авторы рецензируемой работы полагают, что изучение этнополитических процессов на всем постсоветском пространстве, предложение политических, экономических, дипломатических мер для предотвращения и своевременного разрешения конфликтов являются важной задачей исследователей, ученых-историков и политологов. В противном случае, подчеркивают они, вполне вероятны рост напряженности на Южном Кавказе, в Украине и в ряде других регионов.

В работе выявляется комплекс причин, вызвавших межэтническую напряженность на территории современной Грузии. Анализируются провальные моменты в национальной политике руководства еще Грузинской ССР: исторический экскурс в советское прошлое республики убеждает читателя в опасности имевшихся перегибов в национальной политике. Партийно-советские руководители Грузии не раз получали из ЦК КПСС указания исправить допущенные ошибки. Но после распада СССР праворадикальный, националистический режим Гамсахурдиа немедленно приступил к «решению» вопроса этнических меньшинств. Автономии Абхазии и Южной Осетии были упразднены путем применения военной силы, абхазы и южные осетины объявлены «пришлыми» народами, которым следовало покинуть грузинскую территорию. Авторы, занимающиеся изучением сложных и многогранных этнополитических проблем в регионе Южного Кавказа и кавказской политики России, акцентируют внимание на сложных и противоречивых аспектах проведения национальной политики в закавказских республиках и в Украине. В работе показаны последствия крайне ошибочных решений,

принятых в разные годы руководителями этих регионов в национальном вопросе, что в конечном счете привело к возникновению высокой степени напряженности в межнациональных отношениях. Наглядным примером в этом контексте является сложная этнополитическая ситуация, сложившаяся в современной Грузии. Использованные авторами документы свидетельствуют о росте национально-освободительной борьбы абхазов и южных осетин в постсоветский период. Большое внимание уделено анализу таких исторических и политико-правовых понятий, как «территориальная целостность», «право нации на самоопределение», «межнациональная напряженность», «межнациональный конфликт», «коренной народ», «суверенитет», «геноцид» и т.д. Несмотря на некоторую прямолинейность трактовки авторами отдельных понятий, вызывающих дискуссии, в целом их позиция в этих вопросах заслуживает внимания. Они попытались в научном и историческом контексте обосновать имеющиеся факты геноцида абхазов и южных осетин в постсоветской Грузии, что подчеркивает актуальность их работы, так как в нынешней Абхазии и Южной Осетии продолжается сбор документов о политике геноцида режима Саакашвили в отношении населения для дальнейшей передачи этих материалов в Гаагский трибунал.

На основе анализа многих источников в работе подчеркивается, что нежелание грузинских властей осуществить федеративное устройство страны можно квалифицировать как «концептуальную ошибку». В случае проведения конституционных реформ имелись хорошие шансы сохранить территориальную целостность Грузии, но этого не произошло. Сегодня аналогичную ошибку совершают власти Киева: они подчеркивают на всех уровнях, что Украина была, есть и всегда будет унитарной страной. Между тем территориальная целостность украинского государства де-факто уже нарушена: там третий год идет гражданская война, а на востоке и юго-востоке Украины функционируют два непризнанных государства – Донецкая и Луганская Народные Республики. Несколько лет назад была восстановлена историческая справедливость, и Крым воссоединился со своей истинной родиной – Россией. В монографии анализируется ряд моментов, связанных с национальной безопасностью России в контексте признания суверенитета Абхазии и Южной Осетии и гражданской войны в Украине.

Анализируя санкционную политику США и Евросоюза в отношении России, авторы указывают на ее негативные последствия прежде всего для слаборазвитых стран-членов Евросоюза. В современных условиях политика санкций, игнорирование западными странами тесного взаимодействия с Россией себя изживают, подчеркивают они: в настоящее время Россия независимо от того продолжает развиваться. Появление новых угроз национальной безопасности России способствовало заметной активизации российской дипломатии в мире в целом и на постсоветском пространстве в частности, включая кавказское направление. В Москве решительно заявляют о необходимости поставить ситуацию на Кавказе под совместный контроль международных сил путем эффективного использования механизма ООН, других международных организаций, т.е. должны быть мирно разрешены все межэтнические конфликты, преодолены их разрушительные последствия.

Нарушение хрупкого баланса сил в районе Большого Кавказа может привести к росту напряженности, превратить этот район в один из самых нестабильных на планете со всеми вытекающими негативными последствиями. В работе отчетливо прослеживается наличие геополитических интересов России в районе Большого Кавказа, на Ближнем и Среднем Востоке, ее готовность отстаивать свои интересы «по-хорошему», или «по-плохому». Авторы осуждают нежелание США и ЕС вести диалог с Россией на равноправной и справедливой основе: в этой связи ими приводятся исторические факты, свидетельствующие о помощи России народам Европы в их борьбе против завоевателей; среди них особое место занимает великая Победа советского народа во Второй мировой войне, что привело к освобождению многих народов Европы от нацистского ига. Таков общий лейтмотив содержания рецензируемого научного труда, имеющего право занять достойное место в исторической и политико-правовой литературе постсоветского периода.

В качестве замечаний и пожеланий можно было бы высказать следующее: во-первых, для демонстрации разрушительных масштабов гражданской войны в Украине следовало подробно раскрыть материальные убытки, понесенные страной, включая ее территориальные потери (создание ДНР и ЛНР, возвращение Крыма в состав России), раскрыть стоимость частного имущества, оставшегося у гражданских лиц; во-вторых, практически не получила отражения сложная история взаимоотношений между Россией и Украиной в постсоветский период, а этот пробел помешал еще больше обогатить ее содержание. Имеется также ряд других недостатков, но они в основном носят непринципиальный характер. В целом следует

констатировать, что научный труд В.Д. Дзидзоева и Р.М. Никаева отвечает всем требованиям научно-исследовательской работы, актуальность темы не вызывает сомнений, а содержание полностью соответствует принципам объективности и достоверности изложенного материала.

А.К. Дудайти, М.М. Бетеева

DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-97-102

Историческое место и роль города Дербента в российской и мировой истории (Кудрявцев А.А. Дербент – древнейший город России. Махачкала, 2015. 342 с.)

Книга известного кавказоведа, археолога и историка, доктора исторических наук, проф. Северо-Кавказского федерального университета, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Дагестана, академика Международной АН высшей школы, Почетного работника высшего профессионального образования РФ, Почетного гражданина города Дербента Александра Абакаровича Кудрявцева написана по материалам археологических раскопок, возглавляемых им в Дербенте на протяжении двадцати пяти лет (1970–1995 гг.). В представленной работе рассматривается возникновение и пути развития этого широко известного памятника мировой фортификации и крупнейшего торгово-экономического центра средневекового Кавказа. Посвящена она 2000-летнему юбилею города, отмеченному в сентябре 2015 г.

Изучение Дербента началось еще со времени Персидского похода Петра I в 1722 г. и продолжается с различной интенсивностью уже 300 лет, но археологические исследования не проводились, и первые стационарные раскопки были начаты только А.А. Кудрявцевым. Почти полвека назад, в 1970 г. он приступил к изучению древностей города и сформировал Дербентскую археологическую экспедицию Дагестанского филиала АН ССР (ныне Дагестанского научного центра РАН). Экспедицией был проведен огромный объем археологических работ в Дербенте и сделаны важные открытия, которые удревнили его историю на многие века. Именно материалы раскопок дали основание ЮНЕСКО в 2003 г. включить Дербент в список памятников Всемирного культурного наследия, а Президенту РФ В.В. Путину издать Указ от 21.11.2012 г. о праздновании юбилея города в 2015 г.

Книгу открывает обращение к читателю, в котором объясняется авторская позиция по узловым проблемам возникновения и формирования Дербента от первого поселения эпохи ранней бронзы (конец IV – III тыс. до н.э.) до первого в Дагестане древнеалбанского города (I в. до н.э. – IV в. н.э.). Этот город возник на базе древних поселений, совпадающих с ними территориально и развивавшихся в едином историческом пространстве. А.А. Кудрявцев аргументированно излагает свою точку зрения по вопросу изменения даты юбилея города, которая значительно отличается от широко известной и устоявшейся в историографии Кавказа. Предложенная им дата после тщательной экспертизы и обследований, проведённых в Дербенте комиссией ЮНЕСКО, была принята этой авторитетной международной организацией. По мнению Александра Абакаровича, в истории возникновения и развития Дербента досасанидского периода следует выделить три основных этапа его становления в древности. Первый этап – появление на вершине дербентского холма самого раннего поселения эпохи бронзы и дальнейшее его развитие (конец IV – III тыс. до н.э.). Второй – возникновение и развитие на базе территории поселений бронзового века крупной поселенческой структуры и мощной крепости с каменными стенами эпохи раннего железа (рубеж VIII – VII до н.э. – I в. до н.э.). Третий этап – превращение поселения эпохи раннего железа в древнеалбанский город (I в. до н.э. – IV н.э.). Этот город А.А. Кудрявцев отождествляет с древним городом Кавказской Албании – Гелдой. За археологическими принципами, положенными в основу этой монографии стоит многолетний труд, связанный с изучением истории происхождения каждой из поселенческих структур, открытых на дербентском холме.

После изложения своих позиций и ознакомления читателя с основными проблемами изучения древнейшей досасанидской истории Дербента автор рассматривает историческое место и роль Дербента в мировой истории и литературе.

Трудно переоценить значение этого крупнейшего памятника мировой фортификации в процессе контактов и взаимодействия скотоводческих племен и кочевых объединений степей Евразии с древнеземледельческими культурами и крупнейшими экономическими центрами Закавказья и Ближнего Востока. Особо подчеркивается стратегическая роль Дербентского прохода как важнейших «Ворот» Кавказа, которые использовались населением евразийских степей, начиная с эпохи бронзы и до позднего средневековья.

Значительный интерес представляет исследование А.А. Кудрявцевым обширного письменного наследия, посвященного дербентской истории древнего и средневекового периода. Это древнеиранский эпос, местные легенды и предания, сведения античных писателей, и обширные материалы сообщений арабских, персидских, сирийских, византийских, кавказских авторов, данные дагестанских исторических хроник, а также многочисленные эпиграфические надписи на стенах города и отдельных памятниках архитектуры. Весьма подробно в книге анализируются и сопоставляются работы предшественников, включающие исследования отечественных и зарубежных специалистов, изучавших различные аспекты сасанидской и средневековой истории города, написанные на базе изучения нарративных и фольклорных источников, эпиграфического материала, данных историко-архитектурных обследований.

А.А. Кудрявцев высоко оценивает научные труды своих предшественников, однако четко показывает, какое большое значение в изучении Дербента имеют археологические источники, которые до начала широких раскопок созданной им экспедиции были недоступны историкам. Они открыли новые, ранее не известные древнейшие периоды истории Дербента, содержащие обширные данные об экономическом, военно-политическом, культурном, религиозно-конфессиональном и культурном развитии города в древности и средневековое время.

Первая глава представляемой работы посвящена исследованию древнейших этапов истории Дербента, впервые выявленных автором в ходе раскопок на территории цитадели города сасанидского времени. Появляется совершенно новое направление в изучении этого города, возникшего, как считалось до начала раскопок, лишь в V – VI вв. н.э. До этого на протяжении многих десятилетий ученые спорили о времени возникновения Дербента, в основном рассматривая даты, относящиеся к VI в. н. э., а более ранние периоды даже не обсуждались. Предположение о возможном существовании каких-то укреплений в Дербенском проходе в римское время высказывала К. В. Тревер, которая опиралась на сообщение римского историка Корнелия Тацита о крупном походе, подготовленном императором Нероном к «Каспийским Воротам» (Дербентскому проходу). Однако догадка этой исследовательницы, подтвержденная значительно позднее раскопками А. А. Кудрявцева, не была поддержана большинством кавказоведов и не бралась в расчет при изучении истории Дербента. Тщательно проанализировав большой пласт древнегреческих, римских, арабских, сирийских, византийских, армянских, албанских, грузинских, дагестанских источников, А. А. Кудрявцев нашел в них много легендарных и вполне реальных данных о более ранних, досасанидских этапах истории Дербента. Ряд из них оказался в мировых шедеврах древнеиранского и тюркского эпоса, таких как «Шахнаме» Фирдоуси, «Искандер-наме» Низами Ганжеви, в сирийских христианских сказаниях об Александре Македонском, в хронике автора позднеантичного времени Ипполита Портского, и в других источниках, включая даже «Библию» и «Коран».

Легендарные сведения о глубокой древности Дербента нашли аргументированное подтверждение в многочисленных археологических материалах, ряд из которых почти дословно совпадал с данными отдельных эпических сказаний. В этом принципиальная новизна и исключительное значение представляемой книги для решения большинства дискуссионных проблем в древней и средневековой истории Северного Кавказа.

В ходе археологических исследований на вершине дербентского холма, занятого с VI в. н.э. и до настоящего времени каменной цитаделью города сасанидского периода, именуемой Нарын-калой, на глубине 9–12 м было выявлено раннеземледельческое поселение Куро-аракской культуры, которое возникло в конце IV – начале III тысячелетия до н.э. Планировка и территория этого поселения почти полностью совпадали с вышележащей цитаделью Нарын-кала, очертания которой определяла конфигурация вершины дербентского холма, выступающего подобно мысу из Джалганского хребта и окруженного с трех сторон глубокими ущельями с крутыми склонами. Автору раскопок удалось выявить в культурных наслоениях древнего поселения зерновые ямы, крупноплановые жилища с турлучными стенами и напольными очагами, характерными для

поселений Куро-аракской культуры. Были также выявлены многочисленные керамические изделия, поделки из камня, каменные топоры-молоты с желобчатым перехватом, ладьевидные зернотерки, модели колес повозки и многие другие предметы, характерные для эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа и Закавказья. Особый интерес представляют две женские керамические статуэтки с подчеркнутыми признаками пола. Такие статуэтки часто встречаются на энеолитических и раннебронзовых поселениях земледельцев Трипольской культуры, в Средней Азии и на Ближнем Востоке, но весьма редки на Кавказе. Ближайшими аналогиями являются статуэтки богини плодородия, обнаруженные на раннеземледельческих памятниках Передней и Средней Азии, Палестины, Ирана и других регионов, что позволило А.А. Кудрявцеву прийти к заключению о существовании этого культа у населения, оставившего ранние поселенческие структуры на дербентском холме.

Дальнейшее развитие территории в границах цитадели Нарын-кала, как показали раскопки, получили в эпоху раннего железа. В это время на вершине дербентского холма сформировалось крупное поселение переходного периода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (IX–VIII вв. до н.э.), продолжавшее свое существование в VII–I вв. до н.э. Выявленные в ходе археологических исследований материалы этого поселения и, обнаруженного рядом с ним могильника, позволили автору раскопок датировать время возникновения поселения в пределах IX – VIII вв. до н.э. и проследить процесс его формирования до рубежа I в. до н.э. – I в. н.э. В I в. до н.э. – IV в. н.э. это крупное поселение трансформировалось, по мнению А.А. Кудрявцева, в городской центр, который выступал одним из древних городов Кавказской Албании и самым ранним городом Дагестана.

Одним из важных результатов, достигнутых при раскопках Дербента, было открытие по фундаментам стен цитадели Нарын-кала, на глубине порой в 7–9 м стен древнейшей крепости, появившейся на дербентском холме на 1200 лет раньше сасанидской цитадели Дербента V–VII в. н.э. Стены древней крепости были возведены из местного камня – ракушечника и достигали на опасных участках мощности до 5–7 м. Почти по всему периметру цитадели стены древней крепости были построены вдоль края вершины холма и повторяют ее конфигурацию. В свою очередь, древние стены на ряде участков послужили основанием стенам цитадели сасанидского периода (Нарын-кала) и повторяли вслед за первыми, очертания вершины холма. Это позволило автору сделать убедительный вывод, что стены и древней крепости, и сасанидской цитадели были максимально приспособлены к рельефу местности. Грозная мощь каменных оборонительных сооружений дополнялась глубокими ущельями почти с отвесными стенами. Подобная максимальная приспособленность регулярных укреплений к сильно пересеченному рельефу местности была характерна и для фортификации многих древнегреческих городов. Следы крупного пожара и разрушений, выявленные в культурных напластованиях цитадели конца VIII – начала VII в. до н.э. и находки в наружном фасе древней крепости, крупного железного наконечника стрелы, характерного для памятников Закавказья и Северо-Восточного Кавказа VIII – первой половины VII в. до н.э., а также обнаружение на территории цитадели Дербента бронзовых наконечников стрел, характерных для вооружения скифов в VII–VI вв. до н.э., которые в большом количестве были найдены у стен древних городов Ассирии, Мидии, Урарту, павших в период скифской агрессии на Ближнем Востоке в VII в. до н.э., позволили А.А. Кудрявцеву сделать вывод о том, что упомянутый Геродотом поход скифов на Ближний Восток пролегал через Дербентский проход. К этому времени «Ворота», по мнению автора, уже защищала древняя крепость на холме. В донесениях ассирийских шпионов, появление скифов на Ближнем Востоке датируется началом 70-х гг. VII в. до н.э., это подвигло автора датировать древнюю крепость, контролировавшую Дербентский проход – знаменитые «Ворота» из степной Европы в Закавказье и на Ближний Восток, рубежом VIII–VII вв. до н.э. Эту древнюю крепость он считает уже «первым Дербентом», название которого на персидском языке означает «связь, замок Ворот». При исследовании культурных слоев Дербента албанского времени был сделан важный вывод о превращении мощной крепости и поселения раннежелезного века на дербентском холме в первый древнедагестанский город, который автор отождествляет с албанским городом Гелда, указанным на побережье Каспийского моря на карте античного географа Птолемея (II в. н.э.). Сюда, считает А.А. Кудрявцев, готовил свой крупный поход император Нерон, собиравшийся установить римский контроль, как писал Тацит, над «Каспийскими укреплениями».

Наряду с изучением открытых в ходе широких раскопок древнейших этапов развития Дербента,

автор подробно исследует пути формирования средневекового города в сасанидский, арабский период и время существования Дербента как самостоятельного эмирата, выступавшего наряду с Ширваном, одним из наиболее значительных феодальных государств Восточного и Северо-Восточного Кавказа.

Анализируя данные пехлевийских (среднеперсидских), арабских, албанских, армянских, грузинских, сирийских, византийских источников и местных исторических хроник, а также внушительный археологический материал из культурных слоев Дербента позднеалбанского (позднеантичного) и раннесредневекового времени автор рассматривает основные важнейшие периоды становления раннесредневекового города.

Он убедительно реконструирует основные этапы проникновения Сасанидского Ирана в Дербентский проход, а также особенности фортификационного строительства иранцев по укреплению знаменитых «Ворот». На основании известной «Накш-и Рустамской» надписи Картира на «Ка'бе Зороастра» и материалов археологических раскопок А.А. Кудрявцев делает важный вывод о первом проникновении Сасанидов в район дербентских ворот и разрушении ими существовавшего здесь древнеалбанского города Гелда в 258–260 гг. Автор связывает это проникновение с упоминаемым в «Накш-и Рустамской» надписи походом сасанидского царя Шапура I на Восточный Кавказ и к «Албанским воротам», т.е. Дербентскому проходу, через который в разгар борьбы кавказских Ашакидов (парфянская династия) с Сасанидами против персов были пропущены кочевники Северного Кавказа и Прикаспия, разорившие многие провинции Ирана.

К числу важных открытий, сделанных в ходе раскопок Дербента сасанидского периода, надо отнести выявление и исследование А.А. Кудрявцевым первых сасанидских укреплений в Дербенте. В отличие от всемирно известных каменных стен VI в. н.э., первые фортификационные сооружения Сасанидов были из сырцового кирпича с размерами, типичными для сырцовой сасанидской архитектуры Ирана и Средней Азии. Археологический материал и анализ раннесредневековых албанских и армянских письменных источников позволили автору убедительно датировать выявленную сырцовую фортификацию второй четвертью V в. и связать ее строительство с именем сасанидского царя Ездигерда II (439–457 гг.). А.А. Кудрявцев подметил конструктивные особенности первых сырцовых укреплений Дербента, установив их размеры. Им было установлено, что сырцовая стена V в., как и каменная VI в., тянулась от цитадели на вершине дербентского холма и доходила до моря, перекрывая весь Дербентский проход. В процессе раскопок удалось установить, что каменная фортификация Дербента строилась в четыре этапа: 1) цитадель и северная стена города; 2) южная стена города; 3) форты Горной стены (Даг Бары); 4) куртины Горной стены, которая тянулась, как показали исследования, на 50 км в горы. Мощность каменных стен Дербентского оборонительного комплекса достигает 2,8–4 м, сохранившаяся высота – 10–21 м. Стены укреплены мощными башнями. Протяженность северной стены – 3650 м, южной – 3500 м. В восточной части цитадели в ходе археологических исследований был выявлен крупный дворцовый комплекс сасанидского правителя Дербента с мощными каменными колоннами и парадными залами, площадь которого достигала 3000 кв. м.

В VII в. Дербент был завоеван арабами, которые наследовали архитектурно-строительные и культурные традиции Сасанидов и превратили город в крупнейший военно-политический, административный, религиозный, а с IX в. и торгово-экономический центр на Кавказе. В книге подробно рассматриваются вопросы, связанные с проникновением ислама и заселение города арабскими переселенцами из центральных провинций Арабского халифата. Первые арабские отряды появились у стен Дербента уже в 642 г., т.е. сразу после крушения Сасанидского Ирана. В работе показана особая геополитическая роль Дербента и специфические взаимоотношения, сложившиеся у местного населения с завоевателями, которые сохранили многие христианские святыни города (кроме главного базиличного храма, перестроенного в соборную мечеть), в том числе дворец каталикоса Кавказской Албании, резиденция которого находилась до середины VI в. в Дербенте. Немусульманское население города в VII–VIII вв. не платило «джизию» – обязательный подушный налог с иноверцев в мусульманских странах. Многочисленные археологические материалы и данные письменных источников наглядно свидетельствуют об особом положении, занимаемом Дербентом в Арабском халифате и о его роли крупнейшего исламского центра халифата в защите северных границ государства. Высокое положение арабского наместника Дербента четко зафиксировано данными арабских и местных источников, а также материалами раскопок,

проведенных автором в цитадели-резиденции арабских наместников. В восточной части цитадели был открыт крупный дворцовый комплекс площадью более 1000 кв. м с богатым интерьером и оформлением парадных помещений пышной росписью. Среди выявленных находок отмечено большое количество дорогостоящего импорта и предметов роскоши.

Распад арабского халифата в конце IX – начале X в. способствовал возникновению на Кавказе, как и в ряде других регионов, самостоятельных государств, в числе которых оказался Дербент. На Восточном и Северо-Восточном Кавказе сложилось два наиболее значительных мусульманских государств – Ширван и Дербент, правители которых вели между собой ожесточенную борьбу за первенство в регионе.

В этот период интенсивное развитие Дербента и входящих в состав Дербентского эмирата «исламских центров» и сельскохозяйственных поселений характеризировалось острыми военно-политическими и социальными потрясениями, связанными с дербентско-ширванскими противостоянием, столкновениями интересов дербентских и горских феодальных правителей. Кроме того автор отмечает и ожесточенные внутрисословные противоречиями городской знати и феодальной верхушки с дербентскими эмирами, которые активно использовали в своей борьбе и ширваншахов, и дагестанских феодалов, и городской люд, и даже наемников- русов. Материалы приводимой А.А. Кудрявцевым уникальной дербентской хроники «Тарих Баб ал-абваб», написанной в Дербенте в XI в., свидетельствуют, что в своей борьбе с крупными городскими феодалами, эмиры Дербента нередко опирались на немусульманских правителей Дагестана, а иногда и на иноверцев-русов, составлявших гвардию эмиров.

Отражение этих острых военно-политических и социальных противоречий в Дербенте в X–XIII вв. автор находит в появлении дополнительных поясов обороны цитадели города. Это было связано с тем, что на юге защищенные территории халифата с X в. сменил враждебный Ширван, а в верхней части города сформировались богатые кварталы городской знати, всячески стремившиеся ограничить власть эмиров.

Еще одним ярким подтверждением ожесточенной внутрисословной борьбы дербентских эмиров с местной феодальной верхушкой, именуемой в источниках «раисами», может служить выявленная А.А. Кудрявцевым в процессе раскопок в цитадели, смена территориального расположения дворцовых комплексов. В X–XIII вв. они были перенесены из безопасной ранее восточной части цитадели в северо-западную, наиболее опасную в древности и в сасанидский период, так как основная опасность грозила с севера со стороны степей. Здесь были раскопаны два комплекса дворцовых сооружений, относящихся к X – началу XII в. и к XII – середине XIII в. Сложная многокомнатная планировка комплексов, богатство интерьеров и многочисленный археологический материал, включающий дорогостоящие украшения и туалетные принадлежности, иранскую кашановую и люстровую посуду, прекрасно расписанный китайский фарфор и фаянс, китайские блюда и чаши, изделия из слоновой кости и сирийского стекла не оставляют сомнения в очень высоком социальном статусе обитателей этих комплексов.

Важным направлением, которое на основании комплексного изучения источников удалось определить, является проблема путей формирования и развития исторической топографии средневекового восточного города вообще и крупного кавказского города в частности. Древние и средневековые города Кавказа изучены пока весьма неравномерно и с недостаточной полнотой, особенно это касается северокавказского города, что обусловлено целым рядом причин. Дербент относится к числу тех немногих городов, где процесс возникновения и формирования, благодаря многолетним раскопкам А.А. Кудрявцева, изучен достаточно широко и весьма успешно. Прекрасная сохранность городских стен и цитадели Дербента позволяла проводить довольно успешные историко-архитектурные обследования, а многочисленные нарративные и эпиграфические источники давали основания предполагать основные направления формирования его городской структуры и застройки. Однако довольно многочисленные предположения и гипотезы о путях формирования этого города, сделанные на основании анализа письменных источников, порой очень крупными специалистами, оказались ошибочными. Так, предположение о том, что до X в. у Дербента отсутствовала цитадель, т.е. город не имел одну из главных частей своей городской структуры, оказалось неверной. Раскопки выявили не только слои и многочисленные сасанидские материалы VI–VII вв., но и неизвестные ранее пехлевийские надписи V–VI вв. Были открыты цитадель, сооруженная из сырцового кирпича V в., а также древняя крепость рубежа VIII–VII вв. до н.э. Археологические исследования отчетливо выявили двухчастную структуру Дербента в раннем средневековье. В V – начале

VIII вв., он, подобно многим домусульманским городам Ближнего и Среднего Востока, Кавказа и Средней Азии, состоял из двух основных частей городской структуры: цитадели (персид. – кухендиз) и собственно города (персид. – шахристан). С VIII в., подобно всем средневековым городам мусульманского Востока, Дербент превратился в трехчастный город, состоявший из цитадели (арабск. – кала), собственно города (арабск. – медина) и торгово-ремесленного пригорода (арабск. – рабад). Однако в отличии от большинства средневековых мусульманских городов Ближнего Востока, Средней Азии и Кавказа, торгово-ремесленный пригород – рабад в Дербенте возник не на новой территории за пределами стен шахристана, а на большом незастроенном пространстве площадью около 150 га между южной и северной городскими стенами, протянувшимся параллельно от цитадели до моря. Городской шахристан сасанидского периода, как показали раскопки, продолжал развиваться и в VIII–XIII вв., превратившись в привилегированную часть средневекового Дербента, это его отличает от многих мусульманских городов, где шахристан после VIII в. приходил в запустение, а жизнь перемещалась в рабады.

Актуальным и важным разделом книги представляется глава, посвященная изучению основных этапов становления экономики феодального Дербента, а также периодизации развития ремесленного производства города VI – середины XIII в. На огромном фактическом материале, накопленном за многие годы раскопок, автор показывает пути экономического развития феодального Дербента, выделяет основные этапы его экономического становления и исследует причины успешной трансформации крупнейшего военно-политического и административного центра средневекового Кавказа в развитый торгово-ремесленный город, широко известный на мусульманском Востоке и в наиболее значительных государствах Юго-Восточной, Восточной и Северной Европы.

В средневековой арабской литературе IX–XIII вв. Дербент предстает как один из крупнейших торговых центров региона и известнейший порт на Каспийском море, куда в большом количестве прибывают торговые корабли из Табаристана, Дейлема, Джурджана, Ширвана, Гиляна, Абаскуна и других мест. Подводные археологические исследования акватории дербентского средневекового порта, проводимые в 80–90-е гг. XX в. А.А. Кудрявцевым со специалистами-подводниками из Москвы, Санкт-Петербурга, Стокгольма и Кальмара (Швеция), дали богатый материал, подтвердивший сообщения известных арабских историков и географов. Было установлено, что городские стены Дербента продолжались в море на 500 м и очень напоминали по своей конфигурации планировку дербентского средневекового порта, описанного арабскими авторами IX–XII вв.

Книга А.А. Кудрявцева написана хорошим литературным языком, прекрасно иллюстрирована многочисленными цветными и черно-белыми фотографиями и рисунками с видами фортификационных сооружений Дербента и его разнообразных памятников, а также большого количества артефактов. Она представляет значительный интерес не только для археологов, историков, востоковедов, но также и для широкого круга читателей, интересующихся историей своей страны.

В.П. Копылов

DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-102-105

Социальная ответственность российского бизнеса в сфере культуры (Крамарова Е.Н. Меценатство на Юге России: форма реализации социальной ответственности бизнеса / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2015. 156 с.)

Различные формы благотворительности и филантропии, включая меценатство, в современном мире являются индикаторами зрелости гражданского общества и одновременно цивилизованности бизнеса, проявлением его социальной ответственности. В Российской Федерации выход из системного постсоветского кризиса идентичности видится в укреплении духовной и социокультурной безопасности страны, значение которой возрастает в условиях глобальной нестабильности экономической и социально-политической ситуации. Обострение отношений с Западом,

санкционные войны против России актуализируют проблему консолидации российского общества на основе интегрирующих социокультурных ценностей и смыслов, что является важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности. Задача формирования и укрепления полиэтничной российской политической нации, интеграции и консолидации российского общества четко сформулирована в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. Она предусматривает как развитие многообразия культур народов России, так и, что еще более важно, общероссийских социокультурных ценностей. Традиционно ведущую роль в этом процессе играет политика государства в сфере культуры и межнациональных отношений, но при этом далеко не в полной мере учитываются возможности институтов гражданского общества и бизнеса.

В рецензируемой монографии меценатство концептуализировано как социальный институт и форма социальной ответственности бизнеса. Заслуживает внимания предложенное автором социологическое определение меценатства как «социального явления, выражающегося в поддержке частными лицами и бизнес-структурами сферы культуры, науки и образования, осуществляемого в различных формах и оказывающего влияние на характер социальных отношений».

В науке и бизнес-сообществе существуют различные подходы к пониманию социальной ответственности бизнеса как в экономически развитых странах, так и в России. Автор достаточно подробно рассматривает эти концепции. Заслуживает поддержки позиция автора, что в Российской Федерации, которая по Конституции позиционирует себя социальным государством, неолиберальные трактовки социальной ответственности, ограничивающие себя только задачами эффективности производства, получения прибыли и решением социальных проблем своих работников, являются малопродуктивными и неприемлемыми.

Российский бизнес заинтересован в социальной и межнациональной стабильности как необходимом условии своего развития, улучшения инвестиционного климата.

Достичь этого невозможно без укрепления общенациональной системы ценностей и социокультурной целостности общества, при гарантиях культурной безопасности, возможности воспроизводства всех этносоциумов России.

Одной из важных форм социальной ответственности бизнеса в сфере культуры, доказывает автор, выступает меценатство. В книге процесс реинституционализации меценатства в современной России рассматривается как еще не завершенный и не системный.

Проанализировав различные типологии меценатства, предложенные в научной литературе, автор предлагает собственную типологию на основе мотивации и цели, преследуемой меценатом. В результате современный этап развития меценатства рассматривается как конгломерат различных моделей, форм и организационных структур, в том числе имитирующих меценатство, скрывающих коррупционные и криминальные интересы.

Заслугой автора является категоризация института меценатства как вида государственно-частного партнерства в российском обществе. Вмешательство чиновников в культурный процесс часто оказывается некомпетентным и неэффективным, что вызывает недовольство не только творческой интеллигенции, креативного класса, но и значительной части общества, у которой существует стойкое неприятие государственного патернализма. С другой стороны, бизнес, имея возможность и желание поддерживать развитие культуры и сохранение культурного наследия в регионе или в стране в целом, не может самостоятельно определиться с приоритетами меценатской деятельности.

Государственно-частное партнерство, как убедительно показано в работе, обладает значительным потенциалом в расширении возможностей меценатства как формы социальной ответственности бизнеса, но пока оно реализуется, несмотря на отдельные позитивные практики, недостаточно эффективно.

Нельзя не согласиться с выводами автора о том, что одна из основных причин такой ситуации – проблема низкого взаимного доверия в системе отношений общество – бизнес – государство. Государство не доверяет благотворительной, в том числе меценатской, деятельности бизнеса, абсолютизируя факты квазимеценатской деятельности (уклонение от налогов, отмывание криминальных доходов, поддержка оппозиции и т.п.). Бизнесмены подозревают в инициативах чиновников попытку переложить на предпринимателей выполнение задач государственных структур или латентную форму вымогательства. В обществе сильны предрассудки по поводу предпринимательской деятельности, легальности прибыли и мотивов меценатской деятельности.

Состояние социального недоверия в российском обществе сказывается на медленном формировании правовой базы меценатства в России. В

предыдущих работах [1] автор подробно анализирует противоречия нормативно-правовых актов, регулирующих меценатскую деятельность и благотворительность в постсоветский период, дискуссии в литературе по выработке проекта соответствующего закона, растянувшейся на 15 лет. В рецензируемой книге он указывает на положительный потенциал ФЗ «О меценатской деятельности» (04.11.2014 г.), но справедливо отмечает, что данный закон нуждается в конкретизации в дополнительных нормативно-правовых актах, принятие которых вновь затягивается.

Хотя в советский период меценатство в связи с ликвидацией частной собственности и класса предпринимателей отсутствовало, но в предыдущие века оно прошло длительный исторический путь. История меценатства в России анализируется в работе с точки зрения формирования социокультурных оснований его институционализации. Автор выделяет четыре этапа формирования меценатства: 1. IX – XVII вв. – своего рода протомеценатство, когда оно было неотделимо от благотворительности (как форма служения Богу, а также долг перед монархом); 2. XVIII – начало XIX в. – под влиянием европеизации меценатство отделяется от благотворительности; 3. Вторая половина XIX – начало XX в. – институционализация меценатства на основе его индивидуализации, регионального и имперского патриотизма и культурного национализма при сохранении религиозной мотивации; 4. 1917 – конец 20-х гг. – затухание и последующая деинституционализация меценатства. Исторически сложившиеся социокультурные основания меценатства стали одним из факторов его реинституционализации в Российской Федерации.

Значительная часть монографии посвящена современным институциональным практикам меценатства на Юге России. Как и в России в целом, они достаточно многообразны, но не системны. Автором собран и обобщен значительный фактический материал о меценатстве на Юге России. На его основе показана значительная роль меценатов по сохранению и развитию культурного наследия народов Юга России, что наряду с несомненной позитивной ролью закрепляет ее этноцентричные подходы, обладающие негативным потенциалом в сфере межэтнических отношений. В то же время автор приводит данные о деятельности меценатов, которые поддерживают те процессы в культурной жизни Юга России, которые формируют и укрепляют общероссийские национальные ценности и смыслы, цементирующие единство и консолидацию российского общества (фестивали, интегрирующие культурные, научные и образовательные акции и т.п.). В этом отношении значительным потенциалом обладает кавказоведение [2].

Потенциал меценатства на Юге России не реализуется более эффективно, как и в стране в целом, из-за несформированной правовой базы, состоянием доверия/недоверия в региональных социумах. В книге на фактическом материале проанализированы институциональные практики меценатства на Юге России. Показано, что они направлены, с одной стороны, на сохранение и развитие историко-культурного наследия и развития на его базе этнических культур народов Северного Кавказа, с другой – на укрепление общероссийских социокультурных ценностей и смыслов, что является важным фактором укрепления межнационального согласия и консолидации российского общества.

В большинстве случаев меценатская поддержка носит эпизодический характер. Количество благотворительных фондов в регионе, осуществляющих деятельность в сфере образования и культуры, не соответствует возможностям бизнеса и потребностям общества.

Наблюдения и выводы Е.Н. Крамаровой находят подтверждение и дополнительную аргументацию в оценках, полученных в результате экспертного интервью. Все эксперты из различных городов ЮФО и СКФО признают значение меценатства как социального института для сохранения культурного наследия и развития культуры регионов и России в целом. Но одновременно отмечают, что процесс реинституционализации меценатства не завершен. Значительная часть регионального бизнеса не осознает своей социальной ответственности в сфере культуры, что определяется его недостаточной зрелостью, сложной социально-экономической ситуацией и нерешенностью правовых аспектов.

Труд Е.Н. Крамаровой не исчерпывает темы (большего внимания, например, заслуживает современное меценатство в духовно-религиозной сфере, где, представляется, достигнуты наибольшие успехи), но расширяет проблематику и операционализирует исследование меценатства и других форм филантропии в современном обществе.

Литература

1. *Крамарова Е.Н.* Правовые аспекты институционализации благотворительности и меценатства в Российской Федерации // Философия права. 2012. № 3(52). С. 126–130.

2. *Крамарова Е.Н., Черноус В.В.* Кавказоведение: роль в процессе реинтеграции, становления российской гражданской идентичности и потенциал бизнеса // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3(79). С. 82–89.

References

1. Kramarova E.N. Pravovye aspekty institutsionalizatsii blagotvoritel'nosti i metsenatstva v Rossiiskoi Federatsii [Legal Aspects of the Institutionalization of Charity and Philanthropy in the Russian Federation]. *Filosofiya prava,* 2012, no 3 (52), pp. 126-130.

2. Kramarova E.N., Chernous V.V. Kavkazovedenie: rol' v protsesse reintegratsii, stanovleniya rossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i potentsial biznesa [Caucasus Sciences: Role in the Integration Process, the Development of Russian Civil Identity and Business Potential]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza,* 2014, no 3(79), pp. 82-89.

М.Г. Магомедов

DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-105-106

Аникеев А.А., Линц И.И. Развитие образования на Ставрополье: конец XVIII – начало XXI в. Пятигорск; Ставрополь, 2016. 446 с.

Сегодня изучение развития образования в России превращается в первостепенную задачу. Череда перманентных реформ в последние десятилетия в этой сфере пока не позволила существенно повысить качество образования в стране. Группа ставропольских ученых и педагогов под руководством проф. А.А. Аникеева и проф. С.И. Линца поставили задачу проанализировать развитие этой важной отрасли в Ставропольском крае.

Авторы рецензируемой работы изучили эволюцию образования в регионе с момента освоения края, т.е. с конца XVIII в. до наших дней. При этом в первую очередь уделялось внимание традициям, методам реформирования на разных исторических этапах и путям совершенствования образования в современных условиях.

На Ставрополье с его многоукладным и разноуровневым характером развития накоплен уникальный опыт постановки дошкольного, общего школьного, среднего профессионального, а также высшего образования, в частности духовного образования и воспитания, билингвистического образования горских народов, предуниверситетские классы и губернаторские сочинения, центры развития детей, разнопрофильные школы, включая суворовские и кадетские училища, первые ученические бригады, посты патриотического воспитания, многоуровневая система подготовки бакалавров и магистров и др.

Монография является первым опытом обобщения развития образования в крае и состоит из введения, трех глав, заключения, списков источников и литературы. Строится на основе анализа документов из центральных (ГАРФ) и местных архивов (ГАСК, ГАНИСК), сборников опубликованных документов, методических материалов и статистических справочников, прессы и ресурсов Интернета.

В историографическом очерке анализируются труды организаторов и просветителей Ставропольской губернии: К.П. Яновского, Я.М. Неверова, В.А. Вагнера, Г.К. Прозрителева и др. Историю Кавказской духовной семинарии – первого специального учебного заведения на Северном Кавказе (1846 г.) составил М.А. Моздор. Всесторонне изучил педагогическую деятельность Я.М. Неверова – директора ставропольской мужской гимназии выпускник магистратуры СКФУ М.С. Коршунов. Серьезное исследование школьного образования в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX – начале XX в. провел Д.С. Ткаченко. Отдельные этапы развития образования в советское время осветили И.О. Руденко, С.И. Гореславский, И.Г. Демченко, Е.В. Кулишина, Т.Н. Гонтарева, В.В. Макаев, А.В. Беляев и др.

Оставили научное обобщение своей деятельности на посту руководителей краевого отдела народного образования (ныне Министерство образования и молодёжной политики СК) А.Е. Шабалдас, Н.И. Бутенко, А.Ф. Золотухина, Е.Н. Козюра. Участие интеллигенции Ставрополья в развитии образовании изучали Л.Л. Редько, Н.Д. Судавцов. Общетеоретические аспекты затрагивали в своих работах Т.А. Булыгина, Е.А. Абулова и др.

Теоретико-методологической основой работы стали принципы историзма и научности, которые позволили раскрыть основные этапы развития образования в регионе, их особенности и трудности. Значительными возможностями обладают в изучении образования и воспитания междисциплинарный и историко-антропологический подходы.

Глава первая «Дошкольное воспитание и образование на Ставрополье», написанная И.А. Малашихиной, И.Ю. Соколовой, Т.В. Поштарёвой,

освещает дошкольное воспитание в Кавказской дирекции (XIX в.), в советский период, развитие вариативных форм дошкольного образования в 90-е гг. и систему дошкольного образования и воспитания в наши дни. Как установили авторы, первые детские учреждения стали создаваться в России еще при Петре I. Именным указом от 4 ноября 1715 г. начали организовываться заведения для «зазорных младенцев», т.е. детей, оставшихся без призрения родителей. Такие учреждения были созданы в Москве, Петербурге, Воронеже и других городах. На Северном Кавказе первые воспитательные дома стали формироваться позже, в ходе хозяйственного освоения края. С 1828 г. вместо домов для сирот и подкидышей стали создаваться приюты для детей различных сословий, которые содержались на благотворительные взносы и пожертвования (с. 17–18).

Во второй главе «Развитие школьного образования и воспитания на Ставрополье», подготовленной О.И. Шафрановой, О.Н. Неженцевой, Д.С. Ткаченко, Е.Н. Букреевой, И.Н. Микулан, К.А. Ушмаевой, А.В. Беляевым, Е.В. Степановым, В.Н. Гуровым, Л.П. Погребняк, Т.П. Романенко, реконструируется возникновение и развитие школьного образования в первой половине XIX в. до 1917 г., создание советской системы обучения и воспитания, состояние школьного дела и педагогики после Великой Отечественной войны, реформы школьного образования в 60–80-е гг., проблемы обучения учащихся в 90-е гг. и актуальные вопросы школьного образования в начале XXI в.

Значительное внимание авторы уделили деятельности Ставропольской мужской гимназии, открытой в 1837 г. императором Николаем I. В этом учебном заведении широко применялись прогрессивные формы обучения и воспитания: формировались университетские классы, писались губернаторские сочинения, многие выпускники направлялись на обучение в Московский университет. Из стен гимназии вышли К.Л. Хетагуров, А.-Г. Кешев и другие просветители народов Северного Кавказа (с. 129–130).

Третья глава «Начальное и среднее профессиональное образование на Ставрополье», написанная Н.Д. Судавцовым, Е.Ю. Любушкиной, Г.Н. Каменевой, Н.А. Леоновой, Л.В. Печаловой, Е.В. Карагодиным, А.С. Нестеровым, показывает зарождение профессионального образования в Ставропольской губернии в XIX – начале XX в., становление советской системы начального и среднего профессионального образования, подготовка рабочих кадров в годы Великой Отечественной войны, восстановление и развитие этой отрасли образования с 1945 по 1980 г., а также состояние начального и среднего специального образования в постсоветской России.

Авторы собрали и проанализированы большой фактический материал о развитии технических, медицинских, педагогических, торговых кадров начального и среднего звена на разных этапах истории Ставрополья. Основные выводы не вызывают возражения, включая причины распада системы начальной профессиональной подготовки в 90-е гг. (с. 401–402).

В заключении исследователи сосредоточили внимание на наиболее острых вопросах состояния образования в крае в наши дни. Среди них, во-первых, после реформирования факультета дошкольного воспитания в СГУ и преобразования Ставропольского педучилища в педагогический институт в крае стала созревать проблема нехватки квалифицированных воспитателей в детских садах. Попытка заменить их работниками, прошедшими дополнительную квалификацию, не может решить эту проблему. Поэтому наряду с завершением программы строительства дошкольных учреждений надо срочно решать вопрос расширения подготовки специалистов по дошкольному и инклюзивному образованию и воспитанию.

Второй, не менее острой, проблемой на Ставрополье является восстановление системы начального профессионального образования, которая распалась в 90-е гг. В крае совместно с бизнес-сообществом необходимо открывать учебные заведения по подготовке рабочих профессий: слесарей, токарей, электриков, каменщиков, штукатуров и др.

Третьей назревшей проблемой авторы считают деформацию системы высшего педагогического образования. С 60-х гг. учителей готовили в основном педагогические институты с пятилетним сроком обучения. Однако в 90-е гг. в связи с переходом на Болонский процесс педагогические институты в регионе были сокращены и переведены на четырехгодичное обучение. Педагогическая общественность решительно настаивает на переводе пединститутов в 5-летний специалитет или педагогические университеты с правом открытия магистратур для подготовки учителей-предметников старших классов и будущих руководителей школ и системы образования в крае.

В связи с тем, что книга носит очерковый характер, часть вопросов многогранного процесса обучения и воспитания только поставлена, будет полезным 2-е дополненное издание данной работы.

В.Ф. Покасов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-107-108

II Международная научно-практическая конференция «Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики» (г. Ростов-на-Дону, 14–15 апреля 2016 г.)

Конференция, организованная кафедрой мировой экономики и международных отношений (МЭ и МО) экономического факультета Южного федерального университета (ЮФУ) собрала 120 ученых и представителей бизнеса из России и 9 стран дальнего зарубежья и СНГ.

Выбор тематики конференции определен актуальностью рассмотрения научных и практических аспектов политики обеспечения конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобализации и перспектив экономического сотрудничества в рамках международных интеграционных объединений. Тенденции сохранения признаков глобальной рецессии нацеливают на решение задач реализации конкурентных преимуществ государств мира посредством их участия в региональных интеграционных объединениях, в силу чего значительный научный интерес и оживленную дискуссию на конференции вызвало обсуждение стратегии повышения конкурентоспособности национальных экономик стран-участниц и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включая актуальные проблемы функционирования евразийского пространства.

Пленарное заседание конференции открыла декан экономического факультета ЮФУ *Е.В. Михалкина,* которая отметила, что международные мероприятия являются традиционными для факультета, а география их участников постоянно расширяется. Президент Таганрогской межрайонной торгово-промышленной палаты *А.Н. Амерханов* подчеркнул важность выработки практических рекомендаций для повышения эффективности внешнеэкономической деятельности РФ и ее регионов.

В выступлении д.э.н., проф. кафедры МЭ и МО экономического факультета ЮФУ *Т.В. Ворониной* выдвинуто предположение, что в асимметричном экономическом союзе ухудшение макроэкономической ситуации в доминирующей стране влечет ухудшение в экономическом положении и ее партнеров по интеграции. Внешние шоки (спад в мировой экономике, снижение мировых цен на нефть, антироссийские санкции и ответные действия РФ) и замедление темпов роста российской экономики обусловили для стран ЕАЭС снижение темпов роста ВВП и доходов национальных бюджетов, изменения в валютной политике, девальвацию национальных валют, снижение доходов от трудовой миграции и сокращение объемов взаимной и внешней торговли государств ЕАЭС.

Д.э.н. *Д.Б. Кувалин,* заместитель директора по научным исследованиям Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва), остановился на итогах второго года исследований в рамках франко-российского проекта «Адаптация французского бизнеса в России: проблемы, методы, достижения», финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и французским Фондом «Дом наук о человеке» (FMSH) и посвященного изучению деятельности французских предприятий в России. Докладчик подчеркнул, что по результатам опроса французских компаний: 1) ни одна из них не собирается уходить из России; 2) французские предприятия, как и их российские коллеги, показывают высокий уровень гибкости в части адаптации к различным проблемам, возникающим при работе в России; 3) французские предприниматели и менеджеры дают высокую оценку российским работникам, которые мотивированы, хорошо обучены, конкурентоспособны.

Элен Клеман-Питио, PhD, экономист-исследователь Центра исследований моделей индустриализации при Высшей школе социальных наук (Париж, Франция), приглашенный проф. Сочинского государственного университета, в рамках модели конкурентоспособности обосновала теоретическую концепцию жизнеспособности, показала на положительном примере Франции в качестве экономического приоритета российского государства необходимость развития внутреннего туризма, в том числе для Юга России – водного туризма.

Проблемы стратегии и условий реализации регионально-отраслевой конкурентоспособности на примере АПК Юга России рассмотрены в докладе *Н.Н. Евченко,* д.э.н., проф. кафедры МЭ и МО эко-

номического факультета ЮФУ. Докладчиком сделаны выводы о расширении объемов данного экспортного сектора региональной экономики и необходимости разработки мер, позволяющих использовать инструменты господдержки для производителей конкурентоспособных товаров, а не посредников – транснациональных компаний.

Л.И. Дмитриченко, д.э.н., проф., зав. кафедрой Донецкого национального университета осветила структурно-инвестиционный аспект конкурентоспособности экономики в рамках проблем глобализации на примере теоретических мифов и экономических угроз. По мнению докладчика, глобализация – объективный процесс, который усиливает взаимосвязи и взаимозависимости государств мира. Извлечение из глобализации максимально возможной для национальной экономики выгоды требует принятия во внимание ее позитивных и негативных сторон, умения приспосабливаться и учитывать тенденции в национальных стратегиях.

Н.И. Хромов, д.э.н., проф., зав. кафедрой Донецкого национального университета посвятил выступление концепции человеческого развития в системе критериев эффективности национальной экономики.

Сотрудники Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан) – д.э.н., проф. *Д.М. Мадиярова*, к.э.н., и.о. проф. *М.О. Рыспекова*, м.н.с. *Ф.К. Хаитбаева* представили коллективное видение научного и инновационного потенциалов в контексте конкурентоспособности Республики Казахстан. По их мнению, недостаточное финансирование научного сектора не позволяет повысить уровень наукоемкости экономики, в РК отсутствует наукоемкий сектор, обеспечивающий спрос на разработки казахстанских исследователей, не разработана пока эффективная система мер стимулирования спроса на науку. Со стороны государства необходима поддержка отечественной науки, а государственный заказ должен оставаться источником финансирования фундаментальных и прикладных исследований.

K. Kanellopoulos, Ass. Prof., Webster University, Athens акцентировал внимание на проблемах банковской системы Греции в условиях финансового и бюджетного кризисов. Для стимулирования иностранных инвестиций следует повышать прозрачность инвестиционных предложений (по инфраструктуре и энергетике, за счет ЕС), уделять внимание региональному экономическому сотрудничеству. Финансирование (при поддержке ЕС) предпринимательской деятельности должно быть главным приоритетом при создании или расширении бизнеса в Греции. Новые инвестиции должны быть направлены не только в «традиционные» для Греции отрасли (судоходство, туризм), но и в новые сектора, которые формируют человеческий капитал и технологические инновации.

G. Todorova, PhD, Ass. Prof., «Vasil Levski» National Military University, Veliko Turnovo, Bulgaria отметила, что возобновляемые источники энергии являются одним из основных ресурсов для формирования устойчивой и «зеленой» экономики. Сотрудничество Болгарии в данной области, считает автор доклада, необходимо развивать и с Европейским Союзом и с Российской Федерацией в целях обеспечения более высокого уровня жизни всех государств.

Доклад к.э.н., доц. кафедры МЭ и МО ЮФУ *Е.М. Мартишина* был посвящен эволюционно-генетическим факторам повышения конкурентности хозяйственного механизма. Социально-экономическую модель России автор охарактеризовал как избыточно консервативную, отрицательно влияющую на потенциал конкурентности страны.

В выступлении к.э.н., доц. кафедры МЭ и МО ЮФУ *А.Б. Яценко* основное внимание было уделено позитивному и негативному влиянию миграционных процессов на экономику стран ЕС. Миграционный коллапс в Европе – это результат непродуманной миграционной политики, поэтому странам ЕАЭС необходимо учитывать данный опыт при разработке эффективной политики в сфере миграции.

К современным тенденциям интернационализации экономики Грузии привлек внимание *Ш. Шабуришвили,* Doctor of Economics, Ass. Prof., Tbilisi State University. Либерализация внешнеэкономической политики способствовала углублению интеграции Грузии в мировые экономические процессы. К важным тенденциям современной внешнеэкономической политики Грузии автор относит подписание соглашения об ассоциированном членстве между ЕС и Грузией, возобновление торговых отношений с Россией.

К.э.н., доц. *Ф.Ф. Багарян* и к.э.н., асс. *С.А. Парсян* Государственного экономического университета Армении обратили внимание на роль сервисных новаций в повышении конкурентоспособности национальной экономики.

15 апреля 2016 г. в рамках конференции на экономическом факультете ЮФУ совместно с Таганрогской межрайонной Торгово-промышленной палатой был проведен Международный круглый стол «Проблемы и перспективы международного взаимодействия стран в рамках Организации черноморского экономического сотрудничества», приуроченный к председательству РФ в Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) в 2016 г.

Т.В. Воронина, Н.Н. Евченко

DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-109-110

Архитектурное образование как интегративная образовательная область. Региональный научно-методический семинар ЮФУ «Инновации в начальном (1–2 курсы) архитектурном образовании» (г. Ростов-на-Дону, 24 февраля 2016 г.)

Современное отечественное профессиональное образование, развиваясь в инновационном режиме, решает широкий комплекс организационных, теоретических и методических задач, определяющих как эффективность профессиональной деятельности преподавателей, так и качество профессиональной подготовки студентов.

Различные аспекты опыта этой работы стали предметом обсуждения на Региональном научно-методическом семинаре Южного федерального университета «Инновации в начальном (1–2 курсы) архитектурном образовании» 24 февраля 2016 г. В работе семинара приняли участие представители образовательных учреждений Южного региона, осуществляющих подготовку архитекторов, и взаимодействующих с ними организаций, включенных в этот процесс. Среди них Академия архитектуры и искусств ЮФУ (Ростов-на-Дону), Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар), Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Владикавказ), Краснодарский аграрно-строительный техникум, Академия психологии и педагогики ЮФУ (Ростов-на-Дону), Южный градостроительный центр (Ростов-на-Дону).

Содержательное ядро семинара составили вопросы междисциплинарного, межкафедрального, межведомственного взаимодействия и обмен опытом решения частных задач архитектурной подготовки. Открывая работу семинара, его организаторы обозначили необходимость, возможности и проблемы интеграционных взаимоотношений в процессе архитектурного образования. Проректор по организации проектной деятельности в сфере общественных коммуникаций С.А. Дюжиков отметил важность семинара для интеграции регионального взаимодействия. И.о. директора Академии архитектуры и искусств ЮФУ доц. Н.В. Чемерисова определила семинар как средство перевода междисциплинарной методической работы в новый формат. Заведующая кафедрой основ архитектурно-художественного проектирования доц. Л.В. Карташева, охарактеризовав этапы начальной архитектурной подготовки, привела перечень учебных дисциплин и их отдельных областей, реализуемых в образовательных программах ЮФУ, обладающих возможностями междисциплинарного взаимодействия с дисциплинами архитектурно-художественного образования. Председатель учебно-методического совета ЮФУ доц. С.В. Бедрединова обратила внимание на проблемы организационного и психологического характера, сопровождающие междисциплинарное сотрудничество. К первой ею отнесены изменения характера профессиональных взаимоотношений, внедрение в инновационную деятельность разнообразных глобальных проектов, несогласованность учебно-методического управления, бюрократизация образовательного процесса. Психологическую составляющую проблемы она связала с тем, что не только преподаватели, но и руководители образовательных программ, например, затрудняются в понимании роли педагога в проектной деятельности студентов и метода проектов в обучении, и выразила надежду, что работа семинара позволит ослабить напряженность в этом вопросе.

В докладах участников семинара нашел отражение опыт междисциплинарного взаимодействия. Доцент Ж.Ю. Кара представила ряд междисциплинарных проектов, осуществленных с участием специалистов различных областей. Результатом творческого взаимодействия психологов, искусствоведов, литературоведов стало учебное пособие «Развитие творческих способностей: технологии интегрированных воздействий». С участием преподавателей кафедр ИЗО, общей и педагогической психологии реализованы междисциплинарные проекты «Образы эпохи: одаренность, дар или испытание», «Арт-развитие: междисциплинарный подход».

Теоретические и методические основы междисциплинарных взаимосвязей в архитектурном образовании нашли отражение в докладах об усвоении будущими архитекторами теории, практики конструирования (доц. А.В. Тарасов), композиционно-образного моделирования (доц. А.Г. Токарев), о соответствии отечественных образовательных программ мировым образовательным программам в области архитектурного образования (доц. И.В. По-

цешковская), о довузовском архитектурно-художественном образовании (доц. Н.А. Терещенко). Доцент Н.К. Цуканова осветила опыт использования теории поэтапного формирования умственных действий Гальперина в работе преподавателей по формированию ориентировочной основы деятельности архитектора. При этом отметила методические проблемы, решение которых самими архитекторами затруднительно. Например, как понимать и трактовать представление применительно к архитектурной деятельности; в какой учебный момент включать работу с метафорой, адекватной художественной и архитектурной деятельности. Профессор В.М. Молчанов связал вопрос междисциплинарного взаимодействия с межкафедральным в целях соблюдения баланса между ориентацией на «общетворческость» на начальных этапах обучения и конкретным выражением творчества в практическом проектировании на выпускающих кафедрах. Председатель правления НПО «Южный градостроительный центр» Ю.Н. Трухачев поставил вопрос о необходимости учитывать новые теоретические обоснования градостроения во всей полноте его подсистем: социальной, экономической, экологической, пространственной. Это усиливает необходимость междисциплинарного взаимодействия в процессе архитектурного образования и межведомственного – в различных областях исследовательской градостроительной деятельности.

Отметив интеграционный характер архитектурного образования, междисциплинарное качество каждой проблемы этого процесса, имеющиеся опыт Академии архитектуры и искусств и потенциальные возможности ЮФУ, участники семинара пришли к заключению о том, что стартовавший Региональный научно-методический семинар следует рассматривать как не одноразовое мероприятие, но как инновационную постоянно действующую площадку интегрированного научно-методического регионального взаимодействия в области архитектурного образования.

Г.Ф. Карпова

DOI 10.18522/0321-3056-2016-2-110-111

Тринадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные ценности в XXI веке» (г. Ростов-на-Дону, 25 марта 2016 г.)

Под таким названием 25 марта 2016 г. в стенах Института социологии и регионоведения Южного федерального университета состоялись ежегодные тринадцатые Международные гендерные чтения. Кроме Института социологии и регионоведения организаторами выступили: Монгольский государственный университет (г. Улан-Батор), Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, Донское философское общество. В этом году конференция собрала участников из разных стран, среди которых Беларусь, Германия, Монголия и Армения. В работе приняли участие представители более десяти вузов, в их числе – Санкт-Петербургский государственный университет, Финансовый университет при Правительстве РФ, Волгоградский государственный медицинский университет.

В организации и проведении форума участвовали: Л. А. Савченко – председатель оргкомитета, доктор философских наук, проф. кафедры отраслевой и прикладной социологии ЮФУ; Г. Г. Силласте – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, проф. кафедры «Прикладная социология» Финансового университета при Правительстве РФ; Ю. Г. Волков – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, научный руководитель Института социологии и регионоведения ЮФУ; Л. В. Тарасенко – доктор социологических наук, директор Института социологии и регионоведения ЮФУ; Наран Болдмаа – доцент кафедры социологии и социальной работы Монгольского государственного университета; А. В. Сериков – кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе и экспертной деятельности Института социологии и регионоведения ЮФУ; В. А. Лабунская – доктор психологических наук, проф. Академии психологии и педагогики ЮФУ; А. М. Старостин – доктор политических наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки ЮРИУ – филиала РАНХиГС; Л. Г. Швец – доктор политических наук, проф. кафедры государственного и муниципального управления ЮРИУ – филиала РАНХиГС; Т.Г. Лешкевич – доктор философских наук, проф. кафедры философии и методологии науки ЮФУ, председатель Донского философского общества; Т. А. Марченко – доктор социологических наук, проф. кафедры отраслевой и прикладной социологии ЮФУ; Н. А. Вялых – кандидат социологических наук,

старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований ЮФУ; Д. Н. Брайко – преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии ЮФУ.

Тринадцатые гендерные чтения открыла Г.Г. Силласте – классик современной российской социологии, руководитель научной школы «Гендерная и экономическая социология». Она рассказала об основных этапах институционализации гендерной социологии как учебной дисциплины и отрасли научного знания в России, особо подчеркнула, что каждый ученый, вставший на путь гендерных исследований, должен быть готов не только к проведению научных изысканий, но и к защите своих идей и плодов интеллектуальной деятельности. После пленарного заседания проф. Г. Г. Силласте провела мастер-класс для студентов, аспирантов и преподавателей в рамках профессорской трибуны Института социологии и регионоведения ЮФУ.

Одним из ученых, стоявших у истоков гендерных чтений, по праву считается проф. В. А. Лабунская – выдающийся социальный психолог, действительный член Международной академии информатизации. Она каждый год знакомит участников конференции с новыми результатами экспериментальных социально-психологических исследований, которые проводятся под ее научным руководством. В этот раз В. А. Лабунская с позиции психологии социального познания делилась опытом изучения особенностей ценностного восприятия внешнего облика юношами и девушками.

Н. А. Вялых в докладе «Роль гендерных исследований в сфере здравоохранения» обратил внимание коллег на риск попадания в методологическую ловушку в ходе социологического изучения гендерного неравенства в доступе к медицинской помощи количественными методами. «Только мягкими, понимающими методиками можно установить либо опровергнуть связи гендера как социального конструкта пола с доступностью медицинской помощи. Всероссийские и региональные социологические опросы, равно как и статистические данные, регистрируют лишь факт асимметрии потребления медицинской помощи, а объяснительные модели социальных процессов выстраивают исследователи-аналитики с достаточно большой долей субъективности», – отметил Н. А. Вялых.

Значительный интерес у участников конференции вызвали доклады ученых из Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС проф. А. М. Старостина («Семь грехов маскулинности») и проф. Л. Г. Швец («Смысложизненные стратегии и конфликты: гендерная проекция»). По доброй традиции пленарное заседание гендерных чтений завершилось нестандартным докладом – авторскими композициями лауреата всероссийских вокальных конкурсов Л. Г. Швец.

Затем, уже в рамках секционного заседания, были заслушаны доклады студентов, аспирантов и молодых ученых. Предметом научной полемики стали такие проблемы, как взаимоотношения женщины, власти и общества в современном мире; трансгендерность в контексте глобализации; социологический анализ причин преступлений, совершаемых с особой жестокостью женщинами; гендерная специфика феномена «утечки мозгов»; гендерный срез восприятия угроз национальной безопасности.

Международные гендерные чтения раз в год объединяют специалистов из самых разных областей науки и регионов, необязательно являющихся профессиональными гендерологами. В фокус почти каждого гуманитария, будь то философ, социолог, политолог, экономист, филолог, так или иначе попадает гендерная проблематика. Когнитивный интерес к гендерным аспектам социально-экономических, социально-политических, духовно-нравственных и прочих проблем общества связан, как правило, с теми различиями между мужчинами и женщинами, которые «режут глаз», когда ученые анализируют статистику, социологические данные, нормативно-правовые источники, тексты (в философском понимании) или просто пытаются переосмыслить повседневную реальность, «нарушив» хотя бы на уровне научной рефлексии или здравого смысла «нормальный» ход повседневной жизни.

По итогам работы Международных гендерных чтений все доклады, рекомендованные оргкомитетом, будут опубликованы в сборнике научных статей «Гендерные ценности в XXI веке». Оргкомитет желает участникам конференции новых научных идей и будет рад приветствовать всех желающих на секции «Гендерные измерения социальных перемен, их рисков и последствий» (сопредседатели: проф. Г. Г. Силласте, проф. Л. А. Савченко, доц. В. Г. Ушакова) Пятого Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость», который состоится в г. Екатеринбурге с 19 по 22 октября 2016 г.

Л. А. Савченко, Н. А. Вялых

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Непосредственно транслитерацию можно сделать на сайте http://translit.net/, выбрав вкладку Варианты – BSI. Примеры для ее оформления даны ниже.

Монографии, книги целиком

Naimark M.A. *Lineinye differentsial'nye operatory* [Linear differential operators]. Moscow, 1969, 526 p.

Flora Nizhnego Dona [Flora of the Lower Don]. Ed. G.M. Zozulin, V.V. Fedyaeva. Rostov-on-Don, 1984, Ch. 1; 1985, Ch. 2.

Статьи в журналах

Pechentsov A.S. Kraevye zadachi dlya differentsial'nykh uravnenii, soderzhashchikh parametr, s kratnymi kornyami kharakteristicheskogo uravneniya [Boundary value problems for differential equations containing a parameter with multiple roots of the characteristic equation]. *Dif. uravneniya*, 1984, vol. 20, no 2, pp. 263-273.

Диссертации, авторефераты

Saakian N.S. *Kraevye zadachi dlya differentsial'nogo uravneniya chetvertogo poryadka v sluchae kratnykh kornei kharakteristicheskogo uravneniya*: dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Boundary value problems for differential equations of the fourth order in the case of multiple roots of the characteristic equation]. Baku, 1985, 135 p.

Авторские свидетельства, патенты

Grezin V.S., Novosyadlyi V.A. *Programmnoe sredstvo avtomaticheskogo opredeleniya vozrasta uchastnika sotsial'noi seti Ageception. Versiya 1.1* [The software tool automatically determine the age of the participant social network Ageception. Version 1.1]. Certificate, no 2014614425, 24.04.2013.

Электронные источники, интернет-сайты

Available at: www.ecoternopil.gov.ua (accessed 11.10.2014).

Ivanov S.E. *Morskaya industriya i global'nyi krizis - nablyudeniya sudobrokera* [Marine industry and the global crisis - monitoring of codebroker]. Available at: http://www.korabel.ru/news/comments/morskaya_industriya_i_globalniy_krizis_-_nablyudeniya_sudobrokera.html (accessed 11.12.2013).

Нормативные и архивные документы

Ob utverzhdenii normativov kachestva vody vodnykh ob'ektov rybokhozyaistvennogo znacheniya, v tom chisle normativov predel'no dopustimykh kontsentratsii vrednykh veshchestv v vodakh vodnykh ob'ektov rybokhozyaistvennogo znacheniya [On approval of the water quality standards fishery water bodies, including the maximum permissible concentrations of harmful substances in the waters of fishery water bodies]: prikaz Rosrybolovstva № 20 ot 18.01.2010. Moscow, 2010.

GAVO (Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskoi oblasti) [SAVR (State Archive of Vladimir Region)]. Fund R-359. In. 1. File 1.

GOST 10444.9-88. Produkty pishchevye. Metod opredeleniya Clostridium perfringens [GOST 10444.9-88. Food products. Method for determination of Clostridium perfringens]. Moscow, 2010.

Материалы конференций, семинаров, сборники

Nazar'ko O.V., Pavlov I.V., Chernov A.V. [Deformation and deformed stochastic basis]. *Matematicheskie metody v sovremennykh i klassicheskikh modelyakh ekonomiki i estestvoznaniya: materialy region. nauch.-prakt. konf. professorsko-prepodavatel'skogo sostava i molodykh uchenykh* [Mathematical methods in modern and classic models of economics and science: proceedings of the region. scientific and practical. conf.]. Rostov-on-Don, 2012, pp. 37-54.

Индекс 70414

Научно-образовательный и прикладной журнал

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям науки:

1. Философские науки
2. Исторические науки и археология
3. Экономические науки

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– заметки о книгах;
– научная жизнь;
– штрихи к портрету.

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. Помимо основных номеров выходят специальные тематические выпуски, посвященные разным научным направлениям, работам отдельных организаций, а также научные труды вузов, приуроченные к юбилейным датам. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: **http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=7571&SesCookieID=384749013&UserID=172269424**.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Публикация материалов, на которые получена положительная рецензия, оплачивается лично автором или организацией. Стоимость работ − договорная.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Статья − 2 экз. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Электронный вариант статьи на диске. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (500 знаков/10 строк).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке − через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс − 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.
Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».
Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.
E-mail: **izvestiya@sfedu.ru**.
Адрес в Интернете: **www.izvestiya.sfedu.ru**.

ISSN 0321-3056. DOI 10.18522/0321-3056-2016-2.
Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2016. № 2